

Джон Гришэм

Пора убивать

Убийство, месть, правосудие?

Округ Форд

Джон Гришэм

Пора убивать

«Издательство АСТ»

1989

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Пора убивать / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
1989 — (Округ Форд)

ISBN 978-5-17-138740-2

Есть ли задача сложнее, чем добиться оправдания человека, который отважился на самосуд и пошел на двойное убийство? На карту поставлено многое – жизнь мужчины, преступившего закон ради чести семьи, и репутация молодого адвоката, вопреки угрозам и здравому смыслу решившегося взяться за это дело. Любая его ошибка может стать роковой, любое неверное слово – может обернуться смертным приговором...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138740-2

© Гришэм Д., 1989

© Издательство АСТ, 1989

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	79
Глава 11	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Джон Гришэм Пора убивать

John Grisham
A TIME TO KILL

© John Grisham, 1989

© Перевод. Ю. Кирьяк, 2003

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Билли Рэй Кобб был чуть моложе своего товарища, такой же деревенщины, как и он, но чуть ниже его ростом. Отмотав трехлетний срок в Парчмэне, он в свои двадцать три года мог по праву считаться ветераном главной тюрьмы штата. Посадили его за хранение и попытку продажи наркотиков. Невысокого роста и довольно худой, он мог тем не менее постоять за себя. В тюрьме он умудрился выжить благодаря тому, что получал каким-то образом с воли все те же наркотики. Билли Рэй продавал их сокамерникам, а иногда просто делился ими с чернокожими и охраной, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Выйдя на свободу, он не оставил попыток добиться процветания, и уже через год прежний необременительный бизнес сделал Билли одним из наиболее состоятельных среди подобных ему жителей округа Форд. Билли стал настоящим бизнесменом: у него был штат служащих, были обязательства перед клиентами, он заключал сделки – словом, все как у людей. Вот только налогов он не платил. В Клэнтоне он прославился тем, что за последние несколько лет оказался единственным, кто купил новенький фордовский грузовичок за живые наличные деньги.

Шестнадцать тысяч долларов наличными за роскошный пикап, канареечно-желтый, сделанный на заказ, с приводом на четыре колеса. А шины с шипами, которым была не страшна любая грязь, и пижонские хромированные колпаки на колесах были предметом особой сделки. У заднего стекла кабины болтался конфедератский¹ флажок – Кобб стащил его у пьяного дружка на каком-то футбольном матче. Словом, пикап был любимой игрушкой Билли.

Сейчас Билли сидел на заднем борту с банкой пива, покуривая набитую травкой сигарету, и наблюдал за тем, как его приятель Уиллард – подошел его черед – развлекался с черномазой девчонкой.

Уиллард был на четыре года старше Билли, но все его движения были так медлительны, что выглядел он едва ли не стариком. В общем-то, Уиллард принадлежал к довольно безобидному типу людей, ни разу ему не пришлось побывать в серьезной переделке, ни разу никто не предложил ему настоящей работы. Может, ему и довелось провести пару-тройку ночей в полицейском участке, но в целом – ничего примечательного. Он называл себя резчиком древесины, однако боли в спине не давали ему возможности работать по специальности. Спину он повредил на одной из морских буровых где-то в Мексиканском заливе. Нефтяная компания выплатила очень неплохую страховку, которая почти вся ушла на бракоразводный процесс. В настоящее время Уиллард выполнял кое-какую повременную работу для Билли Рэя Кобба, который платил, может, и немного, зато смотрел сквозь пальцы на такую человеческую слабость, как пристрастие к наркотикам. Впервые за долгие годы Уиллард имел более или менее стабильный заработок. Ведь чтобы жить, ему, помимо всего прочего, постоянно необходимо было нечто особенное – с того самого дня, как он повредил спину.

Девчонка казалась слишком маленькой для своих десяти лет. Она лежала на локтях, стянутых за спиной желтой нейлоновой веревкой. Ноги широко раскинуты в стороны: правая крепко привязана к молодому дубку, а левая – к тронутому гнильем покосившемуся столбу старой ограды. Тонкая веревка впивалась в лодыжки, стирая нежную детскую кожу в кровь. Опухшее лицо тоже в крови, один глаз заплыл и ничего не видел, другой, полуоткрытый, смотрел на сидящего на борту грузовика мужчину. У нее не было сил, чтобы повернуть голову и посмотреть на того, кто был сейчас на ней. Человек этот пыхтел, потел и страшно ругался. Он делал ей больно.

¹ Конфедерация – южные штаты в Гражданской войне 1861–1865 гг. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Закончив, мужчина шлепнул ее ладонью и громко захохотал. Другой мужчина тоже захохотал. Потом он спрыгнул с борта грузовика, и они оба стали кататься по траве и хохотать как безумные, время от времени издавая нечеловеческие вопли... Она отвернулась в сторону и негромко заплакала, изо всех сил пытаясь сдерживать себя. Ее уже били за то, что она кричала и плакала. Они сказали, что убьют ее, если она не будет вести себя тихо.

Когда мужчинам надоело смеяться, они взобрались на задний борт и уселись. Уиллард принялся стряхивать с себя траву и землю ее пропитавшейся потом и кровью майкой.

Протягивая ему банку извлеченного из холодильника пива, Кобб пожаловался на высокую влажность. Они сидели и смотрели, как вздрагивает в плаче девчонка, издавая негромкие странные звуки. Наконец она успокоилась. Банка в руках у Билли была наполовину пустой, да и пиво уже нагрелось. Размахнувшись, он швырнул банку в девчонку. Банка угодила ей в живот, залив его густой белой пеной и скатившись к другим валявшимся в пыли жестянкам, появившимся из того же холодильника. Из двух упаковок, по шесть в каждой, приятели доставали очередную банку, делали два-три глотка, а затем метали ее в свою жертву. У Уилларда с меткостью было неважно, зато Билли Кобб отличался завидной точностью. Не то чтобы они так уж не любили пиво, позволяя ему течь на землю, просто тяжелой банкой было легче угодить в цель, да и пена летела по сторонам так потешно.

Теплое пиво смешивалось с кровью; струйки бежали по лицу девочки, по шее, натекали в небольшую лужицу у нее под затылком. Но она продолжала лежать неподвижно.

Уиллард спросил Кобба, не кажется ли ему, что маленькая черная сучка уже сдохла. Открывая новую банку, Билли объяснил, что нет, негра обычно нельзя убить, всего лишь избив и изнасиловав. Если нужно избавиться от ниггера, тут требуется нечто более серьезное: нож, пистолет, веревка на худой конец. Хотя ему самому, добавил Билли, и не приходилось принимать участия в таком деле, он делил тюремную камеру с целой сворой черномазых, уж он-то знает о них все. Они все время убивают друг друга, и каждый раз только с помощью какого-либо оружия. Те, кого просто избивали и насиловали, никогда не подыхали. Когда то же проделывали с белыми, то некоторые из них действительно отдавали богу душу. Но только не ниггеры. Они из другого теста.

Уиллард удовлетворенно кивнул и поинтересовался, что Кобб собирается делать теперь, когда девчонка им больше не нужна. Билли затянулся сигаретой, хлебнул из банки пива и не торопясь процедил, что она ему еще пригодится. Спрыгнув с борта, он неверным шагом направился к распростертому на земле ребенку. Остановившись рядом, он начал проклинать маленькую дрянь, приказывая проснуться. Плеснул холодным пивом ей в лицо, зайдясь при этом смехом умалишенного.

Приоткрыв глаз, она смотрела, как он обходит деревце, опускается у нее между ног на колени, не спуская взгляда с низа ее живота. Когда он начал расстегивать брюки, она повернула голову влево и вновь смежила веки. Он опять начал делать ей больно.

Вдалеке, между деревьями, она увидела чью-то фигуру: сквозь кустарник и заросли дикого винограда к ним продирался какой-то мужчина. Конечно же, это был ее папочка, он кричал, размахивал руками и отчаянно спешил к ней на помощь, спешил спасти ее. Она громко вскрикнула, призывая его, но он пропал. Девочка провалилась в темноту.

Когда она пришла в себя, один из ее мучителей спал, растянувшись на земле под кузовом пикапа, другой – на траве под деревом. Руки и ноги у нее совершенно онемели. Пиво, кровь и моча превратили сухую землю под ее маленьким тельцем в отвратительную жижу, которая издавала чавкающие звуки при малейшей попытке двинуться. Бежать, подумала девочка, но результатом почти нечеловеческих усилий было то, что она чуть сместилась вправо. Ноги оказались привязанными так высоко, что ее попка едва касалась земли. Мышцы затекли, и двигаться было практически невозможно.

Медленным взором она обвела заросли кустов в надежде увидеть папочку, негромко произнесла его имя. Подождала. И вновь провалилась в темную бездну.

Очнувшись вторично, она увидела, что двое ее мучителей уже на ногах. Тот, что был повыше, приблизился к ней с небольшим ножом в руке. Склонившись, он перерезал веревку сначала на левой ноге, затем на правой. Совершенно произвольно она скрючилась, как младенец в утробе матери, повернувшись спиной к ним.

Взяв кусок прочной веревки толщиной в четверть дюйма, Кобб перекинул один конец через сук дерева и подвижным узлом завязал на нем петлю. Затем, подойдя к девчонке, набросил эту петлю ей на шею. Развернулся, подошел к грузовику, уселся на заднем борту, держа в руке свободный конец веревки. Уиллард жадными затяжками курил травку, с любопытством наблюдая за Коббом. Билли выбирал обвисшую веревку и, когда она натянулась, сделал резкий рывок, который протащил маленькое тело по земле так, что девчонка оказалась прямо под суком. Она задыхалась и кашляла. Кобб заботливо ослабил натяжение веревки, даря этой чернушке несколько дополнительных минут. Спрыгнув с борта, он привязал свой конец веревки к бамперу и открыл новую банку пива.

Так они сидели на борту, прихлебывая пиво, лениво покуривая и не спуская глаз с девчонки. До этого большую часть дня они проторчали на озере, где у Кобба жил приятель с лодкой. Была обещана компания приятных девиц, которые не станут ломаться, однако на деле девушки оказались недотрогами и, несмотря на щедро выставленное Коббом пиво и настойчивые предложения покурить вместе травки, на контакт не шли. Потеряв всякую надежду на ответную пылкость, Билли с Уиллардом решили отвалить и довольно долгое время просто мотались по дорогам, пока совершенно случайно не наткнулись на эту девчонку. Она шла по усыпанной гравием обочине с полным пластиковым пакетом в руке, по-видимому, из овощной лавки. На редкость удачным броском Уиллард попал ей пивной банкой прямо в голову. Девчонка упала.

Сейчас Уиллард смотрел на нее красными остекленевшими глазами.

– Собираешься придушить ее? – спросил он Кобба.

– Нет, я уступлю это тебе, – чуть запнувшись, ответил Билли. – Идея была твоя.

Уиллард сделал глубокую затяжку, смачно сплюнул и проговорил:

– Как же, моя! Кто лучше тебя знает, как расправиться с ниггером? Так что давай.

Билли Рэй Кобб отвязал веревку от бампера, потянул. С толстой ветви вниз на девчонку полетели кусочки содранной коры вяза. Черномазый детеныш опять закашлялся, не сводя испуганных глаз с двух белых мужчин.

Внезапно ей послышался какой-то звук, как будто к ним, сигналив, приближалась машина. Мужчины тоже обернулись к покрытой гравием и высохшей грязью дороге, которая вела к проходившему в стороне шоссе. Выругавшись, они принялись торопливо действовать: закрыли борт, бросились к девчонке. Осыпая жертву и друг друга проклятиями, подтащили ее к грузовичку, на ходу срывая с детской шеи веревочную петлю. Затем ребенка перекинули через поднятый борт в кузов. Кобб вскочил на колесо, перегнулся, ткнул кулаком в измученное тело девочки и пригрозил, что, если она издаст хоть звук или попытается встать, он ее убьет. Правда, тут же чуть ли не ласково добавил:

– Будешь паинькой – отвезем домой, нет – приедем.

Она услышала, как хлопнули дверцы, машина тронулась. Домой, домой... Она потеряла сознание.

Кобб и Уиллард приветственно помахали руками водителю двигавшегося навстречу «файрберда», глушитель которого не мешало бы привести в порядок. Уиллард обернулся к заднему окошку, желая убедиться, что девчонка ведет себя как надо. Кобб вырулил на автостраду и прибавил газу.

– Ну, и что теперь? – нервно спросил его Уиллард.

– Не знаю, – таким же раздраженным голосом отозвался Билли. – Но что-то делать необходимо, и побыстрее, пока она не замазала кровью мне всю машину. И так пятна уже по всему кузову.

Открывая банку с пивом, Уиллард на мгновение задумался.

– Сбросим ее с какого-нибудь моста, – с достоинством предложил он, явно гордясь своей смекалкой.

– Отличная идея. Чертовски удачная мысль! – Кобб нажал на тормоза. – Достань-ка мне холодненького, – приказал он Уилларду, поспешившему выполнить просьбу своего босса.

– Даже холодильник извозила кровью, – доложил он, когда машина вновь тронулась.

Гвен Хейли чувствовала, что происходит нечто ужасное. Обычно она посылала за покупками кого-нибудь из мальчишек – у нее с мужем было трое сыновей, – однако отец наказал сегодня всех троих за какие-то провинности. Приговор гласил: вырвать на газоне вокруг дома все без исключения сорняки. А Тони еще до этого приходилось бывать в магазине, благо он располагался всего в миле от дома, и ни разу с ней не приключалось никаких недоразумений. После двух часов нервного ожидания Гвен все же решила отправить мальчишек на поиски сестры. Может, она зашла к Паундерсам повозиться с их малышами? Или отправилась к своей лучшей подруге Бесси Пирсон, жившей за магазином?

Владелец магазинчика, мистер Бэйтс, сказал братьям, что Тони вышла от него с покупками около часа назад. Мальчики отправились дальше. Они удалились на приличное расстояние, когда Джарвис, средний из братьев, увидел на обочине дороги пакет с выкатившимися из него овощами.

Гвен позвонила мужу, работавшему на бумажной фабрике, затем посадила в машину Карла Ли-младшего и начала колесить во всех направлениях по дорогам в районе магазина мистера Бэйтса. Они добрались до небольшого поселка, где в одной из старых рассыпающихся лачуг жила тетка; местность эта называлась Плантация Грэма. Они подъехали к лавочке под гордым названием «Бродвей» – в миле от «Бэйтса». Тони никто не видел. Не оставалось ничего иного, как продолжить поиски.

Билли никак не удавалось найти мост, на котором бы не было ниггеров с дурацкими удочками в руках. На каждом торчали по четыре-пять черномазых, все в соломенных шляпах, – перегнувшись через перила, они пялились на поплавки. Другие их собратья группами располагались под мостами на перевернутых ведрах – в тех же шляпах, с теми же удочками. Сидели неподвижно, как истуканы, только изредка поднималась чья-то рука, чтобы отогнать надоедливую муху или прихлопнуть комара.

Сейчас Билли был уже по-настоящему напуган. От Уилларда помощи ждать не приходилось: его совсем разморило. Перед Коббом стояла необходимость самому решить, как избавиться от девчонки, чтобы она никому не смогла проболтаться. А все время, что грузовик носился по дорогам и проселкам округа в поисках тихого местечка, где можно остановиться и засунуть куда-нибудь эту черномазую куклу без того, чтобы на тебя не обернулась дюжина соломенных шляп, – все это время Уиллард безмятежно похрапывал, развалившись на сиденье.

Билли бросил взгляд в зеркало заднего вида и заметил, что девчонка пытается подняться на ноги. Он резко нажал на тормоз, и она тут же свалилась к стенке кабины. Уиллард тоже сполз с сиденья, но храпеть не перестал. С ненавистью и отвращением Билли прошелся по адресу обоих.

Озеро Чатулла представляло собой гигантский искусственный мелкий пруд. Вдоль одного его берега протянулась покрытая зеленой травой дамба длиной в милю. Вообще-то озеро лежало в самой глуши – в юго-западной части округа Форд, на границе с округом Ван-Бюрен. В весенний период оно считалось самым крупным водным резервуаром штата Мисси-

сипи. Однако к концу лета отсутствие дождей и нещадно палящее солнце превращали озеро просто в лужу. Впечатляющая весной береговая линия отступала, пятилась, образуя в конце концов нечто подобное болотцу с красновато-коричневой, отвратительной на вид жижей. Со всех сторон в озеро впадало бесчисленное количество ручейков, родничков, струек неведь откуда взявшейся воды и пара ручьев побольше. Их размеры позволяли им называться чуть ли не реками. Столь разветвленная водная система потребовала возведения в прилегающем к озеру районе изрядного количества мостов и мосточков.

По ним-то и рыскал желтый пикап, пытаясь отыскать место, где можно выгрузить нежелательного пассажира.

Кобб начал приходить в отчаяние. Он знал, что неподалеку есть еще один мостик – узкий дощатый настил через ручей Туманный. Но еще издали он и там заметил ненавистные соломенные шляпы с удочками. Не доезжая, он свернул на какой-то проселок, остановил машину. Опустил, выбравшись из кабины, задний борт, вытащил девчонку и швырнул ее в заросшую густым кустарником канаву.

Карл Ли Хейли не спешил домой. Он знал, как легко Гвен теряет голову. Уж сколько раз она звонила ему на работу, будучи в полной уверенности, что кого-то из детей похитили. Поэтому он сунул свой пропуск в устройство, отмечающее время ухода сотрудников не ранее установленного часа. Получасовая дорога домой и на этот раз отняла у него ровно тридцать минут. Беспокойство охватило Карла Ли только тогда, когда он свернул с автострады на посыпанную гравием подъездную дорожку и увидел полицейский патрульный автомобиль, припаркованный напротив парадного крыльца их дома. А вдоль самой подъездной дорожки и по всему двору стояли машины родственников Гвен. Но одну из этих машин Карл Ли никак не мог опознать, у нее из бокового окна еще торчали бамбуковые удилица, а на сиденьях каким-то чудом сидело не меньше семи соломенных шляп.

А где же Тони и ребята?

Он потянул на себя ручку входной двери и тут же услышал плач Гвен. В небольшой гостиной какие-то люди обступили со всех сторон кушетку, на которой лежала маленькая фигурка ребенка. Девочка с ног до головы была завернута в мокрые полотенца. Некоторые из присутствовавших родственников плакали. Когда отец вошел в гостиную, всхлипывания смолкли, люди расступились, открывая проход к кушетке. Рядом с Тони оставалась только Гвен, она нежно водила рукой по волосам дочери. Карл Ли, опустившись возле кушетки на колени, прикоснулся к плечу малышки, заговорил с ней, и девочка попыталась улыбнуться в ответ. Лицо ее представляло собой опухшую кровавую маску – в синяках, царапинах, глубоких ссадинах. Веки заплывших глаз опущены, в уголках – кровь. Отец не мог сдержать слез при виде дочери, чье незащитное тельце пострадало, по-видимому, еще больше, чем лицо.

Карл Ли повернулся к жене, спрашивая, что произошло. Но с Гвен началась истерика, и ее, трясущуюся и пронзительно вопящую, отвел на кухню брат. Поднявшись с коленей, Карл Ли обвел взглядом толпящихся в гостиной людей и потребовал объяснить, что случилось с его дочерью.

Молчание.

Он задал вопрос в третий раз. Вперед вышел один из двоюродных братьев Гвен, Уилли Хастингс, заместитель местного шерифа, и сказал Карлу Ли, что какие-то люди, возвращаясь с рыбалки на Туманном ручье, увидели лежавшую прямо посреди дороги девочку. Тони смогла произнести имя своего отца, вот они и привезли ее сюда на машине.

Смолкнув, Хастингс уставился на свои ботинки.

Карл Ли стоял и, не спуская с него глаз, ждал. В комнате воцарилась такая тишина, что казалось, люди, все как один опустившие головы вниз, перестали дышать.

– Что случилось, Уилли?! – громовым голосом прокричал Карл Ли.

Глядя в окно, Хастингс заговорил вновь. Он медленно выговаривал слова, повторяя все то, что Тони рассказала своей мамочке о двух белых мужчинах и их пикапе, о веревке, о деревьях, о том, как ей было больно, когда они ложились на нее.

Услышав сирену прибывшей «Скорой помощи», Хастингс замолчал.

Люди стали выходить из дома, они собирались в группки у крыльца и следили за тем, как санитары вытаскивают из машины носилки и спешат в дом к пострадавшей.

Однако, не пройдя и половины расстояния, отделявшего машину «Скорой» от двери дома, они вдруг остановились. Прижимая девочку к груди, Карл Ли сам вышел на крыльцо. Он что-то шептал дочери, а по лицу его катились крупные слезы. Через заднюю дверцу он забрался в карету «Скорой помощи», следом сели санитары, захлопнули дверцу и осторожно забрали из его рук ребенка.

Глава 2

Оззи Уоллс был единственным в штате Миссисипи чернокожим шерифом. Время от времени такое случалось и раньше, однако в настоящий момент на всей территории штата другого шерифа-негра не существовало. Осознание этого факта наполняло Оззи чувством гордости, тем более что семьдесят четыре процента жителей округа Форд были белыми, а те из его собратьев, кто в прошлом удостаивался такой чести, жили в местностях, где процент черного населения был гораздо выше. Чтобы черномазого избрали шерифом в белом округе в штате Миссисипи – да такого не бывало со времен Реконструкции!² Оззи Уоллс здесь родился и вырос, он приходился родственником чуть ли не каждой черной семье и успел также породниться кое с кем из белых. В конце шестидесятых, уже после дегрегации, в местном колледже в Клэнтоне была создана первая смешанная группа студентов: черным разрешили учиться вместе с белыми. В этой-то группе и учился Оззи. Он сходил с ума от футбола и хотел играть в своей команде, но, поскольку в ней уже играли двое черных, ему пришлось выступать, и причем блестяще, за команду соседей полузащитником, однако поврежденное в одном из матчей колено вынудило его вернуться к занятиям в колледже. В настоящее время Оззи чертовски скучал по футболу, но зато наслаждался положением полновластного шерифа. Особенно остро он чувствовал свою исключительность во время выборов – когда получал «белых» голосов больше, чем его белые противники. Мальчишки из белых семей любили его за то, что когда-то он был футбольной звездой, его показывали по телевидению, а фотографии печатались в спортивных журналах. Их родители уважали Оззи и голосовали за него потому, что он был настоящим крутым копом, которому все равно, стоит перед ним белый бандит или чернокожий, а еще потому, что, после того как Оззи стал шерифом, судебному присутствию нечем было заняться в округе Форд. Ну а черные – черные боготворили его за то, что он был Оззи, он был одним из них.

Отказавшись от ужина, Оззи сидел в своем кабинете, размещавшемся в здании тюрьмы, и ждал доклада Хастингса о событиях в доме Хейли. К этому времени у Оззи появились кое-какие подозрения. Билли Рэю Коббу уже приходилось бывать в этом кабинете. Оззи знал, что тот торгует наркотиками, – просто пока еще не представлялось случая поймать его за руку. Знал он и то, каким подлым может быть Билли.

Дежурный связался с заместителями по радиотелефону, и после того как они закончили свои сообщения, Оззи приказал им установить местонахождение – но не арестовывать! – Билли Рэя Кобба. Заместителей было двенадцать человек: девять чернокожих и трое белых. Все они ринулись на поиски канареечно-желтого фордовского пикапа с конфедератским флажком.

Вместе с прибывшим Хастингсом Оззи отправился в окружную больницу. Как обычно, Хастингс сидел за рулем, а Оззи отдавал по радио приказы.

На втором этаже в комнате для посетителей они застали весь семейный клан Хейли. Тетки, дяди, дедушки и бабушки, друзья и даже вовсе не знакомые люди битком набились в небольшую комнату, а кто-то еще теснился и в коридоре. Люди говорили между собой шепотом, слышался чей-то приглушенный плач. Тони находилась в операционной.

В темном углу, на диванчике из дешевого пластика, сидел Карл Ли, рядом с мужем поместилась Гвен с мальчиками. Карл Ли упорно не поднимал глаз от какой-то точки на полу, не замечая никого вокруг себя. Голова жены покоилась у него на плече, Гвен едва слышно плакала. В строгих позах – руки на коленях, спина выпрямлена – сидели мальчики. Время от времени то один, то другой поглядывал на отца, как бы в надежде услышать от него ободряющее слово.

² Так называлась реорганизация южных штатов после Гражданской войны (1867–1877 гг.).

Оззи пробирався через толпу собравшихся, обмениваясь рукопожатиями, негромкими хлопками по спине, шепотом обещая приветствовавшим его, что непременно поймают подонков. Добравшись наконец до родителей девочки, присел рядом с ними на корточки.

– Как она?

Но и его Карл Ли не увидел. Гвен заплакала громче, мальчики тоже начали шмыгать носами и тереть глаза. Оззи ласково похлопал Гвен по колену, поднялся. Кто-то из ее братьев вывел шерифа и его заместителя из переполненной комнаты в коридор, подальше от толпы. Пожав Оззи руку, он поблагодарил его за приход.

– Как девочка? – вновь спросил Оззи.

– Пока не очень хорошо. Сейчас она в операционной, там ею занимаются. У нее переломы нескольких костей и тяжелое сотрясение мозга. Все тело избито. На шее следы веревки, выглядит это так, будто ее пытались повесить.

– Изнасилована? – спросил Оззи, заранее зная ответ.

– Да. Она сказала матери, что парни делали это по очереди, что ей было ужасно больно.

Врачи подтвердили.

– Ну а что Карл Ли и Гвен?

– Похоже, что они еще не пришли в себя. Пока просто в шоке. Приехав сюда, Карл Ли не произнес ни слова.

Оззи уверил его в том, что насильников найдут, что это не займет много времени, что когда их поймают, то запрут в надежном месте, где эти подонки будут в должной безопасности. В ответ брат Гвен предположил, что ради этой самой безопасности их, может, следует отправить в какую-нибудь другую тюрьму.

Отъехав мили на три от Клэнтонна, Оззи указал на проселок, идущий чуть в стороне от основной магистрали.

– Сворачивай, – приказал он Хастингсу, который тут же начал выворачивать руль.

Машина вползла в крошечный дворик перед снятым с колес туристским фургоном. Уже почти совсем стемнело.

Взяв с сиденья резиновую дубинку, Оззи со всей силы начал колотить ею по входной двери.

– Открывай, Бампус!

От этих ударов весь фургон заходил ходуном. Бампус бросился в туалет, чтобы спустить в унитаз только что прикуренную сигарету с марихуаной.

– Открывай, Бампус! – послышалось снаружи. – Я же знаю, что ты здесь. Открывай, иначе я выломаю дверь!

Бампус рванул на себя дверь, и Оззи вошел.

– Знаешь, Бампус, каждый раз, как я захожу к тебе, у тебя чем-то воняет и в унитазе журчит вода. Одевайся. У меня есть для тебя дело.

– Ч-что?

– Объясню на улице, там хоть можно дышать. Одевайся, и побыстрее.

– А если я не хочу?

– Отлично. В таком случае я завтра же повидеюсь с соответствующим чиновником. Тебя ведь освободили условно?

– Я буду готов через минуту.

Оззи улыбнулся и направился к автомобилю. Бобби Бампус ходил у него в любимчиках. Получив двумя годами раньше условное освобождение, он до сих пор вел довольно-таки безобидный образ жизни, лишь иногда не находя в себе сил противостоять соблазну без особого труда заработать несколько долларов на продаже одной-двух доз. Оззи следил за ним ястребиным глазом и знал абсолютно все об этих его сделках, в свою очередь, и Бампусу было известно,

что для Оззи это не тайна, вот почему он обычно всегда готов был помочь своему «другу», шерифу Уоллсу. Вообще-то Оззи планировал добыть с помощью Бампуса улики, изобличающие Билли Рэя Кобба в регулярной торговле наркотиками, но теперь это может и подождать.

Через несколько минут Бампус вышел из фургона, на ходу застегивая молнию на брюках.

– И кого же вы разыскиваете? – задал он вопрос.

– Билли Рэя Кобба.

– Так это же совсем не трудно. Обойдетесь и без меня.

– Заткнись и слушай. Мы предполагаем, что сегодня во второй половине дня Кобб стал соучастником изнасилования. Двое белых вдоволь потешились с чернокожей девчонкой, и я думаю, что одним из них был Кобб.

– Это не похоже на Кобба. Вы же помните, шериф, он завязан с наркотиками.

– Заткнись и слушай, что я говорю. Найдешь Кобба и посидишь с ним. Минут пять назад его грузовик засекли рядом с заведением Хью. Угостишь его пивом. Сыграете в пул³, в кости, черт его знает, во что еще. Выяснишь, что он сегодня делал. С кем был. Куда ездил. Ты ведь знаешь, он довольно болтлив, не так?

– Так.

– Как найдешь его – сразу позвонишь дежурному. Они свяжутся со мной. Я буду где-нибудь поблизости. Понял?

– Конечно, шериф, все ясно.

– Вопросы?

– Есть один. Я на нуле. Кто будет платить за все это?

Оззи сунул ему двадцать долларов и сел в машину. Хастингс погнал ее по направлению к придорожному ресторанчику Хью, в сторону озера.

– Вы уверены, что ему можно доверять? – спросил он своего шефа.

– Кому?

– Этому Бампусу.

– Я верю ему. С тех пор как он оказался на свободе раньше срока, на него можно положиться. В целом он неплохой парень, старается вести себя прилично. Он оказывает кое-какие услуги своему собственному шерифу и всегда делает то, о чем его прошу я.

– Почему?

– Потому что год назад я поймал его с десятью унциями зелья. Он уже около года был на свободе, и тут я засек с одной унцией его брата и сказал, что ему светит тридцатилетний срок. Парень совсем раскис, проплакал всю ночь в камере и к утру уже был готов к беседе. Признался, что наркотики поставляет ему братец, Бобби. Ну я отпустил его и отправился поглядеть с Бобби. Когда я начал стучать в дверь, то услышал, вот как сейчас, урчание унитаза. А открывать он не спешил, пришлось выломать дверь. Я нашел его в туалете, в одном нижнем белье. Он пытался перекрыть краны, чтобы остановить воду. Повсюду валялись пакеты с зельем. Не знаю, сколько он успел спустить в канализацию, но, похоже, что-то засорилось, травка плавала в переполненном унитазе, а вода текла на пол. Я напугал его так, что он описался со страху.

– Вы смеетесь?

– Ничуть. Парень действительно уделался. Представь себе картину: он стоит в совершенно мокрых трусах, в одной руке – пакеты с травкой, в другой – ручка от бачка, а в туалете воды уже чуть не по колено.

– И что же вы предприняли?

– Пообещал, что убью его.

– А он?

³ Популярная в США разновидность бильярда.

– Начал плакать. Взахлеб, как ребенок. Кричал что-то о своей мамочке, о тюряге и все такое. Клялся, что никогда больше рукой не прикоснется к этому дерьму.

– Вы арестовали его?

– Нет, мне просто нельзя было этого делать. Я круто поговорил с ним, наобещав кучу всяких гадостей. Провел допрос прямо в сортире. С тех пор работать с ним – просто удовольствие.

Подъехав к Хью, они сразу же заметили пикап Кобба на стоянке, где, помимо него, было еще штук десять других грузовиков. Хастингс остановил машину у негритянской церкви, стоявшей у дороги чуть выше, на холме. Забегаловка, или «торчок», как ее с любовью называли постоянные посетители, была оттуда как на ладони. Другой патрульный автомобиль был скрыт за группой деревьев, а у обочины шоссе на некотором удалении стоял и третий. Через несколько мгновений на стоянку перед «торчком» въехал Бампус. Резко ударив по тормозам, он поднял вокруг себя кучу пыли и пристроился чуть ли не вплотную к «форду» Кобба. Беззаботно посмотрев по сторонам, Бампус скрылся внутри. Через полчаса дежурный сообщил Ози, что источник обнаружил объект, белого мужчину, в ресторанчике Хью, это заведение на автостраде, неподалеку от озера. Не прошло и пяти минут, как подъехали еще две патрульные машины и заняли свои позиции. Люди настроились на ожидание.

– Почему вы так уверены в том, что это Кобб? – задал вопрос Хастингс.

– Я не уверен. Просто у меня такое ощущение. Девочка говорила, что это был грузовик с блестящими колесами и новыми большими шинами.

– Таких в округе, наверное, не меньше двух тысяч.

– Еще она сказала, что пикап был желтым, выглядел совсем новым и у заднего стекла развевался конфедератский флаг.

– Ну не две тысячи, так двести.

– А может, и того меньше. Кто у нас еще так же отвратителен, как Билли Рэй Кобб?

– А если это все же не он?

– Он.

– А если нет?

– Мы узнаем это очень быстро. У него и так язык с трудом во рту помещается, а уж как он выпьет...

В течение двух часов они сидели, ждали и смотрели, как подъезжают и отъезжают грузовики. Водители, резчики древесины, рабочие с бумажной фабрики, фермеры оставляли свои машины на стоянке и заходили внутрь, чтобы пропустить стаканчик, сыграть партию в пул, послушать и оценить виртуозность местной группы. Но все же большинство из них приходили сюда, чтобы найти себе женщину. Некоторые выходили и направлялись к соседнему бару, владелицу которого звали Энн. Но делали они это, похоже, только для того, чтобы тут же вернуться к Хью. Заведение Энн выглядело мрачнее и снаружи, и внутри, а потом, там не было заманчивых разноцветных флажков с названиями сортов пива, не было и настоящей, «живой», музыки, благодаря которой «торчок» пользовался такой популярностью. Бар Энн был преимущественно известен как место, где всегда можно разжиться дозой, в то время как у Хью посетитель мог иметь все: музыку, женщин, хорошую выпивку и закуску, игровые автоматы, кости, танцы, возможность понаблюдать за то и дело вспыхивавшими драками. На глазах у шерифа и Хастингса из дверей выкатился сплетенный из человеческих тел клубок и на автостоянке начался очередной поединок между деревенского вида парнями, безжалостно осыпавшими друг друга ударами. Выпустив пар, они как ни в чем не бывало вернулись за свой столик, где продолжили игру в кости.

– Надеюсь, они месили не Бампуса, – спокойно заметил шериф.

Туалет у Хью был маленьким и загаженным до невозможности. Большинство посетителей предпочитали выйти облегчиться между машин на стоянке. А по понедельникам здесь по

утрам творилась просто какая-то сортирная вакханалия: по воскресеньям с наступлением темноты пивом начинали торговать со скидкой, и это привлекало сюда столько народу, что каждое колесо стоявшего рядом с «торчком» грузовика до самого полудня понедельника неоднократно и весьма тщательно промывалось. Примерно раз в неделю проносящийся мимо ничего не подозревающий мотоциклист рисковал свалиться в канаву при виде того, что происходило между машинами на стоянке. В таких случаях Оззи приходилось вмешиваться, следовал арест злостного нарушителя общественного порядка. Обычно же шерифу не было особого дела до того, что в этих притонах происходит.

Оба заведения постоянно нарушали целую кучу законов и местных постановлений. Азартные игры, наркотики, незаконная продажа спиртного, другие мелкие правонарушения, они отказывались закрываться вовремя и так далее. Вскоре после того, как его впервые избрали шерифом, Оззи совершил большую ошибку: выполняя свои обещания, данные в спешке предвыборной кампании, он закрыл все подобного рода забегаловки в округе. Худшей ошибки он сделать не мог. Преступность резко скакнула вверх. Тюрьма была переполнена. Судебные архивы отказывались принимать на хранение новые дела: не было места на полках. Деревенские работяги караванами машин дружно потянулись в Клэнтон, до отказа забив площадь перед зданием суда. Их тут были сотни. Каждый вечер они занимали площадь, пили, дрались, на полную громкость включали свои магнитофоны и выкрикивали непристойности в адрес объятых ужасом прохожих. Каждое утро площадь являла собой огромную помойку, по которой ветер раскатывал пустые пивные банки и бутылки из-под спиртного. Тогда Оззи приказал закрыть и все точки, где привыкли собираться чернокожие. К концу месяца количественные показатели краж со взломом, грабежей, вооруженных разбоев увеличились в три раза, а в одну из недель случилось два убийства кряду.

В конце концов жизнь в осажденном городе сделалась невыносимой. Вскоре представители местного самоуправления тайно встретились с Оззи. Они умоляли его ослабить введенные им драконовские меры. Шериф вежливо напомнил, что во время предвыборной кампании именно городские власти настаивали на непреклонном закрытии всех сомнительных заведений. Должностным лицам не оставалось ничего иного, как признать собственные просчеты и просить шерифа дать людям возможность спокойно ходить по улицам. Да, они, безусловно, поддержат его кандидатуру на следующих выборах. Оззи внял мольбам, и жизнь вернулась в нормальную колею.

Оззи был вовсе не в восторге от того, что в его округе процветают заведения столь низкого пошиба, однако он был абсолютно уверен: когда эти притоны открыты, законопослушные избиратели чувствуют себя в гораздо большей безопасности.

В десять тридцать дежурный сообщил по рации, что источник настаивает на личной встрече с шерифом. Оззи дал свои координаты, и через минуту они с Хастингсом увидели, как из дверей забегаловки вышел Бампус и направился к своему грузовику. Пнув пару раз ногой шины, он сел за руль и, взметнув облако пыли, рванул к церкви.

– Да он пьян, – пришел к выводу Хастингс.

Бампус промчался через весь церковный двор и с визгом затормозил у патрульной машины.

– Привет, шериф! – во всю глотку заорал он.

Выбравшись из машины, Оззи подошел к его грузовичку.

– Почему так долго?

– Вы же сами сказали, что у меня в распоряжении вся ночь.

– Ты нашел его два часа назад.

– Согласен, шериф. Но вы когда-нибудь пытались просадить двадцать долларов на пиво, если банка стоит всего пятьдесят центов?

– Ты пьян?

- Ничуть. Просто мне хорошо. Не мог бы я получить вторую двадцатку?
- Ну и что ты выяснил?
- О чем?
- О Коббе!
- А! Он сидит там, внутри, успокойтесь.
- Я знаю, что он там. Что еще?

Улыбка исчезла с лица Бампуса; повернув голову, он смотрел на находящийся неподалеку «торчок».

– Он сидит и смеется, шериф. Говорит, что грандиозно пошутил. Говорит, что наконец-то ему удалось найти негрityанку, которая была девственницей. Тут кто-то спросил его, сколько же ей было лет, и Кобб ответил, что восемь или девять. Они там просто зашлись от хохота.

Хастингс прикрыл глаза и опустил на грудь голову. Оззи, глядя в сторону, скрипел зубами.

- Что он еще говорил?
- Он здорово набрался. К утру уже ничего не сможет вспомнить. Говорил, это была прелестная черномазая девчонка.
- С ним кто-нибудь был?
- Пит Уиллард.
- Он и сейчас там с ним?
- Да, они хохочут в один голос.
- Где они сидят?
- Налево от входа, рядом с игровыми автоматами.

Оззи улыбнулся:

- О'кей, Бампус. Сработано неплохо. Можешь проваливать.

Хастингс связался с дежурным и назвал ему два имени. Тот передал информацию Луни, другому заместителю Оззи, сидевшему в кабине автомобиля, припаркованного напротив дома окружного судьи Перси Булларда. Луни тут же устремился к крыльцу и нажал на кнопку звонка. Дверь открыл сам судья, и Луни вручил ему два аффидевита⁴ и два ордера на арест. Буллард подписал ордера и вернул их заместителю шерифа. Луни поблагодарил его честь и побежал к машине. Не прошло и двадцати минут, как ордера уже были у Оззи, сидевшего в патрульной машине возле церкви.

Ровно в одиннадцать музыка вдруг оборвалась, кости со столов исчезли, несколько танцующих пар замерли, не слышен стал перестук шариков в игровых автоматах. Кто-то включил верхний свет. Десятки пар глаз настороженно следили за шерифом, шагавшим вместе со своими людьми по залу к столику в углу, ближе к игровым машинам. За столиком сидели Кобб, Уиллард и еще двое каких-то типов. Вокруг были раскиданы пустые пивные банки.

– Мне очень жаль, сэр, но черномазых сюда не пускают, – сорвалась у Кобба с языка неосторожная фраза.

Все четверо захохотали. Оззи ухмыльнулся. Когда смех стих, он лениво проговорил:

- Я смотрю, у вас неплохое настроение, а, Билли Рэй?
- Было, – процедил Кобб.
- Похоже на то. Страшно не хотелось вам мешать, однако вы и мистер Уиллард должны будете пройти с нами.
- Куда это? – озадаченно спросил Уиллард.
- Прокатимся вместе.
- И с места не сдвинусь, – промычал Кобб.

⁴ Скрепленные присягой письменные показания по делу.

При этих словах двое других поднялись и отошли в сторону, присоединившись к зрителям.

– Я арестовываю вас обоих, – заявил Оззи.

– И ордера есть? – поинтересовался Билли.

Хастингс вытащил ордера, передал их Оззи. Тот швырнул их на стол.

– Да. И ордера у нас есть. Поднимайтесь.

Уиллард в отчаянии смотрел на Кобба, который, потягивая пиво, выговорил:

– Я в тюрьму не собираюсь.

Луни вручил своему шефу самую длинную в округе Форд полицейскую дубинку. Уиллард был на грани паники. Взяв дубинку, Оззи со всего размаха опустил ее на стол. Во все стороны полетели пустые банки и пивная пена. Уиллард вскочил и протянул Луни руки. Тот защелкнул на них заранее приготовленные наручники. Уилларда выволокли на улицу и засунули в автомобиль.

Оззи легонько похлопывал дубинкой по ладони и смотрел, улыбаясь, на Кобба.

– Имеешь право хранить молчание. Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя в суде. Имеешь право воспользоваться услугами адвоката. Если у тебя нет на это денег, с ним расплатится государство. Вопросы?

– Пожалуй. Который сейчас час?

– Самое время отправляться в камеру.

– Убирайся к чертям, ниггер.

Шериф схватил Билли за волосы и вытащил из-за стола. Потянув вниз, заставил Кобба растянуться на полу, уткнуться лицом в плевки и окурки. Затем Оззи уперся коленом ему в позвоночник, а резиновую дубинку просунул под подбородок. Переноса тяжесть своего тела на колено, он стал медленно поднимать вверх один конец дубинки. Кобб захрипел, чувствуя, как резина сдавила его горло.

Потом Оззи за волосы проволока его через весь зал, через усыпанную гравием стоянку и швырнул на заднее сиденье патрульной машины, к Уилларду.

...Весть об изнасиловании быстро распространилась по городу. В комнате для посетителей и в коридорах окружной больницы прибавилось родственников и друзей. Из операционной Тони перевезли в палату; состояние ее было критическим. В коридоре Оззи разыскал брата Гвен и сообщил ему об арестах. Это были именно они, уверенно сказал тот.

Глава 3

Перекатившись через свою супругу, Джейк Брайгенс встал с постели и неверной походкой направился в маленькую ванную, располагавшуюся едва ли не у самой кровати. В темноте он стал на ощупь отыскивать отвратительно затрезвонивший будильник. Он нащупал его там, куда накануне сам же и поставил, и резким, полным ненависти ударом заставил смолкнуть этот чертов механизм. Светящиеся в темноте стрелки показывали пять тридцать. Была среда, 15 мая.

Несколько мгновений он простоял в полной темноте, почти не дыша, охваченный непонятным ужасом. Сердце бешено стучало. Остановившись взглядом Джейк уставился на вызывавший чувство первобытной злобы циферблат. Ему казалось, что пронзительный звон будильника могла слышать вся улица. Каждое утро, когда этот мерзкий звук выбрасывал его из постели, у Джейка появлялось ощущение, что его вот-вот хватит удар. Иногда – раза два в год – ему удавалось в такие моменты, как бы невзначай, выпихнуть свою жену Карлу из кровати на пол: может, перед тем как забраться вновь под одеяло, она догадается усмирить дьявольское приспособление. Карла шла на это с крайней неохотой. Она считала это сумасшествием – вставать в такую рань.

Часы находились на подоконнике, так что, если Джейку хотелось заставить их замолчать, он должен был встать и сделать несколько шагов. А поднявшись, Джейк уже не позволял себе вновь нырять в теплую постель. Это было его незыблемым правилом. Одно время будильник стоял рядом с кроватью, на тумбочке, и Карла глушила его прежде, чем муж успевал проснуться. В таких случаях Джейк спал до семи или до восьми и весь день летел к черту. Вторым его правилом было приходить в офис к семи утра. Поэтому будильник в конце концов был помещен в ванную и прекрасно исполнял свою функцию.

Джейк подошел к раковине и плеснул в лицо холодной водой. Зажег свет и в ужасе уставился на свое отражение в зеркале. Прямые каштановые волосы стояли торчком, расстояние между ними и бровями увеличилось за ночь по меньшей мере на пару дюймов. Или они катастрофически выпадают, подумал Джейк, или лоб продолжает расти и расти. Веки опухли, во внешних уголках глаз скопилась какая-то белая дрянь. Поперек левой щеки – красный шрам, оставленный швом пододеяльника. Джейк потер его, размышляя, исчезнет ли он к началу рабочего дня. Отбросив правой рукой волосы назад, он внимательным взглядом принялся исследовать свою шевелюру. Дожив до тридцати двух лет, он не имел ни одного седого волоса, и в ближайшем будущем седина ему не грозила. Настоящей бедой было прогрессирующее облысение, оставленное ему в наследство обоими родителями. Он мечтал о пышных, густых волосах, начинавшихся в дюйме от бровей. Правда, Карла говорила ему, что волос у него все еще много. Однако и их хватит ненадолго, если выпадение не прекратится. Она уверяла, что Джейк по-прежнему красив, и он верил ей. Она убеждала его в том, что высокий лоб придает ему более солидный вид, столь необходимый молодому адвокату. И он опять верил ей.

Но как же тогда пожилые, совершенно облысевшие адвокаты? Или адвокаты средних лет, достаточно солидные, но лишенные всяких признаков шевелюры? Ах, если бы волосы могли вернуться к нему тогда, когда лицо покроется морщинами, а щеки украсятся благородными седыми бакенбардами!

Джейк размышлял обо всем этом, стоя под душем. Утренний туалет, бритье и одевание не отнимали у него много времени. В кафе он должен быть ровно в шесть утра – таково было третье правило. Выйдя из ванной, Джейк включил в спальне свет и принялся стучать ящиками и хлопать дверцами шкафа, надеясь разбудить Карлу. Это был обычный ритуал, когда в школе кончались занятия и ей уже не нужно было спешить на уроки. Сколько раз он пытался объяснить ей, что у нее весь день впереди, что она успеет еще отоспаться, что быстротечные

утренние мгновения они должны проводить вместе, наслаждаясь друг другом. В ответ Карла только мычала нечто невразумительное и глубже закутывалась в одеяла и простыни. Уже одетый, Джейк вдруг бросился в постель и начинал целовать жену в ухо, в шею – куда придется, – пока она, обиженная, не поворачивалась к нему спиной. Тогда он срывал с нее покрывала и радостно смеялся, глядя, как она сворачивается в клубочек и умоляет накрыть ее чем-нибудь. Он не торопился выполнить просьбу, восхищаясь ее загорелыми стройными, почти совершенной формы, ногами. Коротенькая ночная рубашка спускалась чуть ниже груди, и представавшее глазам зрелище заполняло его голову тысячью соблазнительных мыслей.

Примерно раз в месяц привычный ход событий нарушался. Она не возмущалась и не протестовала, и покрывала объединенными усилиями сбрасывались на пол. В такое утро Джейк раздевался даже быстрее, чем одевался, и разом нарушал по крайней мере три из своих непреложных правил. Именно так они зачали свою единственную дочь, Ханну.

Однако это утро оказалось совершенно обычным. Он заботливо укрыл жену, нежно поцеловал ее в щеку и выключил свет. Карла задышала ровнее, через мгновение она уже спала.

Пройдя по коридору, Джейк бесшумно открыл дверь, вошел в спальню дочери и опустился на колени у ее кровати. Девочке было четыре года. Она лежала в своей постели в окружении кукол и любимых мягких игрушек. Он осторожно прикоснулся губами к щеке ребенка. Дочь была такой же красавицей, как и ее мать, она походила на нее и обликом, и манерой поведения. У обеих были огромные голубовато-серые глаза, которые при необходимости могли источать влагу часами. У обеих одинаково уложенные роскошные темно-каштановые волосы – мать и дочь пользовались услугами одного и того же мастера и в одно и то же время. Даже одевались они одинаково. Двух этих женщин Джейк боготворил.

Поцеловав малышку еще раз, он отправился на кухню, чтобы приготовить кофе для Карлы. По пути он выпустил из дома во двор Макса, который тут же, у крыльца, начал совершать свои собачьи дела, а затем принялся рьяно облаивать кошку миссис Пикль, соседки.

Немногие встречали утро так, как это делал Джейк Брайгенс. Бодрым шагом он прошелся по дорожке до почтового ящика, достал для Карлы утренние газеты. Еще не совсем рассвело, воздух был прохладным и чистым, напоенным ароматами быстро приближающегося лета.

Джейк посмотрел в оба конца пустой еще Адамс-стрит, затем повернулся и с удовольствием обвел взором свой дом. В округе Форд было всего два дома, внесенных в Национальный реестр исторических памятников, и владельцем одного из них являлся он, Джейк Брайгенс. Хотя здание было заложено и перезаложено уже неоднократно, у хозяина имелись все основания гордиться им. Это был построенный в викторианском стиле особняк. Лет сто назад его воздвиг какой-то вышедший на пенсию чиновник железнодорожной компании. Однако он не успел даже встретить в новом доме Рождество, умерев в самый канун праздника.

Массивный фасад здания был украшен небольшим изящным портиком, под которым в неглубокой нише находился главный вход. Пять составлявших портик колонн были круглыми, выкрашенными в белый и голубовато-серый цвета. Их украшала затейливая резьба: нарциссы, ирисы, цветы подсолнуха. Резьба же покрывала и перила между колоннами. На небольшой балкон над входом выходили три окна «фонариком», а слева от балкона высилась восьмигранная башенка, в узких бойницах которой поблескивало цветное стекло витражей. Возвышавшуюся над домом башенку венчал кованный из железа флюгер. Под башенкой, слева от ведущих к входу ступеней, располагалась просторная веранда, расписанная снаружи растительным орнаментом. Пространство под ней было отведено под гараж.

Карла разыскала в Новом Орлеане консультанта по малярным работам, и парень выбрал следующую цветовую гамму: голубой, темно-серый, персиковый и белый. Покраска заняла два месяца и обошлась Джейку в пять тысяч, это еще не считая тех бесчисленных часов, которые он вместе с Карлой провел ползая по лестницам и подкрашивая карнизы. И хотя Джейк вовсе не

приходил в восторг от этой расцветки, он ни разу не решился предложить Карле перекрасить их собственность.

Как и любая постройка викторианского стиля, их дом являлся зданием уникальным. Были в нем какая-то пикантность, какой-то вызов, некое очарование, таившиеся в сказочном, задиристом, чуть ли не мальчишеском облике. Карла сгорала от желания заполучить этот дом еще до брака, и, когда последний его владелец, живший в Мемфисе, мирно почил в бозе, они с Джейком купили участок вместе с домом за какую-то смешную цену – никого, кроме них, здание не заинтересовало. Двадцать лет оно простояло необитаемым. Само собой, им пришлось влезть в долги: они взяли ссуды в двух из трех имевшихся в Клэнтоне банков и три года кряду работали не покладая рук, чтобы привести свою собственность в надлежащий вид. Зато теперь многие из проезжавших мимо останавливались специально для того, чтобы сделать снимок.

В третьем и последнем по счету городском банке Джейк заложил свою машину – единственный в округе «сааб», да еще красного цвета. Подойдя к нему, Джейк любовно вытер с ветрового стекла выпавшую за ночь росу, открыл дверцу. Макс своим усердным лаем разбудил семейство голубых соек, облюбовавших росший во дворе у миссис Пикль клен. Птицы принялись возмущенно переговариваться между собой, затем взмыли в воздух и уже оттуда прокричали Джейку что-то прощальное. Он свистнул им в ответ и улыбнулся. Сев за руль, он дал задний ход, выехал на Адамс-стрит. Проехав пару кварталов, свернул на Джефферсон-стрит, шедшую в южном направлении и упиравшуюся в Вашингтон-стрит. Джейку часто приходил в голову вопрос: почему это в каждом маленьком южном городке всегда найдется улица Адамса, Джефферсона, Вашингтона, но никогда вам не увидать таблички с названием Линкольн или Грант-стрит? Вашингтон-стрит шла с запада на восток чуть севернее Клэнтон-сквер.

Вследствие того что Клэнтон был главным городом округа, ему полагалось иметь площадь, и совершенно естественно, что в центре этой площади располагалось здание окружного суда. Основатель города, генерал Клэнтон, планировал его с большой любовью и тщанием. Площадь была просторной, огромный газон перед зданием суда украшали старые дубы, посаженные на равном расстоянии друг от друга. Само строение уже шагнуло во второе столетие своего существования, воссозданное заново после того, как во время Гражданской войны Севера и Юга старое здание суда было сожжено дотла. Величественный дворец фасадом был обращен строго на юг, как бы недвусмысленно предлагая наглецам северянам поцеловать его в зад. Вдоль фасада шел ряд строгих белых колонн, на ночь окна прикрывались черными ставнями. Построенное изначально из красного кирпича, здание впоследствии было выкрашено белой краской, и каждые четыре года местная организация бойскаутов покрывала древние стены новым ее слоем. Осуществлявшийся в последние несколько лет выпуск ценных бумаг давал необходимые средства для поддержания присутственного места в надлежащем состоянии. Аккуратно подстриженный газон поддерживался в безупречной чистоте. Не реже двух раз в неделю его приводил в порядок контингент городской тюрьмы.

В Клэнтоне насчитывалось три кафе: два для белого населения, одно – для всех остальных, – и все три были расположены на центральной площади. Однако никто не видел ничего странного или хотя бы нарушающего традиции в том, что белый человек заходил в кафе «У Клода» – так в обиходе его называли. Там собирались темнокожие жители; оно находилось в западной части площади. С другой стороны, любой негр мог совершенно спокойно чувствовать себя в чайной на южном краю площади или в кафе на Вашингтон-стрит. Тем не менее цветные избегали заходить туда еще с семидесятых, когда им было даровано это право. Джейк с удовольствием ходил по пятницам в заведение «У Клода» отведать жаренного на углях мяса – как и большинство уважающих себя либералов в Клэнтоне. Но шесть раз в неделю он по утрам обязательно показывался в кафе на Вашингтон-стрит.

Оставив «сааб» у входа в офис, он направился в расположенное тремя домами дальше кафе. Заведение открылось часом раньше и сейчас уже было полно посетителей. Разнося кому

просто чашку кофе, кому плотный завтрак, сновали официантки, на ходу обмениваясь фразами с местными фермерами, механиками и наладчиками с фабрики, чиновниками – словом, с постоянными клиентами. Народ здесь собирался в основном простой – «белые воротнички» предпочитали чайную, куда они приходили поздним утром, чтобы за едой обсудить вопросы государственной политики, поговорить о последней партии в теннис или гольф, проанализировать курс акций. В кафе же беседа шла главным образом о местных событиях, футболе и рыбной ловле на спиннинг. Джейк принадлежал к тем немногочисленным «белым воротничкам», которым было дозволено стать здесь завсегдатаями. Люди, считавшие кафе своим клубом, хотя и стояли в социальном плане на ступеньку ниже, принимали его с удовольствием: большинство из них бывали в его офисе, когда им нужно было оформить завещание, сделку, может быть, развод, договориться о защите интересов в суде – да мало ли у человека проблем, которые могут привести его в контору адвоката. Конечно, Джейк часто становился объектом их добродушного остроумия, а подчас шуточки бывали и довольно солеными, но он не очень-то страдал от этого, считая себя довольно толстокожим. Неоднократно во время завтрака ему приходилось объяснять и растолковывать какое-нибудь решение Верховного суда или другие новые юридические положения, и ему в голову не приходило требовать какой-то платы за свои консультации в кафе. Это ценили. Может быть, с ним не всегда соглашались, но человек, задавший вопрос, всегда знал, что получит на него прямой и честный ответ. Временами даже вспыхивал спор, никогда, однако, не заканчивавшийся обидой одного из участников.

Джейк вошел в кафе ровно в шесть, и не менее пяти минут у него ушло на приветствия, рукопожатия, хлопки по спине. Кроме того, он успел сказать несколько комплиментов официанткам. Когда он наконец уселся за столик, Делл – девушка, которой он симпатизировал больше, чем ее подругам, – уже поставила перед ним чашку кофе и обычный завтрак: тосты, джем и овсяные хлопья. Она потрепала его по руке, назвала дорогим и душкой и вообще вела себя очень оживленно. Правда, с другими посетителями она была не менее любезна, но в ее отношении к Джейку было нечто особенное.

За одним столом с Джейком сидели Тим Нанли, механик из конторы «Шевроле», и два брата, Билл и Берт Вест, работавшие на обувной фабрике, расположенной в северной части города. Уронив пару капель кетчупа на тост, Джейк артистически намазал на него тончайший слой масла, а овсяные хлопья пошли вместе с клубничным джемом. Затем он попробовал кофе и вплотную занялся завтраком. Все четверо спокойно и деловито откусывали, жевали и глотали пищу, обсуждая проблемы клева карасей.

За столиком у окна, футах в трех от Джейка, сидели, разговаривая между собой, трое мужчин. Самый представительный из них, Маршалл Празер, повернулся к Джейку и громко спросил:

– Послушай-ка, Джейк, не ты ли несколько лет назад был защитником Билли Рэя Кобба?

В кафе внезапно воцарилась тишина, все как по команде уставились на Джейка. Вздвигнув не столько от вопроса, сколько от реакции завтракавших людей, Джейк прекратил жевать, вспоминая имя.

– Билли Рэй Кобб... – так же громко повторил он. – Не помню, что это было за дело.

Все трое сидящих за соседним столиком мужчин были заместителями местного шерифа Оззи Уоллса.

– Наркотики, – ответил Празер. – Четыре года назад он попался на продаже наркотиков. Отсидел в Парчмэне и вышел около года назад.

Джейк вспомнил.

– Нет, я не представлял его интересы. По-моему, у него был адвокат из Мемфиса.

Похоже, Празера удовлетворил ответ, поскольку он вновь занялся своими блинчиками. Сбитый же с толку Джейк сидел и ждал. Наконец он не выдержал и спросил:

– А в чем дело? Что он натворил?

– Этой ночью мы взяли его за изнасилование.

– Изнасилование?

– Да. Арестовали его и Пита Уилларда.

– И кого же они избрали жертвой?

– А ты помнишь Хейли, того ниггера, что ты вытащил из дела об убийстве несколько лет назад?

– Лестер Хейли. Конечно, я помню его.

– Знаешь его брата Карла Ли?

– Само собой. Отлично знаю. Всю их семью. Мне приходилось иметь дело с каждым из них.

– Так вот, это была его маленькая дочка.

– Не может быть!

– Я не шучу.

– Сколько же ей лет?

– Десять.

Аппетит у Джейка пропал, а кафе продолжало жить своей обычной жизнью. Он вертел в руке чашку с недопитым кофе, ухо ловило обрывки разговоров: люди рассуждали о рыбалке, японских автомобилях и опять о рыбалке. После того как оба Веста поднялись и направились к выходу, Джейк пересел за соседний столик.

– Как она сейчас? – поинтересовался он.

– Кто?

– Дочка Хейли.

– Хорошего мало. Она в больнице, – ответил Празер.

– Так что там произошло?

– Пока еще мы не все знаем. Девочка едва может говорить. Мать послала ее в магазин – они живут на Крафттроуд, неподалеку от лавочки Бэйтса.

– Я знаю, где они живут.

– Каким-то образом они заманили ее в грузовичок Кобба, отвезли в рощицу около озера и там надругались над ней.

– Оба?

– Да, и не один раз. К тому же они еще и избили ее, причем до бесчеловечности жестоко. Кое-кто из родственников даже не узнал девочку.

Джейк с отвращением потряс головой:

– Какая мерзость!

– Да уж. С таким я еще не сталкивался. Негодяи хотели убить ее. Оставили посреди дороги, решив, что она уже отдала концы.

– Кто же ее нашел?

– Компания каких-то черномазых. Ловили рыбу на Туманном ручье. Увидели, как она корчилась на дороге со связанными за спиной руками. Она даже смогла что-то сказать – выговорила лишь имя отца, вот они и привезли ее домой.

– А как вы узнали, что виноват Кобб?

– Девчонка рассказала матери, что ее везли в желтом пикапе с конфедератским флажком у заднего стекла. А Оззи другой информации и не требовалось. Примерно в то время, когда ее доставили в больницу, он уже вычислил Кобба.

Празер старался не сболтнуть лишнего. Джейк Брайгенс нравился ему, однако Джейк был адвокатом, которому часто приходилось вести и уголовные дела.

– А кто такой Пит Уиллард?

– Какой-то дружок Кобба.

– И где же вы их нашли?

– В заведении Хью.

– Ага. – Джейк сделал глоток кофе. В голове у него пронеслась мысль о Ханне.

– Мерзость, мерзость, мерзость... – сидел и бормотал Луни.

– А отец? – продолжал Джейк.

Празер вытер с усов капельки кленового сиропа.

– Лично я с ним не знаком, но мне ни разу не приходилось слышать о нем ничего плохого.

Все они до сих пор сидят, наверное, в больнице. По-моему, Оззи провел там вместе с ними всю ночь. Он-то их хорошо знает, он вообще знает всех своих собратьев. А Хастингс доводится им даже какой-то родней.

– Когда первичное слушание дела?

– Буллард назначил на сегодня, на час дня. Я прав, Луни?

Тот кивнул.

– Их отпустят под залог?

– Еще не решено. Сначала Буллард намерен провести слушание. Если девчонка умрет, им будет предъявлено обвинение в убийстве, так ведь?

Джейк в знак согласия наклонил голову.

– По обвинению в убийстве под залог не отпускают, правда, Джейк? – спросил Луни.

– Это допускается, но я ни разу не слышал о таком случае. Я уверен, что Буллард на это не пойдет, и, даже если он согласится выпустить их под залог, они не смогут собрать нужную сумму.

– А если она не умрет, то сколько им может светить? – Это подал голос Несбит, третий.

Вся троица внимательно выслушала ответ Джейка.

– За изнасилование они могут получить пожизненное заключение. Полагаю, их также обвинят в похищении ребенка и нанесении телесных повреждений.

– Так оно и есть.

– В таком случае это будет двадцать лет за киднепинг и двадцать лет за телесные повреждения.

– Это понятно, но сколько они будут сидеть? – уточнил Луни.

На мгновение Джейк задумался.

– В общем-то, они могут быть условно освобождены через тринадцать лет. Семь лет за изнасилование, три года за киднепинг и три года за нанесение телесных повреждений. Это, конечно, если их признают виновными по всем трем пунктам и они получают максимум.

– А Кобб? У него ведь уже был срок.

– Да, но пока его не осудили дважды, он не может считаться рецидивистом.

– Тринадцать лет, – повторил Луни, покачивая головой.

Джейк посмотрел в окно. Площадь пробуждалась к жизни: вокруг нее вдоль тротуаров останавливались небольшие грузовики, полные фруктов или овощей, пожилые добродушные фермеры в выцветших куртках откидывали задний борт и раскладывали плоды своего труда: помидоры, огурцы, яблоки и прочее – в аккуратные корзиночки. Флоридские дыни лежали на земле рядом с запыленными шинами. Закончив приготовления к торговле, фермеры неторопливо шагали к монументу ветеранам вьетнамской войны, где рассаживались по скамейкам, чтобы пожевать табак и обменяться, временами изумленно посвистывая, последними новостями. Наверное, и им известно про изнасилование, подумал Джейк. Уже совсем рассвело, пора было отправляться в офис. Подчиненные шерифа тоже уже покончили с завтраком, и Джейк, извинившись, распрощался. Он подмигнул Делл, расплатился по счету, и на мгновение у него мелькнула мысль заехать домой проведать Ханну.

Без трех минут семь он открыл ключом дверь офиса, вошел и включил верхний свет.

Карл Ли провел бессонную ночь на неудобной кушетке в комнате для посетителей. Состояние Тони, по словам врачей, было серьезным, но уже несколько стабилизировалось. Родители смогли взглянуть на девочку только после полуночи. Доктора предупредили, что выглядит она неважно. Так оно и было. Гвен покрывала поцелуями крошечное перебинтованное личико, а Карл Ли стоял в изножье кровати подавленный, недвижимый, без единой мысли в голове, глядя остановившимся взором на маленькую фигурку, обставленную какими-то аппаратами, опутанную трубками, окруженную медицинскими сестрами. Потом Гвен сделали укол успокоительного и отвезли в дом матери, здесь же, в Клэнтоне. Сыновей отвел домой ее брат.

Родственники и друзья разошлись где-то около часа, оставив Карла Ли в одиночестве на кушетке. В два часа ночи пришел Оззи, принес кофе и пончики и рассказал Карлу Ли все, что смог узнать о Коббе и Уилларде.

Адвокатская контора Джейка занимала аккуратный двухэтажный домик, стоявший в ряду себе подобных на северной кромке площади, неподалеку от кафе. Фасад дома смотрел прямо на здание суда.

Дом был построен семейством Уилбэнксов еще в 1890 году, когда они являлись юридическими владельцами округа Форд. С момента постройки дом находился в распоряжении того из Уилбэнксов, кто избирал своей стезей карьеру адвоката, и так длилось вплоть до 1979 года, когда последнего из них лишили права заниматься адвокатской деятельностью.

В соседних домах располагались страховая компания – Джейк судился с ней, защищая интересы Тима Нанли, механика, – и банк, в котором был заложен его красный «сааб». Все здания, окружавшие площадь, за исключением банков, были двухэтажными. Тот, что соседствовал с домом, где находился офис Джейка, тоже строили Уилбэнксы, в нем действительно было только два этажа, зато два оставшихся городских банка – один в юго-восточном углу площади, другой в юго-западном – насчитывали соответственно три и даже четыре этажа.

Джейк практиковал в одиночку с того самого 1979 года. И это было ему по душе, тем более что в Клэнтоне достойных конкурентов себе он не находил. В городке было несколько неплохих адвокатов, однако почти все они работали в фирме Салливана, располагавшейся в здании четырехэтажного банка. Фирму Салливана Джейк презирал. К ней с отвращением относился каждый юрист в городе, кроме тех, само собой, что в ней служили. Их насчитывалось восемь – восемь самых чванливых и высокомерных стряпчих, которых Джейку приходилось встречать на своем веку. Двое были с гарвардскими дипломами. Клиентами Салливана были богатые фермеры, банки, страховые компании, железные дороги – словом, круги наиболее состоятельные. Практиковавшие в округе четырнадцать других юристов довольствовались, так сказать, тем, что оставалось, – они представляли интересы людей – просто людей, у большинства из которых денег было очень немного. Их называли уличными юристами. Именно они приходили на помощь человеку, когда тот попадал в беду. Осознание своей принадлежности к этим «уличным» коллегам служило для Джейка источником профессиональной гордости.

Помещение офиса было весьма просторным. Джейк использовал только пять комнат из десяти имевшихся в здании. Внизу располагались приемная, довольно большой зал для заседаний, кухня, небольшая комнатка для хранения юридической литературы и документов и кладовка. На втором этаже находились огромный кабинет Джейка и комната размерами поменьше, которую он называл блиндажом. Там не было ни окон, ни телефонов – ничего такого, что отвлекало бы внимание. Тут же, на втором этаже, разместились еще три пустых кабинета плюс еще два – на первом. В прошлые годы все здание было занято престижной фирмой Уилбэнкса, до тех пор пока его не попросили из коллегии адвокатов.

Кабинет Джейка, собственно, его офис, выглядел очень солидно. Размерами тридцать на тридцать футов при десяти футах в высоту, пол и потолок из ценных пород древесины, массивный камин, три стола: его рабочий стол, небольшой стол для заседаний в углу, в другом – бюро

с откидывающейся вверх крышкой; над бюро – портрет Уильяма Фолкнера. Сработанной из дуба уникальной мебели было уже не меньше ста лет, так же, впрочем, как и книгам и полкам, на которых они стояли, полностью скрывая под собой одну из стен. Из кабинета открывался великолепный вид на площадь и здание суда, а если еще распахнуть высокие французские окна и выйти на маленький балкончик, нависающий над тротуаром, то от представавшей перед взором картины просто дух захватывало. Офис Джейка, без всяких сомнений, был лучшим в Клэнтоне. Даже фирма Салливана, его злейший враг, не могла с этим не согласиться.

За весь этот простор и роскошь, которые его окружали, Джейк платил четыреста долларов в месяц владельцу здания и своему бывшему боссу Люсьену Уилбэнксу, исключенному из коллегии адвокатов в 1979 году.

Семейство Уилбэнксов десятилетиями правило округом Форд. Это были гордые состоятельные люди, знавшие толк в фермерстве, банковском деле, политике, но прежде всего – в юриспруденции. Мужчины все как один получали юридическое образование в лучших частных школах. Потом они становились учредителями банков, основателями церквей, школ, некоторые шли на службу. В течение многих лет фирма «Уилбэнкс энд Уилбэнкс» была в штате Миссисипи одной из самых влиятельных и престижных.

Потом на свет появился Люсьен. Он оказался единственным представителем сильной половины человечества в своем поколении семьи. Там были еще сестры и кузины, но все, что от них ожидалось, – это удачно выйти замуж. На Люсьена же с самого детства возлагались весьма честолюбивые надежды, однако он, еще будучи третьеклассником, дал родне понять, что из него выйдет Уилбэнкс, мягко говоря, несколько отличный от прежних. Юридическую контору он унаследовал в шестьдесят пятом, когда его отец и дядя погибли в авиакатастрофе. Хотя в то время Люсьену было уже сорок, он только что, за несколько месяцев до их гибели, окончив заочные курсы, получил диплом юриста. Каким-то чудом сдал экзамен, открывавший ему дорогу к адвокатской практике. После того как он взял руководство фирмой в свои руки, клиентура начала медленно исчезать. Страховые компании, банки, фермеры – все они подались к недавно открывшемуся Салливану. До этого Салливан был младшим партнером в фирме Уилбэнкса; Люсьен вышвырнул его вон, не поделившись даже малой долей имущества. Салливан ушел, прихватив с собой и других младших партнеров, а также и большую часть клиентов. Взбешенный Люсьен уволил всех оставшихся сотрудников, секретарш, клерков – за исключением Этель Туитти, любимой секретарши отца.

Годы совместной работы способствовали сближению Джона Уилбэнкса и его секретарши. В конце концов у нее родился сын, до удивления похожий на Люсьена. Бедному мальчишке пришлось почти все детство провести в различных домах ребенка под надзором нянек. В шутку Люсьен называл его своим поздним братом. После авиакатастрофы поздний брат внезапно объявился в Клэнтоне и начал налево и направо рассказывать людям о том, что он является незаконным сыном Джона Уилбэнкса. Этель чувствовала себя оскорбленной, но удержать сына не могла. В городе жили в предвкушении скандала. В суд был представлен составленный Салливаном иск, в котором поздний брат отстаивал свое право на часть имущества Уилбэнксов. Люсьен чуть было не рехнулся от бешенства. Вызванный в судебное присутствие, он мужественно отстаивал свою честь, гордость и доброе имя семьи. С не меньшей отвагой защищал он и целостность отцовского поместья, согласно завещанию, целиком перешедшего в собственность самого Люсьена и его сестры. Присяжные обратили внимание на потрясающее сходство между ответчиком и истцом, который был на несколько лет моложе. Поздний брат умышленно сел как можно ближе к Люсьену. Салливановские адвокаты специально проинструктировали его, что надо ходить, говорить, сидеть так, как это делает сам Люсьен. Копировать его во всем. Его даже одели, как Люсьена, – в точно такой же костюм. Этель и ее муж отрицали всякое родство своего мальчика с Уилбэнксами, но жюри присяжных придерживалось противоположного мнения. Поздний брат был признан законным наследником сэра Джона Уилбэнкса,

имевшим право на треть всего наследства, в том числе, значит, и на часть поместья с домом. Люсьен, не выдержав, обложил присяжных, ударом кулака поверг выигравшего иск позднего брата на пол и истошно вопящим был вынесен из зала суда и препровожден в камеру городской тюрьмы. Подал апелляцию, он добился пересмотра и отмены решения присяжных, но никак не смог отделаться от страха перед возможностью новых судебных разбирательств, взбреди только Этель в голову изменить свои показания. Кончилось все это тем, что Этель Туитти продолжала работать в фирме Уилбэнкса.

Потеряв всю клиентуру, Люсьен был только доволен. Никогда в жизни он не собирался стать, подобно своим предкам, практикующим юристом. Больше всего на свете его привлекало уголовное право, так что мало-помалу старая фирма начала обрастать новыми, специфическими клиентами. Люсьену требовались дела об изнасилованиях, убийствах, похищениях детей – словом, нечто такое, от чего все другие с радостью отказались бы. Ему нужно было чувствовать себя защитником гражданских прав и свобод. Но вершиной его честолюбивых устремлений было стать юристом-радикалом, пламенным радикалом, берущимся за самые гиблые и непопулярные дела, с блеском выигрывающим их и находящимся на гребне славы.

Он отрастил бороду, развелся с женой, сменил конфессию, продал кому-то свое членство в местном клубе, зато вступил в ассоциацию юристов, специализирующихся по уголовному праву, вышел из правления банка и в течение очень короткого времени стал для Клэнтонна олицетворением всех небесных кар. Он вел изнурительные тяжбы со школами по вопросам сегрегации, с губернатором – из-за местной тюрьмы, с городскими властями – потому что они отказывались подметать улицы в той части города, где проживало темнокожее население, с банком – почему это среди кассиров нет ни одного негра, с судейскими чиновниками штата – полагая, что они склонны к ужесточению приговоров, с фабриками – они, видите ли, не признают организованного труда. Ему и на самом деле удалось выиграть немало уголовных дел, и не только в своем округе. Ширилась его известность среди черного населения, беднейших белых слоев, к нему обращались некоторые профсоюзы из северных районов штата. Репутация упрочивалась. Он провел несколько дел, связанных с нанесением увечий и смертью в результате несчастного случая на производстве. Семьи пострадавших получили очень неплохие компенсации. Фирма, он сам и Этель процветали. Самому Люсьену, однако, деньги были не нужны: он родился с ними и никогда всерьез о них не думал. Всеми финансовыми вопросами ведала Этель.

Борьба за законность стала смыслом его жизни. Не будучи обременен семьей, Люсьен превратился в настоящего трудоголика. Он без остатка отдавал себя своей страсти по пятнадцать часов в день, семь дней в неделю. Других интересов у него не было. Кроме выпивки. В конце шестидесятых он заметил, что более всего ему по вкусу виски «Джек Дэниэлс». К началу семидесятых он стал настоящим пьяницей, а когда в 1978 году взял на работу Джейка, то представлял собой уже законченного пропойцу. Тем не менее он ни разу не позволил зеленому змию вмешаться в ведение какого-нибудь дела. Нет, Люсьен научился работать и пить одновременно. Он постоянно пребывал в подпитии, являя собой адвоката, опасного во всех смыслах. Резкий и неуживчивый по натуре, выпив, Люсьен просто пугал окружающих. В ходе судебного заседания он мог запросто смутить своих коллег, оскорбить судью, наброситься с криками и кулаками на свидетеля, а потом за все это просить прощения у жюри присяжных. Он не уважал ровным счетом никого, и было невозможно ни запугать его, ни шантажировать. Его опасались, потому что он мог сказать или сделать абсолютно все, что ему взбредет в голову. В его присутствии люди предпочитали ходить на цыпочках. Люсьену было это известно. Ему это нравилось. Он становился все более эксцентричным. Чем больше он пил, тем более чудные трюки выкидывал и тем больше о нем говорили, а это, в свою очередь, давало ему новый повод выпить.

С 1966 по 1978 год Люсьен нанял и уволил одиннадцать сотрудников. Он пробовал черных, евреев, испанцев, женщин, однако никто из них не смог с ним сработаться. В офисе

Люсьен был настоящим тираном, вечно осыпающим проклятиями своих молодых сотрудников. Некоторые не выдерживали и месяца. Был, правда, один – его хватило на два года. Чужачества делали Люсьена невыносимым. Это нетрудно понять: с такими деньгами он мог себе позволить быть эксцентричным. Его же подчиненные – нет.

Джейка он нанял в 1978 году, когда тот только что окончил колледж. Родом Джейк был из Кэрауэя, расположенного в восемнадцати милях к западу от Клэнтон, городка с населением в две с половиной тысячи человек. У молодого юриста были приятная внешность, консервативные взгляды, искренняя вера в Бога и хорошенькая жена, которой не терпелось завести детишек. Люсьену было интересно, сможет ли он выпестовать из новичка то, что ему нужно. Джейк согласился на его предложение, однако с целым рядом оговорок: просто в тот момент он не мог найти более подходящей работы ближе к дому.

А через год Люсьена лишили права заниматься адвокатской деятельностью. Для тех немногих, кто любил его, это стало настоящей трагедией. Профсоюз обувной фабрики призвал к забастовке. Профсоюз этот был создан самим Люсьеном, он же представлял и его интересы во всех судебных процессах. Руководство фабрики начало нанимать новых рабочих взамен бастующих, пришлось прибегнуть к насилию. Люсьен отправился к пикетчикам, чтобы не дать упасть их боевому духу, выпив перед этим больше обычного. Группа штрейкбрехеров попыталась прорваться через линию пикетов, началась жестокая уличная драка. Люсьена, наиболее рьяного и последовательного защитника интересов рабочих, арестовали и вновь препроводили в тюрьму. В суде его обвинили в нарушении общественного порядка, организации драки и появлении на улице в виде, оскорбляющем достоинство гражданина. Люсьен подал апелляцию, но впустую, подал вторую – с тем же успехом.

За прошедшие годы ассоциация юристов штата уже достаточно устала от выходок Люсьена Уилбэнкса. Ни у какого другого адвоката в штате не было такого количества нареканий, как у него. Ему делали замечания – как в приватном порядке, так и перед лицом коллег, – его на время лишали права работать, но все это не принесло никакого результата. Дисциплинарная комиссия ассоциации уже не могла больше с ним мириться. В конце концов Люсьен «отвратительным поведением, позорящим доброе имя ассоциации, сделал невозможным свое дальнейшее пребывание в ее рядах». Его лишили права заниматься адвокатской деятельностью. И вновь он подал апелляцию – и опять зря. Его не захотели слушать.

Он почувствовал себя совершенно опустошенным. Джейк сидел в кабинете Люсьена на втором этаже, когда до него дошла весть о том, что Верховный суд поддержал решение ассоциации. Об этом Люсьену сообщил по телефону Джонсон. Положив трубку, Люсьен подошел к французскому окну, выходящему на площадь. Джейк не спускал с него внимательного взгляда, ожидая, что босс вот-вот разразится тирадой. Однако Люсьен молчал. Он смотрел некоторое время на плакавшую Этель, а затем поднял голову к вставшему со своего места Джейку.

– Присматривай здесь за порядком. Увидимся позже.

Они бросились к окну, только для того чтобы увидеть, как Люсьен, сев в свой старенький, битый «порше», резко берет с места и скрывается в перспективе улицы. В течение нескольких месяцев о нем ничего не было слышно. Джейк прилежно работал над неоконченными делами, а Этель следила за тем, чтобы здание не производило впечатления, что хозяин его покинул. Кое-какие проблемы Джейк решил к обоюдному согласию клиентов, некоторые передал на решение своим коллегам, а несколько дел рекомендовал нести прямо в суд.

Через полгода, когда Джейк вернулся в свой кабинет после долгого и утомительного дня в суде, он увидел там спящего Люсьена, растянувшегося на персидском ковре.

– Люсьен! – воскликнул он с порога. – С вами все в порядке?

Люсьен бодро вскочил на ноги, прошествовал к большому кожаному креслу, стоявшему за столом, уселся в него. Выглядел он трезвым, загоревшим, успокоившимся.

– Джейк, мальчик мой, – тепло проговорил он, – как у тебя дела?

– Отлично, просто замечательно. А где были вы?

– На Каймановых островах.

– Чем занимались?

– Пил ром, валялся на пляже и заигрывал с местными девчонками.

– Звучит заманчиво. Зачем же было возвращаться?

– Надоело.

Джейк уселся напротив.

– Рад видеть вас, Люсьен, – просто сказал он.

– Я тоже рад встрече, Джейк. Как тут у вас?

– Настоящая карусель. Но в общем, неплохо, по-моему.

– Дело Медли уладил?

– Да. Они заплатили восемьдесят тысяч.

– Недурно. Он остался доволен?

– Да, выглядел, во всяком случае, довольным.

– А Крюгер обратился в суд?

– Нет. – Джейк опустил голову. – Он нанял Фредрикаса. По-моему, суд назначен на следующий месяц.

– Мне бы следовало поговорить с ним, перед тем как уехать.

– Он же виновен, разве нет?

– Еще как. Вовсе не важно, кто его представляет. Запомни, тот, кто защищается, почти всегда виновен. – Люсьен подошел к окну, уставился на здание суда. – У тебя есть какие-нибудь планы, Джейк?

– Я бы хотел остаться здесь. А у вас?

– Ты хороший парень, Джейк, и мне бы тоже хотелось, чтобы ты здесь остался. А сам я еще не решил. Подумывал перебраться куда-нибудь в Карибское море, на острова, но потом сказал: нет. Туда хорошо приезжать время от времени, но уж слишком много там стариков. В общем-то, у меня нет никаких планов. Может, проедусь куда-нибудь, чтобы посорить деньгами. Ты же знаешь: я не из бедных.

Джейк согласно кивнул. Повернувшись к окну спиной, Люсьен широким жестом обвел кабинет:

– Я хочу оставить все это тебе, Джейк. Пусть у людей будет впечатление, что старая фирма продолжает жить. Ты переберешься сюда, в этот кабинет, будешь сидеть за этим столом, который мой дед привез из Виргинии после Гражданской войны. Сохранишь архив, дела, клиентов, мои книги – в общем, все.

– Это слишком большая щедрость, Люсьен.

– Клиентура наверняка почти вся разбежится. Но на тебе это никак не скажется – со временем ты станешь весьма преуспевающим юристом. Просто большинство моих клиентов на протяжении долгих лет слишком уж привыкли ко мне.

Большинство его клиентов Джейка и не интересовали.

– А как насчет арендной платы?

– Плати мне столько, сколько в состоянии. Поначалу с деньгами у тебя будет довольно туго, но с этим ты справишься. Мне и моих хватает, а вот тебе они еще понадобятся.

– Вы очень добры, Люсьен.

– Я вообще-то неплохой мужик.

Оба рассмеялись, чуть неловко.

– Как быть с Этель? – оборвал смех Джейк.

– Как хочешь. Секретарь она великолепный. Этель успела забыть законов больше, чем ты когда-либо вызубривал. Я знаю, ты от нее не в восторге, но заменить ее будет довольно

трудно. Рассчитай ее, если хочешь. Мне все равно. – Он направился к двери. – Звони мне, если понадобится. Я буду где-нибудь рядом. Я хочу, чтобы ты перебрался в этот кабинет. Здесь работали мой отец и мой дед. Сложи все мое хозяйство в коробки – как-нибудь зайду заберу.

...Когда Кобб и Уиллард проснулись в своей камере, головы их гудели, глаза были опухшими. Разбудили их крики Оззи. В крошечной камере, кроме них двоих, никого не было. За решеткой справа, в соседней камере, сидели осужденные, числившиеся за судом штата и ждавшие своей очереди на отправку в Парчмэн. Дюжина черномазых глазели через прутья решетки на двух белых, протиравших заспанные глаза. Камера слева, тоже отгороженная от них решеткой, была битком набита ниггерами.

– Подъем! – орал Оззи. – И ведите себя потише, не то придется развести вас по соседним камерам.

Самым приятным временем рабочего дня для Джейка были полтора часа: с семи до половины девятого утра, когда в контору приходила Этель. В течение девяноста минут Джейк был сам себе хозяин. Он закрывал центральную входную дверь, не обращал внимания на телефонные звонки и никогда не назначал на это время деловых встреч. Он сидел за столом и тщательно планировал предстоящий день. К половине девятого на диктофон уже бывало записано достаточно распоряжений, чтобы занять Этель работой до полудня. К девяти Джейк либо сидел в суде, либо начинал прием клиентов. До одиннадцати утра он не подходил к телефону. Закончив с посетителями, он сначала отвечал на сделанные ему ранее звонки – на каждый из них, это было очередным его правилом. Работал он систематично, времени впустую почти не тратил. Конечно, он позаимствовал эти привычки не у Люсьена.

В восемь тридцать с присущим ей шумом появлялась Этель. Внизу хлопала дверь, потом она принималась варить кофе и просматривать корреспонденцию, чем занималась изо дня в день на протяжении вот уже сорока одного года. Этель было шестьдесят четыре, но выглядела она на пятьдесят. Пухленькая, однако вовсе не толстушка, хорошо сохранившаяся, хотя и далеко не красавица. Поглощая бутерброды с жирной колбасой, прихваченные из дома, она перечитывала почту Джейка.

Сидя у себя наверху, Джейк услышал два голоса: Этель разговаривала с какой-то женщиной. Он тут же сверился с календарем – раньше десяти сегодня никого не ожидалось.

– Доброе утро, мистер Брайгенс, – приветствовала его по интеркому Этель.

– Доброе утро, Этель.

Она предпочитала, чтобы к ней обращались «миссис Туитти». Ее называли так все, включая Люсьена. Но Джейк, уволив ее вскоре после того, как его босса изгнали из адвокатского сословия, а потом вновь приняв на работу, звал ее исключительно Этель.

– Здесь дама, которая хочет, чтобы вы ее приняли.

– Но ей не назначено.

– Да, сэр, я знаю.

– Пусть приходит завтра, после половины одиннадцатого, сейчас я занят.

– Да, сэр. Но она говорит, что у нее срочное дело.

– Кто она? – рявкнул Джейк. – Всегда у них что-то срочное, когда являются без предварительной договоренности. Как будто здесь похоронное бюро или прачечная-автомат. Наверняка какой-нибудь спешный вопрос по поводу завещания дядюшки Люка или же по делу, назначенному к слушанию через три месяца.

– Некая миссис Уиллард.

– Зовут?

– Эрнестина Уиллард. Вы не знаете ее. Ее сын сейчас в тюрьме.

Джейк всегда принимал своих клиентов вовремя. Пришельцы с улицы – это совсем другое дело. Этель либо отсылала их, либо предлагала прийти на следующий день, а то и через

день. Мистер Брайгенс, объясняла она, чрезвычайно занят, но сможет уделить вам время послезавтра. Это производило впечатление.

– Скажите ей, что меня ее дело не интересует.

– Но она говорит, что ей совершенно необходим адвокат. Ее сын должен предстать перед судом сегодня, в час дня.

– Посоветуйте ей обратиться к Дрю Джеку Тиндэйлу, общественному защитнику. Он неплохой профессионал и сейчас как раз свободен.

Он слышал, как Этель повторила его слова посетительнице.

– Но, мистер Брайгенс, она хочет, чтобы ее делом занялись именно вы. Ей говорили, что вы лучший в округе адвокат по уголовным делам.

В голосе Этель Джейк услышал явное удивление.

– Скажите ей, что это правда, тем не менее ее дело меня не интересует.

Надев на Уилларда наручники, Оззи провел его по коридору в свой кабинет, расположенный у центрального входа в окружную тюрьму. Когда они вошли в комнату, шериф снял с арестованного наручники и усадил его на стоявший в центре тесного кабинета деревянный стул. Устроившись в просторном кресле за рабочим столом, он вперил свой взгляд в обвиняемого.

– Мистер Уиллард, здесь перед вами лейтенант Гриффин из дорожной полиции штата, рядом с ним следователь Рэди, эти двое – мои заместители Луни и Празер, вы познакомились с ними этой ночью, но вряд ли запомнили их имена. Я – шериф Уоллис.

Уиллард в страхе крутил головой. Его окружили. Дверь закрыта. У шерифа на краю стола бок о бок стоят два магнитофона.

– Вы не будете против, если мы попросим вас ответить на несколько вопросов?

– Не знаю.

– Прежде чем начать, хочу быть до конца уверен, что вы полностью осознаете свои права.

Прежде всего вы имеете право молчать. Это ясно?

– Угу.

– Вы можете не говорить, если не хотите, но уж если вы заговорите, то все произнесенное вами может быть использовано против вас в суде. Поняли?

– Угу.

– Умеете ли вы читать и писать?

– Да.

– Отлично, в таком случае прочтите это и распишитесь вот здесь. Тут говорится о том, что вы ознакомлены со своими правами.

Уиллард поставил свою подпись внизу листа. Оззи тут же нажал красную кнопку на магнитофоне.

– Вам ясно, что магнитофон включен на запись?

– Угу.

– И вы знаете, что сегодня среда, пятнадцатое мая, восемь сорок три утра?

– Если вам так будет угодно.

– Как ваше полное имя?

– Джеймс Луис Уиллард.

– А кличка?

– Пит. Пит Уиллард.

– Адрес?

– Дом четырнадцать, это по маршруту шестого автобуса, Лейк-Виллидж, штат Миссисипи.

– Улица?

– Бетел-роуд.

– С кем вы живете?

- Со своей матерью, Эрнестиной Уиллард. Я разведен.
- Вы знакомы с Билли Рэем Коббом?

Уиллард заколебался, опустив глаза вниз. Только сейчас он обратил внимание на то, что ботинки его остались в камере. Грязные носки были когда-то белыми, сквозь дыры из каждого торчало по большому пальцу. И вовсе даже не опасный вопрос, подумал он.

- Да, я знаю его.
- И вчера вы были вместе?
- Угу.
- Где же вы были?
- На озере.
- Когда вы оттуда уехали?
- Около трех.
- И какую же машину вы вели?
- Я не вел никакую машину.
- А на чем вы ехали?

Опять сомнения. Уиллард внимательно изучал большой палец правой ноги.

- Что-то мне расхотелось говорить дальше.

Оззи нажал другую кнопку, и магнитофон остановился. Он сделал энергичный выдох, подался к Уилларду:

- Ты когда-нибудь бывал в Парчмэне?
- Тот отрицательно покачал головой.
- А знаешь, сколько там сидит черномазых?
- Молчание.
- Около пяти тысяч. А белых?
 - Нет.
 - Примерно тысяча.

Уиллард уронил голову на грудь. Оззи дал ему с минуту на осмысление этой информации, затем подмигнул лейтенанту Гриффину.

– А ты можешь себе представить, что эти ниггеры сделают с белым парнем, когда узнают, что он изнасиловал черномазую девчонку?

Никакого ответа.

– Лейтенант Гриффин, расскажите мистеру Уилларду, как в Парчмэне относятся к белым.

Пройдя через кабинет, Гриффин уселся на край стола шерифа Оззи Уоллса, смерил взглядом сидевшего на стуле Уилларда.

– Лет пять назад белый парнишка в округе Хелена, это в самой дельте, изнасиловал чернокожую девчонку. Ей было двенадцать лет. Когда парнишку привезли в Парчмэн, заключенные уже поджидали его. Знали, кого везут. В первую же ночь на него набросились человек тридцать ниггеров, привязали к огромной металлической бочке, а потом стали трахать его по очереди. Охрана наблюдала за этим и смеялась. Насильников не очень-то жалуют даже в таких местах. Так продолжалось каждую ночь в течение трех месяцев, а потом его убили. Сначала кастрировали, а потом запихнули в ту самую бочку.

От страха Уиллард съехался, затем, чуть придя в себя, откинул голову назад и тяжело задышал в потолок.

– Послушай-ка, Пит, – обратился к нему Оззи, – ты нам вовсе ни к чему. Нам нужен Кобб. Я охочусь за ним с того самого момента, как его выпустили из Парчмэна. Он мне нужен позарез. Ты сможешь нам добраться до него, а я, в свою очередь, помогу тебе, чем только смогу. Не буду ничего обещать, но у меня неплохие отношения с прокурором округа. Так что

ты мне Кобба, я же постараюсь, чтобы прокурор не был очень уж зол на тебя. Просто расскажи нам, что у вас там произошло.

– Требую адвоката, – заявил Уиллард.

Оззи опустил голову вниз и издал протяжный стон.

– А чем тебе поможет адвокат, Пит? Не даст ниггерам прикоснуться к тебе? Я пытаюсь помочь тебе, а ты корчишь из себя образованную задницу.

– Ты бы, сынок, послушал шерифа, – вступил Гриффин. – Ведь он хочет спасти твою жизнь.

– У тебя и в самом деле есть шанс получить всего несколько лет и отсидеть их в этой самой тюрьме, – пришел на помощь Рэди.

– А здесь будет поспокойнее, чем в Парчмэне, – вставил Празер.

– Выбирай, Пит, – сказал Оззи. – Либо подохнуть в Парчмэне, либо остаться здесь. Мы бы могли подружиться с тобой, если бы ты хорошо себя вел.

Опустив голову к коленям, Уиллард тер виски.

– Ладно, согласен.

Оззи нажал красную кнопку.

– Где вы увидели девчонку?

– На какой-то покрытой гравием дороге.

– Что за дорога?

– Не знаю. Я был пьян.

– И куда вы ее повезли?

– Я не знаю.

– Вас было двое – ты и Кобб, верно?

– Да.

– Кто из вас ее трахал?

– Мы оба. Первым был Билли Рэй.

– Сколько раз?

– Не помню. Я курил травку и пил.

– Значит, трахали ее оба?

– Да.

– Куда вы ее потом дели?

– Не помню. Клянусь, я не помню.

Оззи нажал другую кнопку.

– Сейчас это перепечатают и дадут тебе подписать.

Уиллард задержал головой.

– Только не говорите ничего Билли Рэю.

– Не скажем, – пообещал ему шериф.

Глава 4

Перси Буллард нервно ерзал, сидя в кожаном кресле за столом из полированного дуба у себя в кабинете, расположенном позади зала суда, где уже собрались люди на слушание дела об изнасиловании негритянской девочки. В небольшой соседней комнате вокруг аппарата для варки кофе сидели юристы и обменивались последними слухами о деталях преступления.

Коротенькая судейская мантия Булларда висела в углу, у окна, выходящего на Вашингтон-стрит. Крошечные ступни его ног, обутые в кроссовки, едва касались пола. Маленький и нервный, он вечно дергался перед первичным слушанием, да и вообще перед тем, как выйти в полный народу зал. Просидев тринадцать лет на судейской скамье, он так и не научился расслабляться. К счастью, он не должен был вести большие судебные процессы – эта обязанность лежала на главе выездной сессии суда.

Буллард был лишь окружным судьей, он уже достиг своей вершины.

В дверь кабинета постучали. Это был Пейт, судебный чиновник, уже одряхлевший на своей должности.

– Входите! – требовательно произнес Буллард.

– Уже полдень, судья.

– Много там черномазых? – отрывисто спросил он.

– Ползала.

– Это же не меньше сотни! Убийства и те собирают меньше народу. Что, интересно, им нужно?

Пейт только покачал головой.

– Видимо, они думают, что сегодня будет разбирательство.

– Наверное, просто взволнованны.

– Это чем же? Я еще пока никого не выпустил на свободу. Сегодня первичное слушание. – Немного успокоившись, Буллард повернулся к окну. – Семья пострадавшей здесь?

– По-моему, да. Я заметил несколько знакомых лиц, хотя родителей ее я не знаю.

– Как насчет мер безопасности?

– Шериф держит всех своих людей рядом. Мы проверяем каждого входящего в зал.

– Нашли что-нибудь?

– Нет, сэр.

– Где парни?

– У шерифа. Он прибудет с ними с минуты на минуту.

Ответ судью удовлетворил. Сделав шаг, Пейт положил перед ним на стол написанную от руки записку.

– Что это?

Пейт набрал воздуха в легкие.

– Телевизионщики из Мемфиса обращаются с просьбой снять на пленку первичное слушание.

– Что?! – Лицо Булларда налилось кровью, он резко развернулся во вращающемся кресле. – Камеры! У меня в суде?! – Разорвав записку в клочки, он швырнул их в сторону пепельницы. – Где они?

– В холле.

– Прикажи им немедленно убраться из здания суда.

Пейт вышел.

Карл Ли Хейли сидел в предпоследнем ряду кресел. Его окружали родственники и друзья, занявшие почти всю правую половину зала. Левая половина была почти пуста. По центральному проходу расхаживали заместители шерифа, при оружии, настороженно поглядыва-

ющие на темнокожую аудиторию, и в особенности на Карла Ли, который сидел согнувшись, упираясь локтями в колени и уставившись пустыми глазами в пол.

Подойдя к окну, Джейк бросил взгляд на здание суда. Был ровно час пополудни. Как обычно, он отказался от обеда. В суде у него сегодня никаких дел не было, просто хотелось пройтись по свежему воздуху. И хотя он не испытывал ни малейшего желания знакомиться с деталями изнасилования, тем не менее не допускал и мысли о том, чтобы пропустить первичное слушание. Судя по тому, что вся стоянка перед зданием уже была забита, в зале тоже, наверное, полным-полно, пронеслась у него в голове мысль. Еще Джейк заметил, что у заднего входа топчутся несколько репортеров с фотоаппаратами: через эту простую деревянную дверь должны ввести обвиняемых – Кобба и Уилларда.

Здание тюрьмы находилось в паре кварталов от площади, у автострады, ведущей на юг. Оззи сидел за рулем, на заднем сиденье помещались Кобб и Уиллард. Спереди и сзади их сопровождали патрульные автомобили. Наконец процессия свернула с Вашингтон-стрит во двор здания суда. У задней двери машины остановились. В окружении шести заместителей Оззи арестованные прошли мимо репортеров внутрь. Поднявшись по маленькой крутой лестнице, группа людей оказалась в небольшой комнате, расположенной за стеной зала суда. Здесь им предстояло ждать.

Джейк подхватил со спинки стула пиджак, не обращая внимания на Этель, выбежал из офиса и бросился на противоположную сторону улицы. Воспользовавшись той же дверью и той же лестницей, он попал в коридор, который вел в комнату присяжных, и через боковую дверь, совсем неприметную, вошел в зал заседаний в тот самый момент, когда Пейт подводил его честь к судейской скамье.

– Суд идет, прошу всех встать! – провозгласил Пейт.

Публика поднялась с мест. Буллард подошел к стулу с высокой спинкой, уселся.

– Можете садиться, – разрешил он. – Где обвиняемые? Где они? Введите же их.

Из соседней с залом комнатки ввели Кобба и Уилларда, в наручниках. Были они небриты, помяты и выглядели довольно-таки жалко. Уиллард был не в силах отвести взгляд от заполненной чернокожими правой половины зала. Кобб же сразу повернулся к ним спиной. Луни снял с них наручники и усадил рядом с Дрю Джеком Тиндэйлом, общественным защитником, за длинный стол, где обычно сидела защита. Сбоку помещался такой же длинный стол, над которым возвышался окружной прокурор Рокки Чайлдерс, делавший какие-то записи в блокноте. Вид у него был весьма важный.

Уиллард сделал попытку осмотреться, но тут же снова уставился на безликую для него темную массу. Позади него сидели его мать и мать Кобба, по бокам от них занимали места два заместителя Оззи – следовало обеспечить и безопасность ближайших родственников обвиняемых. Успев краем глаза заметить охрану, Уиллард почувствовал себя спокойнее. Кобб сидел неподвижно.

Футах в семидесяти от него Карл Ли поднял голову, чтобы посмотреть на людей, надругавшихся над его дочерью. Так вот, оказывается, какие они: грязные, шелудивые оборванцы, похожие на бездомных псов. Он прикрыл лицо рукой и вновь опустил голову. Позади него стояли люди шерифа, вжимаясь спинами в стену, следя за каждым его движением.

– А теперь слушайте меня, – громко начал Буллард. – Сегодня у нас только первичное слушание, а не суд, как вы могли подумать. Цель первичного слушания – установить, располагаем ли мы достаточным количеством свидетельств того, что было совершено преступление. Только после этого обвиняемые могут быть переданы в ведение большого жюри присяжных. Обвиняемые имеют право отказаться от первичного слушания, если у них есть такое желание.

Поднялся Тиндэйл:

– Нет, ваша честь, мы не против первичного слушания.

– Отлично. Суд располагает копиями свидетельских показаний шерифа Уоллса, данных им под присягой. В показаниях содержатся обвинения присутствующих здесь Кобба и Уилларда в изнасиловании девочки, не достигшей двенадцатилетнего возраста, в киднепинге, а также в нанесении телесных повреждений. Мистер Чайлдерс, можете вызвать вашего первого свидетеля.

– Ваша честь, шериф Оззи Уоллс.

Джейк сидел за барьером, где обычно располагались присяжные, вместе с несколькими своими коллегами, делавшими вид, что они погружены в изучение каких-то важных материалов. Оззи привели к присяге и усадили в свидетельское кресло слева от Булларда, совсем неподалеку от Джейка.

– Назовите ваше имя.

– Шериф Оззи Уоллс.

– Вы являетесь шерифом округа Форд?

– Да.

– Мне известно, кто он такой, – пробормотал Буллард, листая папку с бумагами.

– Скажите, шериф, вчера во второй половине дня не звонили ли вам по поводу пропавшего ребенка?

– Да, звонок был примерно в полпятого.

– Какие меры вы предприняли?

– Отправил своего заместителя Уилли Хастингса в дом Гвен и Карла Ли Хейли, родителей пропавшего ребенка.

– Где это?

– Они проживают по Крафтроуд, неподалеку от магазина Бэйтса.

– Что же ваш заместитель выяснил?

– Он встретился с матерью девочки. Это она звонила. А до звонка она на машине объездила в поисках дочери прилегающие кварталы. То же самое они проделали еще раз вместе с моим заместителем.

– Удалось ему обнаружить девочку?

– Нет. Но когда они вернулись в дом, девочка была уже там. Ее нашли какие-то рыболовы и привезли домой.

– В каком состоянии был ребенок?

– Девочка была избита и изнасилована.

– Она была в сознании?

– Да. Могла говорить, вернее, бормотать, так, чуть-чуть.

– Что же она сказала?

Тиндэйл вскочил:

– Прошу вас, ваша честь, мне известно, что на таких слушаниях допускаются показания с чужих слов, но в данном случае мы имеем дело с тройным пересказом.

– Возражение отвергнуто. Замолчите. Сядьте. Продолжайте, мистер Чайлдерс.

– Что же она сказала?

– Она рассказала своей матери про двух белых мужчин в желтом пикапе, у заднего окна которого болтался конфедератский флажок. Вот почти и все. Сказать больше она просто не смогла: переломы челюстей, лицо опухло от побоев.

– Что произошло дальше?

– Мой заместитель вызвал «Скорую», и девочку отвезли в больницу.

– В каком она состоянии сейчас?

– Врачи называют его критическим.

– Продолжайте.

– Основываясь на том, что мне к тому времени было известно, я прикинул, на кого бы могло пасть подозрение.

– Что же вы предприняли?

– Обратился к своему информатору, весьма надежному информатору, и направил его в пивной бар неподалеку от озера.

Чайлдерс был не из тех, кто станет копаться в деталях, да еще под носом у Булларда. Джейку было об этом известно, так же, впрочем, как и Тиндэйлу. Буллард абсолютно все дела отсылал на рассмотрение жюри присяжных, так что слушание – любое – было чистой воды формальностью. Вне зависимости от сути дела, от собранных фактов, доказательств, вне зависимости от чего бы то ни было Буллард всегда вручал судьбу обвиняемого в руки присяжных. Если улики оказывались недостаточны, то пускай его освобождает жюри, а не он, Буллард. Ведь ему предстоит переизбираться на свою должность, а присяжным – нет. Избиратель всегда возмущен и недоволен, если преступник вдруг оказывается на свободе. Большинство адвокатов округа пропускали предварительное слушание дела, если его вел Буллард. Но только не Джейк – он считал, что лучший способ узнать позицию прокурора – побывать на таком слушании. Тиндэйл тоже очень редко пропускал эту процедуру.

– Какой пивной бар?

– Бар Хью.

– Что он там выяснил?

– Он доложил мне, что слышал, как обвиняемые Уиллард и Кобб хвастались там тем, что недурно развлеклись с черномазой девчонкой.

Кобб и Уиллард обменялись взглядами. Кто же их заложил? Оба плохо помнили, что происходило у Хью.

– Каковы были ваши действия?

– Мы арестовали Кобба и Уилларда, а затем разыскали пикап, зарегистрированный на имя Билли Рэя Кобба.

– Что еще вы обнаружили?

– Внешний осмотр выявил множество пятен крови в кузове.

– Еще?

– Была найдена маленькая майка, перепачканная кровью.

– Кому она принадлежит?

– Она принадлежала Тони Хейли, девочке, подвергшейся насилию. Сегодня утром майку опознал Карл Ли Хейли, отец девочки.

Услышав свое имя, Карл Ли выпрямился. Оззи Уоллс смотрел прямо ему в глаза. Джейк повернулся и впервые увидел брата своего бывшего подзащитного.

– Опишите грузовик.

– Новый фордовский пикап желтого цвета грузоподъемностью в полтонны. Хромированные колпаки, шины с шипами. У заднего окна в кабине висит конфедератский флажок.

– Кто является владельцем?

Оззи повернулся и ткнул пальцем в Кобба:

– Билли Рэй Кобб.

– И это совпадает с описанием пикапа, данным девочкой?

– Да.

Чайлдерс сделал паузу, просматривая свои записи.

– А теперь, шериф, скажите, какие еще у вас есть показания, изобличающие обвиняемых?

– Сегодня утром в тюрьме состоялась беседа с Питом Уиллардом. Он подписал признание.

– Что?! – взревел Кобб.

Уиллард в испуге прикрыл голову руками, взглядом взывая о помощи.

– Прошу соблюдать порядок! – Буллард постучал председательским молотком о крышку стола.

Тиндэйл бросился разнимать своих клиентов.

– Вы познакомили мистера Уилларда с его правами?

– Да.

– И он ясно осознавал их?

– Да.

– И подтвердил это собственноручной подписью?

– Да.

– Кто присутствовал при этом?

– Я, два моих заместителя, следователь Рэди и лейтенант Гриффин из дорожной полиции.

– Признание обвиняемого у вас с собой?

– Да.

– Прочтите его.

В зале стояла полная тишина, когда Оззи читал краткий текст признания Уилларда. Карл Ли остановившимся взглядом смотрел на обвиняемых. Кобб не сводил глаз с Уилларда, который, склонив голову, отковыривал грязь со своих ботинок.

– Благодарю вас, шериф, – обратился к нему Чайлдерс, когда Оззи закончил чтение. – Мистер Уиллард подписал признание?

– Да, в присутствии трех свидетелей.

– У обвинения больше нет вопросов, ваша честь.

– Можете задавать свои вопросы, мистер Тиндэйл, – прокричал Буллард.

– Пока вопросов не имею, ваша честь.

Умно, подумал Джейк. С точки зрения стратегии сейчас, на предварительном слушании, защите следовало вести себя тише. Просто слушать, записывать и не высываться. В любом случае дело будет передано большому жюри присяжных, так чего же дергаться раньше времени? И ни в коем случае не позволять обвиняемым давать показания. Это совершенно излишне и только повредит им во время суда. Джейк знал, что не услышит показаний обвиняемых, поскольку он был неплохо знаком с Тиндэйлом.

– Вызовите вашего следующего свидетеля, – потребовал судья.

– Других свидетелей у нас нет, ваша честь.

– Хорошо. Можете сесть. Мистер Тиндэйл, у вас есть свидетели?

– Нет, ваша честь.

– Тем лучше. Суд пришел к выводу, что в его распоряжении достаточно свидетельств того, что обвиняемыми совершено несколько деяний, которые могут быть расценены как преступления. Исходя из этого суд в качестве меры пресечения для обвиняемых Кобба и Уилларда назначает содержание под стражей вплоть до заседания жюри присяжных округа Форд, которое должно состояться в понедельник, двадцать седьмого мая. Вопросы?

Тиндэйл медленно выпрямился во весь рост:

– Да, ваша честь. Защита просила бы определить разумную сумму залога, с тем чтобы обви...

– Выбросьте это из головы, – рявкнул Буллард. – Ни о каком залоге и речи идти не может. Пока, во всяком случае. Вы слышали, что состояние пострадавшей критическое. Если она умрет, формула обвинения, безусловно, изменится.

– В таком случае, ваша честь, я буду настаивать на проведении слушания по поводу освобождения обвиняемых под залог до суда. Скажем, через несколько дней, когда, будем надеяться, девочке станет лучше.

Буллард внимательно выслушал Тиндэйла. Неплохая идея, подумал он.

– Принято. Слушание по поводу освобождения под залог назначаю на следующий понедельник, двадцатое мая, в этом же зале. До этого дня обвиняемые будут содержаться в тюрьме округа Форд. Сегодняшнее слушание объявляю законченным.

Ударив молотком по столу, Буллард как-то незаметно удалился. Охрана засуетилась вокруг обвиняемых, на них вновь надели наручники, вывели из зала, провели по лабиринту коридоров, мимо ожидавших на улице репортеров, прямо в автомобиль, который тут же тронулся с места.

Слушание было весьма типичным для Булларда – всего двадцать минут, если не меньше. В этом зале справедливость вершилась быстро.

Разговаривая с коллегами, Джейк стоял и смотрел, как люди медленно покидали зал через огромные дубовые двери. Вот он заметил, как Карл Ли, который не спешил выйти вместе со всеми, сделал ему знак рукой, предлагая присоединиться к нему. Они встретились в просторном холле. Извинившись перед окружавшими его друзьями и родственниками и пообещав увидеться с ними в больнице, Карл Ли подошел к Джейку, и они вместе стали спускаться по винтовой лестнице на первый этаж.

– Я искренне сожалею, Карл Ли, – проговорил Джейк. – Как она?

– Она выкарабкается.

– А Гвен?

– Думаю, уже немного оправилась.

– А ты сам?

Они медленно шли по вестибюлю.

– Как-то не укладывается у меня в голове. То есть я хочу сказать, что двадцать четыре часа назад все было в полном порядке, никто ни о чем и не подозревал. А теперь только посмотри на нас! Моя доченька лежит в больнице, вся в шлангах и трубках. Жена едва не сошла с ума, мальчишки перепуганы до смерти, а сам я думаю только о том, как бы расправиться с подонками своими руками.

– Я был бы рад чем-то помочь, Карл Ли.

– Все, что тут можно сделать, – это помолиться за нее, помолиться за всех нас.

– Понимаю твою боль.

– У тебя ведь тоже маленькая дочка, так, Джейк?

– Да.

Какое-то время они шли молча. Джейк решил сменить тему:

– А где сейчас Лестер?

– В Чикаго.

– Чем он занимается?

– Работает в сталелитейной компании. Неплохо устроился. Женился.

– Шутишь? Лестер женился?!

– Да. Причем на белой.

– На белой! Да на кой же черт ему белая?

– А, ты же знаешь Лестера – просто спесивый черномазый. Сейчас направляется сюда, к нам. Будет позже, к вечеру.

– И зачем?

Они остановились у задней двери. Джейк повторил вопрос:

– Так зачем же он приезжает?

– Кое-какие семейные дела.

– Собираешься что-то предпринять?

– Нет. Он хочет всего-навсего взглянуть на свою племянницу.

– Вам не стоит всем так сильно убиваться.

– Легко тебе говорить, Джейк.

– Пожалуй.

– А что бы предпринял ты сам, Джейк?

– В каком смысле?

– У тебя маленькая дочка. Давай только предположим, что она лежит в больнице, избитая и изнасилованная. Что бы ты стал делать?

Джейк смотрел на окошечко в двери и молчал. Карл Ли ждал.

– Не нужно никаких глупостей, Карл Ли, – попросил он.

– Ответь мне. Что бы ты стал делать?

– Не знаю. Не знаю, что бы я сделал.

– Давай-ка я поставлю вопрос иначе. Если бы это оказалась вдруг твоя маленькая девочка, а насильниками были бы два подлых ниггера и у тебя была бы возможность добраться до них, как бы ты тогда поступил?

– Убил бы их.

Карл Ли улыбнулся, улыбка его тут же перешла в смех.

– Еще бы, Джейк, еще бы! А потом бы ты нанял какого-нибудь известного адвоката, который убедил бы всех, что ты был не в себе, точно так же, как ты сделал на суде с Лестером.

– Никто и не говорил, что Лестер был не в себе. Я настаивал только на том, что Боуи заслужил смерть.

– Но его же оправдали благодаря тебе, разве нет?

– Да.

Карл Ли подошел к ступенькам лестницы, поднимавшейся от задней двери куда-то вверх.

– Это здесь они поднимались в зал? – спросил он, избегая смотреть на Джейка.

– Кто?

– Те парни.

– Да. В большинстве случаев обвиняемых проводят здесь. Это и быстрее, и безопаснее.

Машина останавливается прямо около двери, и отсюда их ведут наверх, в зал, вот и все.

Карл Ли подошел к задней двери и посмотрел сквозь небольшое окошко на улицу.

– Сколько раз ты выступал по делам об убийстве, Джейк?

– Три. Кроме Лестера, было еще два дела.

– А сколько твоих подопечных были неграми?

– Все трое.

– Сколько же дел ты выиграл?

– Все три.

– Видимо, тебе не очень по вкусу, когда ниггера пускают в расход?

– Пожалуй.

– Готов к новому делу?

– Забудь об этом, Карл Ли. Они того не стоят. Что, если тебя признают виновным и отправят в газовую камеру? Что будет с твоими детьми? Подонки не стоят их, честное слово.

– Ты же сам только что сказал мне, что сделал бы это.

Джейк тоже подошел к двери, встал рядом.

– Я – другое дело, Карл Ли. Я еще смог бы выбраться.

– Как?

– Все-таки я – белый, и округ наш белый. Немного везения, и в состав присяжных вошли бы только белые, естественно, они сочувствовали бы мне. У нас ведь не Нью-Йорк или Калифорния. Мужчина должен защищать свою семью. Присяжные на этом сошлись бы.

– А я?

– Я же сказал тебе: здесь не Нью-Йорк и не Калифорния. Кто-то из белых будет восхищаться тобой, но большинство захотят, чтобы тебя казнили. Добиться оправдания будет почти невозможно.

– Но ты бы смог его добиться, а, Джейк?

– Не делай этого, Карл Ли.

– У меня нет выбора, Джейк. Я не смогу заснуть, пока те двое живы. Это мой долг перед дочуркой, долг перед самим собой, перед своими собратьями. И я сделаю это.

Распахнув дверь, они вышли во двор, а затем – на Вашингтон-стрит, оказавшись напротив офиса Джейка. Обменялись рукопожатием. Джейк обещал завтра заехать в больницу – повидать Гвен и всю семью.

– Последний вопрос, Джейк. Ты не откажешься встретиться со мной в тюрьме, когда меня арестуют?

Не успев обдумать ответ, Джейк кивнул. Карл Ли улыбнулся и направился к стоящему неподалеку грузовичку.

Глава 5

Лестер Хейли женился на молоденькой шведке из Висконсина, и, хотя его жена не давала повода заподозрить ее в неверности, он начал подозревать, что чувство чего-то необычного, какой-то новизны, которое испытывала она, лаская его темное мускулистое тело, начало постепенно стираться, уходить. Она была в ужасе от Миссисипи и категорически отказалась путешествовать с ним на юг, несмотря на все его уверения в безопасности такой поездки. Она ни разу не видела никого из его родственников. Нельзя сказать, чтобы его семья сгорала от нетерпения познакомиться с ней – вовсе нет. Конечно, не было ничего необычного в том, что чернокожий южанин уехал на север и женился там на белой девушке, – но вот Хейли никогда еще не смешивали свою кровь с кровью белых. Хейли в Чикаго жило немало, почти все состояли в родстве, все без исключения заключали браки только с соплеменниками. Так что родня Лестера не пришла в восторг от его белокурой супруги. В Клэнтон ему пришлось ехать в своем новом «кадиллаке» в полном одиночестве.

В среду, поздно вечером, Лестер подъехал к зданию больницы. В комнате для посетителей на втором этаже он обнаружил кое-кого из родственников, некоторые просматривали газеты. Он по-братски обнялся с Карлом Ли. Они не виделись с самого Рождества, когда половина черного населения Чикаго устремляется в родные места – Миссисипи и Алабаму.

Братья прошли в коридор, подальше от остальных.

– Как она? – спросил Лестер.

– Лучше. Уже много лучше. Может, ее выпишут к концу недели.

Лестер с облегчением вздохнул. Одиннадцать часов назад, когда он выехал из Чикаго, девочка была на грани смерти, во всяком случае, по словам брата, который ночным звонком перепугал его с женой. Стоя под табличкой «Не курить», Лестер вытащил сигарету, закурил и, выдохнув дым, посмотрел на брата.

– С тобой все в порядке?

Карл Ли кивнул.

– С Гвен тоже?

– Не совсем. Она у своей матери. Ты приехал один?

– Да.

По тону Лестера можно было понять, что он приготовился защищать жену.

– Ну-ну...

– Давай обойдемся без этого. Я просидел день за рулем не для того, чтобы выслушивать гадости о моей жене.

– Хорошо-хорошо. Вижу, ты еще не выпустил газ.

Лестер улыбнулся, издав нечто вроде смешка. С того самого дня, как он женился на шведке, его мучили желудочные газы. Она готовила такие блюда, что он и названия выговорить не мог. Желудок бурно протестовал. Он требовал цветной капусты, гороха, жареных цыплят, свинины, седла барашка.

Они поднялись на третий этаж, в такую же комнату для посетителей: несколько складных стульев, маленький столик. Опустив в прорезь автомата монеты, Лестер принес два пластиковых стаканчика с дрянным кофе. В свой он высыпал из пакетика сухие сливки, также выданные бездушной машиной, пальцем размешал. Время от времени он делал глоток, внимательно слушая, как брат в деталях рассказывает ему об изнасиловании, об аресте двух белых парней, о предварительном слушании. На невесть откуда взявшихся салфетках Лестер стал набрасывать чертежи зданий суда и тюрьмы. Прошло уже четыре года с тех пор, как он был оправдан по делу об убийстве, и теперь ему пришлось изрядно напрягать память, чтобы вспомнить внутреннюю планировку этих сооружений. Благодаря внесенному залогу в тюрьме он пробыл всего

неделю, а в здании суда, выслушав оправдательный вердикт, ни разу больше не появился. Собственно говоря, он почти сразу же после всего этого уехал в Чикаго. Ведь у его жертвы были родственники.

Братья строили планы и тут же отбрасывали их, предлагая новые. Время было далеко за полночь.

На следующий день, в четверг, Тони из отделения интенсивной терапии перевезли в отдельную палату. Состояние ее стабилизировалось. Врачи вздохнули свободнее, родственники потянулись к ней со сладостями, игрушками и цветами. Со ртом, набитым дантистской арматурой – у нее были сломаны обе челюсти, – девочка могла только смотреть на конфеты и шоколад. Ими с удовольствием занялись ее братья, окружившие кровать, на которой она лежала, – как бы защищая сестренку и подбадривая ее. В палате всегда было полно народу – каждый считал своим долгом похлопать по одеялу, сказать девочке, какая она молодчина, словом, с ней обращались как с человеком, прошедшим через тяжелейшее испытание. Одна группа посетителей сменяла другую: из коридора в палату, оттуда – снова в коридор, где две медицинские сестры следили за порядком.

Раны болели, девочка время от времени вскрикивала. Каждый час сестра раздвигала толпящихся вокруг кровати родственников для того, чтобы сделать анестезирующий укол.

Ночью оставшиеся в палате люди зашикали друг на друга, когда телевизионная компания Мемфиса начала рассказ об изнасиловании негритянской девочки. Показали и лица преступников, двух белых мужчин, но Тони их так и не рассмотрела.

Рабочий день в здании суда округа Форд начинался в 8.00 и заканчивался в 17.00, по пятницам – в 16.30. В пятницу в половине пятого Карл Ли заперся в кабинке туалета первого этажа. Здание было уже закрыто. Примерно с час он сидел на крышке унитаза и вслушивался в тишину. В кабинетах и коридорах не осталось даже уборщиц – никого. Полное безмолвие. По широкому, погруженному в полумрак вестибюлю Карл Ли прошел к задней двери, выходящей во двор, осторожно посмотрел в окошко и опять-таки никого не увидел. Прислушался. Кроме него, в здании не было ни души. Обернувшись, он окинул взглядом коридор и просторный вестибюль, в противоположном конце которого, футах в двухстах от него, виднелись двери главного входа.

Карл Ли принялся изучать обстановку. Открывавшаяся внутрь задняя дверь располагалась в довольно большом по размерам холле. По правую и левую стороны от двери навверх вели две одинаковые лестницы. Из холла коридор вел в вестибюль. Карл Ли попытался представить себе, как его поведут в суд. Оттолкнувшись сложенными за спиной руками от двери, он зашагал направо, к видневшимся футах в девяти от него ступеням лестницы, начал подниматься. Так. Десять ступенек. Площадка. Поворот налево на девяносто градусов – оказывается, Лестер забыл не все. Еще десять ступенек, и он оказался в комнатке, где до начала заседания содержатся обвиняемые. Это было небольшое помещение, пятнадцать на пятнадцать футов, с одним окном и двумя дверями. Карл Ли потянул ручку правой двери и вошел в поражающий размерами зал, где вершилось правосудие, прямо напротив рядов кресел, предназначенных для публики. Он направился к проходу, делившему зал на две половины, уселся в первом ряду. Осматриваясь, он увидел перед собой невысокие перильца, или, как их назвал Лестер, барьер, который отделял, так сказать, зрителей от сцены, на которой располагались судья, жюри присяжных, свидетели, защита и обвинение, судебные клерки и подсудимые.

Идя по проходу к дверям, он старался рассмотреть каждую деталь. Ему показалось, что в среду все здесь выглядело по-другому. Вернувшись в комнату для обвиняемых, Карл Ли попробовал другую дверь. Она открывалась в пространство, отделенное от публики барьером, – на сцену, где разворачивалось главное действие. Он уселся за длинный стол, за которым сидели Кобб и Уиллард. Справа был точно такой же стол прокурора. Позади столов стоял ряд простых

деревянных стульев, а за ними – барьер с двумя узенькими турникетами в обоих концах. Место судьи было на почетном возвышении – спиной к стене, под несколько выцветшим уже портретом Джефферсона Дэвиса, хмуро смотревшего на каждого присутствующего в зале. Слева от кафедры судьи, а значит, правее Карла Ли помещалось жюри присяжных – под портретами других, давно забытых героев-конфедератов. Напротив присяжных и ниже судьи должен был сидеть свидетель. Слева от Карла Ли и чуть позади присяжных стоял стол, покрытый тяжелой скатертью, на нем стопками высились обтянутые красной кожей сборники различных судебных уложений. Во время заседаний какой-нибудь крючкотвор обязательно с умным видом копался в них. В стене позади стола была дверь, она вела в комнату, через которую Карл Ли попал в зал.

Он стоял и озирался с таким видом, будто на него уже и вправду надели наручники. Медленным шагом Карл Ли вышел из-за барьера, вернулся в комнату для обвиняемых, пересек ее и начал спускаться по ступеням узкой, погруженной в полутьму лестницы. Десять ступенек. Площадка. На площадке он остановился. Отсюда он мог видеть задние двери здания суда и большую часть вестибюля. Спустившись еще на десять ступенек, Карл Ли заметил справа в стене небольшую дверцу. Приоткрыл ее – за ней находилась крошечная комнатка уборщицы. Он вошел в нее. Пыльное, заставленное ведрами помещение углом уходило под лестницу, по всему было видно, что пользовались комнаткой редко. Карл Ли повернулся к неплотно приоткрытой двери, сквозь щель бросил взгляд на лестницу.

Еще примерно час бродил он по зданию суда. Другая лестница, полностью подобная первой, вела в комнату, расположенную по другую сторону зала, напротив помещения для обвиняемых. На этой же лестнице Карл Ли обнаружил и две двери – одну в зал суда, другую в комнату для присяжных. Ступеньки вели выше, на третий этаж, занятый библиотекой юридической литературы и комнатами для свидетелей. Словом, все было так, как говорил Лестер.

Еще и еще раз он поднимался и спускался по лестницам, представляя, как это же будут проделывать люди, которые надругались над его дочерью.

Он посидел в кресле судьи, строго обозревая свои владения. Несколько минут провел за столом присяжных. Уселся на место свидетеля, подул в микрофон. Уже совсем стемнело, когда в семь часов Карл Ли поднял раму окна в туалете первого этажа и беззвучно скользнул в кусты.

– Кому ты собираешься об этом доложить? – спросила Карла, закрывая картонную коробку из-под пиццы и наливая себе еще лимонада.

Джейк покачивался в стоящем на крыльце плетеном кресле и посматривал на играющую со скалкой дочь.

– Ты слышишь меня?

– Нет.

– Я спрашиваю, кому ты доложишь об этом?

– Не думаю, что это нужно кому-то докладывать.

– А я считаю, нужно.

– А я – нет.

– Почему?

Качнувшись чуть сильнее, Джейк сделал глоток лимонада и неторопливо заговорил:

– Прежде всего я не уверен, что планируется преступление. Он сказал то, что на его месте сказал бы любой отец, мне легко представить, о чем он может сейчас думать. Но чтобы готовить нечто в этом духе – нет, мне не верится. К тому же обо всем этом он сообщил мне в доверительном порядке, как клиент. Похоже, он уже видит во мне своего адвоката.

– Хорошо, пусть даже ты его адвокат. Но если тебе становится известно о том, что он готовит преступление, неужели ты не обязан доложить об этом?

– Обязан. В том случае, когда я уверен, что все обстоит именно так. А я не уверен.

– И все-таки тебе следует рассказать об этом, – недовольно заметила Карла.

Джейк не обратил на это внимания. Какая ей разница? Прожевывая хрустящую корочку пиццы, он старался не думать ни о чем.

– Тебе хочется, чтобы Карл Ли сделал это? Да?

– Сделал – что?

– Расправился с теми парнями.

– Нет, мне этого не хочется. – Прозвучало это не совсем убедительно. – Но если бы он так поступил, я не смог бы обвинить его, потому что на его месте сделал бы то же самое.

– Оставь, не стоит начинать все сначала.

– Я говорю серьезно, и ты знаешь об этом. Я бы поступил так же.

– Джейк, ты не сможешь убить человека.

– Ладно. Как тебе угодно. Не будем спорить, такие разговоры у нас уже были.

Карла крикнула девочке, чтобы та отошла подальше от дороги. Затем вышла на крыльцо, уселась в плетеное кресло-качалку рядом с мужем. В ее стакане позвякивали кубики льда.

– Будешь представлять его интересы?

– Надеюсь, да.

– Присяжные обвинят его?

– А ты бы обвинила?

– Не знаю.

– Ну подумай о Ханне. Посмотри отсюда, как малышка забавляется со скакалкой, посмотри, ты же ее мать. А теперь представь себе маленькую дочку Хейли, как она лежит перед тобой избитая, в крови и зовет родителей...

– Замолчи, Джейк!

Он улыбнулся:

– Отвечай же. Ты – член жюри. Ты не оправдала бы отца?

Карла поставила свой стакан на подоконник и вдруг заботливо склонилась над нежными ростками цветов, высаженных перед крыльцом. Джейк почувствовал, что победил.

– Ну же! Ты – в жюри. Оправдан или признан виновным? Она подняла на него глаза:

– Трудно будет назвать его виновным.

Он улыбнулся, перестав раскачиваться.

– Только не могу понять, как он сможет убить их, если они в тюрьме, – призналась Карла.

– Запросто. Они же не могут все время сидеть в камере. Им придется отправиться в суд – туда и обратно их повезут в машине. А вспомни Освальда и Джека Руби. Да к тому же их могут освободить до суда под залог.

– Когда?

– Сумма залога будет определена в понедельник. Если они уплатят ее, они свободны.

– А если нет?

– Останутся в тюрьме до суда.

– Когда он состоится?

– Скорее всего, в конце лета.

– Думаю, тебе все же нужно доложить об этом.

Джейк поднялся из кресла и направился к Ханне – играть.

Глава 6

К. Т. Брастер, или Котяра Брастер, как его прозвали, являлся, насколько ему это было известно, единственным в Мемфисе одноглазым чернокожим миллионером. Ему принадлежало несколько кабаков со стриптизом на вполне легальных условиях. Он был официальным владельцем кое-какой недвижимости – сдавал ее в аренду. За ним явочным порядком числились две церкви в южном районе Мемфиса. Он слыл благодетелем неимущих, другом политиков, он был настоящим героем в глазах своих собратьев.

Добрая репутация была Котяре необходима, ведь рано или поздно ему вновь предъявят какое-нибудь обвинение, станут допрашивать, но, скорее всего, присяжные, половина которых будет его соплеменниками, вынесут оправдательный вердикт. Местные власти уже поняли, что нет никакой возможности предъявить К. Т. Брастеру обвинение в убийстве или в незаконной продаже кокаина, краденого, чужих кредитных карточек, талонов на продовольствие для неимущих, оружия, женщин и даже орудий легкой артиллерии.

Глаз у него был только один. Второй остался во Вьетнаме, на каком-то рисовом поле. Он потерял его в 1971 году, в тот самый день, когда его дружка, Карла Ли Хейли, ранило в ногу. Карл Ли тащил его на себе больше двух часов, прежде чем им удалось найти помощь. После войны Котяра вернулся в Мемфис, привез с собой два фунта гашиша. У него была задумка – купить небольшой бар на Саут-Мэйн. Он едва сводил концы с концами, когда наконец выиграл в покер какую-то проститутку и пообещал ей, что она сможет бросить свой малоприбыльный бизнес, если согласится отплясывать что-нибудь бойкое на столах его заведения при минимуме одежды на теле. Не прошло и двух недель, как Котяра уже не мог усадить за свои столики всех желающих. Тогда он купил еще один бар и привел целых шесть танцовщиц. Отыскав таким образом свою нишу в бизнесе, Котяра стал через пару лет весьма состоятельным человеком.

Офис Котяры был расположен на верхнем этаже одного из его клубов, в самой беспокойной части города, чуть в стороне от Саут-Мэйн, между Вэнс-стрит и Бил-стрит. Светящаяся над тротуаром реклама предлагала прохожим только пиво и возможность полюбоваться женской грудью, однако внутри, за непроницаемо темными окнами, вошедшему предоставлялся гораздо более широкий выбор.

Бар «Браун шугар» Карл Ли вместе с Лестером отыскали где-то в полдень. Они вошли, уселись за стойкой, заказали по «Будвайзеру» и стали рассматривать лениво отплясывающих чернокожих красоток.

– Котяра здесь? – спросил Карл Ли бармена, когда тот проходил мимо.

Тот только ухмыльнулся и, подойдя к раковине, принялся мыть пивные кружки. Между глотками пива Карл Ли поглядывал в его сторону.

– Еще кружку! – громко потребовал Лестер, не поворачивая головы от маленькой сцены.

– Котяра Брастер здесь? – решительным голосом снова спросил бармена Карл Ли, когда тот ставил на стол кружки.

– А кого это интересует?

– Меня.

– Ну и...

– Ну и то, что мы с Котярой старые друзья. Были вместе во Вьетнаме.

– Зовут?

– Хейли. Карл Ли Хейли. Из Миссисипи.

Бармен скрылся, а через минуту появился вновь – за стойкой, у двери меж двух зеркал. Он сделал братьям знак, и они прошли за ним через эту дверь мимо туалетов и потом по лестнице вверх. Помещение, в котором они оказались, было довольно темным и кричаще безвкусным. Пол устилал ковер золотистого цвета, на стенах висели красные ковры, к потолку

был, похоже, прибит зеленый. Зеленый ковер на потолке. Оба окна забраны тонкой стальной решеткой. Ее почти скрывали тяжелые пыльные занавеси, свисавшие до самого пола и не пропускавшие в комнату ни лучика солнечного света. К центру потолка, едва не над их головами, была прикреплена люстра со свечами и зеркалами, она медленно вращалась, но толку от всего этого было мало.

Два массивных телохранителя в одинаковых костюмах-тройках кивками отослали бармена вниз, затем предложили братьям сесть и замерли в неподвижности за их спинами.

Карл Ли и Лестер обменялись восхищенными взглядами.

– Здорово, правда? – обратился к брату Лестер.

Из невидимых стереоколонок доносились негромкая музыка и голос Б. Б. Кинга.

Внезапно позади огромного письменного стола раскрылась потайная дверь, и в комнату вошел Котяра. Он ткнул Карла Ли в плечо кулаком и радостно закричал:

– Кого я вижу! Карл Ли Хейли! – Они обнялись. – Рад, я так рад, Карл Ли, тебя видеть!

Они стояли и толкали друг друга плечами, как медведи.

– Ну, как у тебя дела, старина?

– Все отлично, Котяра, все просто замечательно. А как ты?

– Полный порядок! Кто это с тобой? – Котяра резким движением протянул гостю руку.

Лестер с почтением потряс ее.

– Это мой брат, Лестер. Он из Чикаго.

– Приятно познакомиться, Лестер. Мы с твоим братцем дружки!

– Он много рассказывал мне о тебе.

Котяра не уставал восхищаться Карлом Ли:

– Боже мой! Неужели это Карл Ли? А ты неплохо выглядишь. Как нога?

– Все нормально, Котяра. В дождь ноет иногда, а так все хорошо.

– Нам с тобой ничего не страшно, так ведь?

Карл Ли согласно кивнул и улыбнулся. Котяра наконец выпустил его из своих объятий.

– Не хотите ли выпить, парни?

– Нет, благодарю, – ответил Карл Ли.

– Я бы не отказался от пива, – проговорил Лестер.

Котяра щелкнул пальцами, и один из охранников исчез.

Карл Ли вновь опустился в кресло. Котяра сел на край письменного стола, как мальчишка болтая в воздухе ногами. Он улыбался и неотрывно смотрел на Карла Ли, который начинал чувствовать себя неловко из-за столь теплого приема.

– А почему бы тебе не перебраться в Мемфис? Работали бы на пару? – спросил его Котяра.

Карл Ли был готов к вопросу. Котяра задавал его уже не в первый раз.

– Нет, Котяра, спасибо. Мне и там неплохо.

– Ну, тогда я счастлив за тебя. Что у тебя за дело ко мне?

Карл Ли раскрыл рот, закрыл его в сомнениях, скрестил ноги, нахмурился, дернул головой и наконец произнес:

– Окажи мне услугу, Котяра. Маленькую услугу.

Котяра широко развел руки в стороны:

– Что угодно, дружище, все, что пожелаешь.

– Помнишь винтовки «М16» – мы были неразлучны с ними во Вьетнаме? Мне нужна одна такая. И чем быстрее, тем лучше.

Котяра медленным движением сложил руки на груди, изучающе глядя на своего друга.

– Такая большая пушка. Хочешь открыть у себя охоту на белок?

– Она нужна мне не для белок.

Котяра смотрел на братьев. Он знал, что нет смысла спрашивать, зачем им понадобилось оружие. Дело было серьезным, иначе бы Карл Ли не приехал к нему.

- Полуавтоматическая пойдет?
- Нет. Мне требуется настоящее оружие.
- Придется платить наличными.
- Сколько?
- Ты не хуже меня знаешь, что это незаконно.
- Я не стал бы обращаться к тебе, если бы смог купить ее в универмаге.
- Когда ты хочешь ее получить? – Котяра только ухмыльнулся на предыдущую фразу

Карла Ли.

- Сегодня.

Вернулся охранник, посланный за пивом. Котяра уселся за стол, в виниловое оранжевое кресло.

- Обойдется в тысячу долларов.
- Деньги у меня с собой.

Котяра был несколько удивлен, хотя и не подал виду. Откуда, интересно, у этого маленького нигера из захолустного городка где-то в Миссисипи целая тысяча зеленых? Наверное, занял у брата.

- Но тысяча – это для кого угодно, дружище, только не для тебя.
- Тогда сколько?
- Нисколько, Карл Ли. Нисколько. Вообще ничего. Я должен тебе нечто большее, чем эти бумажки.

- Мне будет только приятно, если ты позволишь нам заплатить.
- Нет. И слышать об этом не хочу. Винтовка твоя.
- Ты очень щедр, Котяра.
- Тебе бы я дал их полсотни.
- Спасибо, мне хватит и одной. Где я могу получить ее?
- Дай-ка мне сообразить.

Котяра набрал чей-то телефонный номер и пробормотал в трубку несколько неразборчивых фраз. Отдав распоряжения, он положил трубку и объяснил своим гостям, что придется подождать примерно с час.

- Мы подождем, – ответил Карл Ли.

Котяра снял со своего левого глаза повязку, осторожно вытер пустую глазницу носовым платком.

– У меня есть идея получше. – Он повернулся к охраннику, рывкнул: – Подгони мою машину. Смотаемся туда сами.

Братья прошли за Котярой через потайную дверь вдоль по коридору.

– Здесь я и живу, – на ходу бросил хозяин, тыча указательным пальцем в какую-то дверь. – Вот тут мои покои. Обычно поблизости крутятся кто-нибудь из голеньких девчонок.

- А я бы не прочь взглянуть, – отозвался Лестер.
- Неплохо, – коротко произнес Карл Ли.

В конце коридора Котяра показал им на металлическую дверь изрядной толщины, выкрашенную блестящей черной краской. Он даже остановился рядом с ней как бы в восхищении.

- Тут я храню всю свою наличность. За дверью – круглосуточная охрана.
- И сколько там у тебя? – поинтересовался Лестер, прихлебывая из банки пиво.

Котяра только покосился на него и продолжил свой путь. Карл Ли посмотрел на брата и недовольно покачал головой. В углу коридора начиналась лестница, ведущая на четвертый этаж. Котяра уже поднимался. На небольшой площадке было темнее, чем в коридоре, и в этой темноте Котяра нашел и нажал в стене какую-то кнопку. Несколько секунд мужчины просто-

яли в молчании. Затем перед ними разошлись в стороны дверцы лифта. Изнутри кабина была выложена красным ковром, на стенке табличка «Не курить». Котьяра нажал другую кнопку.

– Нужно подняться на этаж, чтобы спуститься на лифте вниз, – весело пояснил он братьям. – Из соображений безопасности.

Оба в восхищении кивнули.

Лифт остановился в подвальном этаже. Они вышли. Один из телохранителей Котьяры уже ждал их у почтительно открытой дверцы длинного белого лимузина. Его хозяин гостеприимно предложил братьям небольшую увеселительную поездку. Автомобиль медленно двинулся вдоль целого ряда «флитвудов», лимузинов других марок, нескольких роскошных европейских машин, проехал мимо «роллс-ройса».

– Все они принадлежат мне, – с гордостью сообщил им Котьяра.

Водитель нажал на кнопку, металлическая дверь поползла вверх, открывая выезд на улицу с односторонним движением.

– Помедленнее, – скомандовал Котьяра водителю и сидящему рядом с ним на переднем сиденье телохранителю. – Хочу показать парням окрестности.

Эту экскурсию Карл Ли совершил впервые несколько лет назад, когда в последний раз заезжал навестить Котьяру. По сторонам улицы стояло несколько развалюх, которые их владелец именовал недвижимостью, дальше шли старые, красного кирпича, складские помещения с заколоченными досками окнами. Храниться там могло все, что только угодно. Еще дальше располагалась церковь – аккуратное приличное здание, а в нескольких кварталах от нее – другая. Оба священника, сказал Котьяра, тоже находятся у него на содержании. Они проехали мимо десятка баров, у открытых дверей которых на скамейках и прямо на земле группками сидели молодые темнокожие парни, потягивающие пиво из стеклянных бутылок. С самодовольным видом Котьяра указал им на обгоревший остов здания и с трогательным сочувствием рассказал историю своего конкурента, вознамерившегося обосноваться в его квартале. Теперь у него, заметил Котьяра, никаких конкурентов не было. Все клубы в округе, заведения с названиями типа «Ангельское местечко», «Кошкин дом» и «Черный рай», куда мужчина может зайти, чтобы промочить горло, неплохо поесть, послушать приятную музыку, посмотреть на соблазнительных девушек, а может, и еще для чего-нибудь, – все это принадлежало теперь ему одному, Котьяре. Именно клубы выдвинули его в число наиболее преуспевающих людей в городе. Всего клубов было восемь.

Братьям показали их все. Плюс еще кое-что действительно похожее на настоящую недвижимость. Неподалеку от реки, в самом конце безымянной улочки, водитель вдруг внезапно свернул направо, между двумя складскими помещениями, и по узкому проезду подъехал к уже начинавшим раскрываться воротам. Миновав створки ворот, лимузин медленно втянулся в какое-то здание и остановился. Телохранитель вышел из машины.

– Оставайтесь на местах, – предупредил братьев Котьяра.

Они услышали, как багажник сначала открыли, а потом захлопнули. Не прошло и минуты, как автомобиль вновь вырвался на улицу.

– Как насчет обеда? – поинтересовался Котьяра и, не дожидаясь ответа, крикнул водителю: – В «Черный рай». Свяжись с ними и скажи, что я у них обедаю. – Он повернулся к Карлу Ли: – Там они готовят лучшие в Мемфисе свиные ребрышки. Конечно, в воскресной газете об этом не напишут. Эти репортеришки не спешат сделать мне рекламу, можешь себе представить?

– Смахивает на дискриминацию, – заметил Лестер.

– Да. Уверен в этом. Но пока меня не тревожат, я тоже об этом помалкиваю.

– А давненько мы о тебе ничего не читали, Котьяра, – произнес Карл Ли.

– Последний раз меня приглашали в суд три года назад. Неправильная уплата налогов. Три недели они собирали доказательства, а присяжные, посоветовавшись двадцать семь минут, вернулись в зал только с двумя словами, зато самыми звучными в английском: «Не виновен».

– Мне тоже довелось такое услышать, – отозвался Лестер.

Швейцар уже ждал их под полотняным тентом над входом в клуб, а целый взвод охранников, облаченных в костюмы-тройки и одетых вразнобой, сопровождал босса и его гостей в отдельный кабинет, подальше от танцевальной площадки. Официанты с ног сбивались, подавая на стол еду и напитки. Лестер сразу же налег на виски и, к тому времени как принесли ребрышки, был уже пьян. Карл Ли прихлебывал из высокого стакана чай со льдом и вместе с Котярой предавался воспоминаниям о вьетнамской кампании.

Когда с едой было покончено, приблизившийся к столу охранник прошептал что-то на ухо Котяре. Тот с улыбкой посмотрел на Карла Ли:

– Красный «эльдorado» с иллинойсскими номерами – ваша машина?

– Да. Но мы оставили его совсем в другом месте.

– Он стоит здесь, у дверей... а в багажнике...

– Что? – спросил Лестер. – А как...

Котяра расхохотался и хлопнул его по спине:

– И не спрашивай, сынок. Даже не спрашивай. Мои люди уже обо всем позаботились. Котяра может все.

Как заведено, свое субботнее утро Джейк после завтрака в кафе проводил на рабочем месте. В эти часы он наслаждался покоем: ни телефонных звонков, ни Этель. Он закрывался на ключ и, не обращая внимания на телефон, на возможных клиентов, работал. Разбирал бумаги, читал последние постановления Верховного суда, размышлял над стратегией и тактикой своих действий, как если бы действительно собирался выступить завтра в суде. Именно по субботам, в первую половину дня, его посещали наиболее удачные мысли.

В одиннадцать Джейк позвонил в тюрьму.

– Шериф у себя? – задал он вопрос дежурному.

– Сейчас узнаю.

Прошло несколько секунд.

– Шериф Уоллис на проводе, – услышал в трубке Джейк.

– Оззи, это Джейк Брайгенс. Как дела?

– Отлично, Джейк. Как сам?

– Лучше некуда. Ты будешь еще некоторое время у себя?

– Да, пару часов. А в чем дело?

– Так, мелочи, хотел подъехать, перекинуться двумя словами. Буду минут через тридцать.

– Жду.

Джейк и шериф испытывали друг к другу взаимное уважение. Несколько раз Джейку пришлось довольно крепко прижать Оззи во время перекрестных допросов, но шериф видел в этом лишь издержки профессии и ничуть не обижался. На выборах Джейк голосовал за него, а Люсьен финансировал всю кампанию, так что Оззи весьма добродушно относился к их каверзным и подчас ехидным вопросам в ходе какого-нибудь разбирательства. Ему было интересно наблюдать за поведением Джейка в суде. А еще он любил подшучивать над ним по поводу регби. В 1969 году, когда Джейк, второкурсник, играл полузащитником в Кэрауэе, Оззи был уже признанной звездой в Клэнтоне. Но в мастерстве своем Джейк ему почти не уступал. И вот оба соперника, никем не превзойденные, столкнулись лицом к лицу на финальной игре в Клэнтоне. Оззи всласть поиздевался над защитой команды Кэрауэя и во время очередной схватки за мяч неосторожным движением сломал Джейку ногу.

И вот уже на протяжении многих лет, прошедших с того дня, он грозил сломать ему и вторую. Он не упускал случая посетовать на несуществующую хромоту Джейка, поинтересоваться, не ноет ли сломанная нога.

– Ну, что у тебя стряслось, старина? – задал он вопрос Джейку, как только они уселись вдвоем в маленьком кабинете шерифа.

– У меня не выходит из головы Карл Ли. Я тревожусь за него.

– А в чем дело?

– Оззи, давай договоримся. Все, что я сейчас тебе скажу, конфиденциальная информация. Я не хочу, чтобы о содержании нашего разговора знал кто-то третий.

– Это как-то уж больно серьезно, Джейк.

– Да, это серьезно, Оззи. Я разговаривал с Карлом Ли в среду, после предварительного слушания. Он был несколько не в себе, и мне это хорошо понятно. Я и сам испытывал бы то же самое. Он говорил о том, что собирается убить тех парней, звучало это как дело для него решенное. Мне показалось, тебе не помешает знать об этом.

– Парни в безопасности, Джейк. При всем желании Карл Ли не сможет до них добраться. Нам уже звонили, конечно, не называя имен, угрожали. Все темнокожее население здорово огорчено событиями. Но парни, повторяю, в безопасности. В камере, кроме них, никого, да и мы начеку.

– Это хорошо. Карл Ли не нанял пока меня своим адвокатом, но время от времени мне приходилось иметь дело с семейством Хейли, и я уверен, что сейчас он видит во мне своего семейного юриста, как бы дела ни разворачивались. Ты должен знать об этом.

– У меня нет причин для беспокойства, Джейк.

– Ладно. Позволь, я спрошу тебя кое о чем. У меня растет дочь, у тебя тоже, верно?

– У меня две.

– О чем же может сейчас размышлять Карл Ли? Будучи негром и отцом, я имею в виду?

– О том же, о чем думал бы и ты, окажись на его месте.

– И что же это такое?

Оззи откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки, задумался.

– Прежде всего он волнуется о том, как девочка себя сейчас чувствует. Выживет ли она, и если да, то не останется ли калекой. Сможет ли иметь своих детишек, когда вырастет. Это физическая сторона вопроса. Его беспокоит также и то, что творится с ее мыслями и чувствами, не отразится ли происшедшее на ее дальнейшей жизни. И наконец, ему хочется убить подонков.

– И тебе хотелось бы того же?

– Очень легко сказать «да», но, мне кажется, человек не всегда знает, что он будет делать в том или другом случае. Думаю, что своим малышам я гораздо нужнее дома, а не в Парчмэне. А как по-твоему, Джейк?

– Да, в общем-то, я согласен с тобой. Не знаю, что бы сделал. Возможно, просто рехнулся бы. – Он помолчал, уставившись на крышку стола. – Но я вполне серьезно мог бы обдумывать план убийства тех, кто это сделал. Мне было бы очень тяжело засыпать по ночам, зная, что люди эти все еще ходят по земле.

– А как поступят присяжные?

– Будет зависеть от того, кто войдет в состав жюри. Стоит правильно подобрать людей, и человек выходит из здания суда оправданным. Если же подбор будет осуществлять окружной прокурор, то газовая камера обвиняемому гарантирована. Все зависит от жюри, а у нас в округе подыскать нужных людей не составит большого труда. Жители уже устали от насилий, грабежа и убийств. За белое население, во всяком случае, я говорю с полной уверенностью.

– Да, все устали.

– Ясно, что люди будут симпатизировать отцу, взявшемуся наказать бандитов. Они не верят нашей правоохранительной системе. На худой конец, думаю, мне удалось бы повлиять на присяжных. Убедить одного-двух, что эти животные заслужили смерть.

– Как Монро Боуи.

– Именно. Как Монро Боуи. Это была настоящая мразь, которую кто-то должен был убрать. И тут подвернулся Лестер Хейли. Да, кстати, Оззи, зачем, как ты думаешь, Лестер прикатил из Чикаго?

– Он очень дружен с братом. За ним мы тоже посматриваем.

Постепенно беседа перешла на другие темы. Оззи не преминул осведомиться о сломанной ноге. В конце концов мужчины обменялись рукопожатием, и Джейк вышел. Сев в машину, он отправился прямо домой, где его уже ждала Карла со списком поручений. Она не имела ничего против того, что по субботам муж все утро просиживает на работе, если к обеду он возвращается домой и выполняет ее указания.

В воскресенье после обеда во дворе больницы собралась толпа жителей Клэнтон. Люди заглядывали в окна первого этажа, желая увидеть, как отец толкает перед собой по коридору кресло на колесиках, в котором сидит маленькая Тони. Вот Карл Ли бережно подкатывает кресло к машине, нежно поднимает ребенка и усаживает девочку на переднее сиденье рядом с матерью. Ее братья сидят сзади. Карл Ли медленно трогает машину с места, и в сопровождении родственников, друзей и просто прохожих автомобиль выезжает на улицу. Караван медленно набирает скорость, устремляясь к городской окраине.

Она сидит на переднем сиденье, как взрослая. Отец слева сосредоточенно правит, мать украдкой смахивает слезы, братья сидят за ее спиной, молчаливые и строгие.

Не меньшая толпа ждала их прибытия и возле дома. По ней пронесся шумок, когда отец, подхватив девочку на руки, внес в двери родного дома и уложил на кушетке в гостиной. Тони была рада, что вернулась наконец к себе из надоевшей больницы, ее только немного угнетало присутствие посторонних. Мать положила свою легкую руку на ее ножки, а мимо бесконечным потоком шли двоюродные братья и сестры, дяди, тетки, соседи. Каждому хотелось увидеть ее, прикоснуться к ней и улыбнуться. У некоторых на глазах блестели слезы. Никто не произносил ни слова. Тони видела, как ее папочка вышел во двор и заговорил с дядей Лестером и еще какими-то мужчинами. Братья девочки тем временем отправились на кухню, чтобы вместе с остальными полакомиться приготовленной для гостей горой вкуснейшей еды.

Глава 7

Рокки Чайлдерс уже и сам успел забыть, сколько лет он состоит в должности прокурора округа. Должность эта приносила пятнадцать тысяч долларов в год и почти не оставляла ему свободного времени. К тому же она лишала Рокки всякой надежды завести собственную практику. К сорока двум годам он как юрист уже потерял квалификацию, превратившись в просяживающего долгие часы в присутственном месте чиновника, исправно переизбираемого на свою должность каждые четыре года. Слава богу, Рокки был женат на белой женщине, у которой имелась возможность неплохо зарабатывать, – так что супруги могли позволить себе время от времени менять свой «бьюик» на последнюю модель, платить клубные взносы и в целом выглядеть так, как положено выглядеть образованному белому человеку в их округе. В молодости у Рокки были даже какие-то политические амбиции, однако избирателям удалось убедить его в пагубности подобного шага; теперь он со всплесками бурного, если не мятежного негодования в душе был обречен до конца своей карьеры разбираться с алкоголиками, магазинными воришками, хулиганящими подростками, изо дня в день выслушивать издевательские реплики судьи Булларда, которого он терпеть не мог. Разнообразие в жизнь привносили только случаи, подобные тому, что подбросили эти подонки Кобб и Уиллард, – обязанность проводить предварительное слушание и некоторые другие процедуры лежала именно на нем, только через него дела направлялись в суд на рассмотрение присяжными, а затем и выше: в суд штата, к прокурору судебного округа мистеру Руфусу Бакли, родом из Полка. Бакли был тем самым человеком, который поставил точку на политической карьере Рокки Чайлдерса.

Вообще-то слушание по вопросу об освобождении под залог не было чем-то особенным, однако на этот раз Чайлдерс чувствовал, что в воздухе что-то носится. Со среды ему успели позвонить уже несколько десятков черномазых, каждый был его избирателем или хотя бы претендовал на это. Вторя друг другу, все они говорили о том, какую тревогу вселяет в них сама мысль о том, что Кобба и Уилларда могут выпустить под залог на свободу. Уж лучше держать их взаперти, так же как держат черных ребят, натворивших что-то и не имеющих денег, чтобы внести залог до суда. Рокки обещал в трубку сделать все возможное, объясняя при этом, что сумму залога устанавливает окружной судья Перси Буллард, чей телефонный номер тоже не так уж трудно отыскать в справочнике. Это на Беннингтон-стрит. Каждый из звонивших почел своим долгом обещать, что лично прибудет в понедельник в суд, чтобы проследить за развитием событий.

В понедельник, в двенадцать тридцать, Чайлдерса пригласили явиться к окружному судье. Там уже находился шериф Оззи Уоллс, а сам Буллард был так взвинчен, что не мог усидеть на месте и мерил кабинет шагами.

– Какой залог тебя устроит? – выпалил он прямо в лицо едва показавшемуся на пороге Чайлдерсу.

– Н-не знаю, судья. Я как-то об этом не думал.

– А тебе не кажется, что уже пора бы подумать и об этом? – Буллард быстрым шагом расхаживал от своего стола к окну и обратно.

Оззи молчал. На лице его читалось явное удовольствие.

– Честно говоря, нет, – спокойно ответил судье Чайлдерс. – Это тебе решать. Ты же судья.

– Благодарю! Благодарю! Так сколько же ты попросишь?

– Я всегда прошу больше, чем рассчитываю получить, – холодным и ровным голосом отозвался Чайлдерс, наслаждаясь невротическим припадком судьи.

– Так сколько же?

– Не знаю. Я как-то об этом не думал.

Шея Булларда побагровела, он повернулся к Оззи:

– Что скажешь, шериф?

– Ну, – протянул Оззи, – я бы предложил сделать залог повыше. Парням не стоит выходить из тюрьмы ради их собственной безопасности. Что-то мои соплеменники забеспокоились. Они возьмут да и обидятся вдруг, если эти двое выйдут под залог на свободу. Лучше уж поднять ставку.

– Чем, интересно, они располагают?

– Уиллард на нуле. О Коббе сказать трудно – непросто уследить за доходами от торговли наркотиками. Тысяч двадцать – тридцать он найдет. Я слышал, он нанял в Мемфисе какого-то преуспевающего адвоката, он должен вот-вот подъехать. У Кобба могут водиться деньжата.

– Черт побери, почему же мне ничего об этом не известно? Кого он там нанял?

– Бернарда. Питера К. Бернарда, – раздался голос Чайлдерса. – Он звонил мне сегодня утром.

– Никогда о таком не слышал, – пренебрежительно фыркнул Буллард с таким видом, будто в его распоряжении находилось подробнейшее досье на всех юристов страны.

Он перевел взгляд на верхушки видневшихся за окном деревьев. Шериф и прокурор обменялись понимающими взглядами. Можно не сомневаться, что залог будет непомерным. Именно за это судебные чиновники любили Булларда. Они всегда с наслаждением взирали на то, как отчаявшиеся родственники закладывают последнее имущество, чтобы выплатить им, чиновникам, десять процентов суммы залога за оформление необходимых бумаг. Нет, Буллард будет на высоте, как всегда. Плевать он на все хотел. А потом, это было к тому же и политически дальновидно – оставить преступников до суда под охраной в тюрьме. Черномазым это понравится, а с этим нельзя не считаться даже в том случае, если бы население округа было на две трети белым. Нужно же время от времени делать реверанс и в другую сторону.

– Скажем, сто тысяч – за Уилларда и двести – за Кобба. Это должно будет их удовлетворить.

– Кого «их»? – спросил Оззи.

– Э-э, м-м-м... ну, людей, местное население. – Буллард замялся. – Как, по-твоему?

– Меня это устраивает полностью, – отозвался Чайлдерс, – но как быть со слушанием? –

Он усмехнулся.

– Устроим им слушание, отличное слушание, на котором я определю сумму залога в сто и двести тысяч.

– То есть, как я понимаю, ты хочешь, чтобы я произнес сумму в триста тысяч так, чтобы позволить тебе блеснуть справедливостью и честностью?

– Мне плевать на то, что ты там понимаешь! – раздраженно выкрикнул в ответ судья.

– Мне представляется это разумным, – заметил Оззи, направляясь к двери. – Я понадоблюсь тебе в качестве свидетеля? – Он на ходу бросил взгляд на Чайлдерса.

– Нет, в этом нет никакой нужды. На сей раз предстоит такое ясное дело, что со стороны обвинения вообще никаких запросов не будет.

Вслед за шерифом из кабинета судьи вышел и Чайлдерс. Наконец-то! Булларда уже трясло от нетерпения. Он закрыл за ними дверь на замок, достал из кейса плоскую бутылочку, где было полпинты водки, и торопливыми, жадными глотками выпил ее всю. Снаружи, у дверей кабинета, его терпеливо ждал мистер Пейт, вслушиваясь в едва различимые звуки. Минут через пять Буллард потянул ручку двери и появился на пороге переполненного людьми зала суда.

– Суд идет! Прошу всех встать! – прокричал Пейт.

– Садитесь, – проскрипел Буллард, прежде чем хоть кто-то успел подняться. – Где обвиняемые? Где они?

В зал ввели Кобба и Уилларда, усадили на скамью обвиняемых. Новый адвокат Кобба улыбнулся клиенту, увидев, как с его подопечного снимают наручники. Адвокат Уилларда, Тиндэйл, даже головы не повернул в сторону скамьи, где сидели обвиняемые.

В зале сидели те же лица, что и в среду, только, пожалуй, черных стало чуть больше – видимо, привели еще друзей. Их глаза неотрывно следили за каждым движением двух белых парней, сидящих у всех на виду. Лестер видел их впервые. Карла Ли в зале суда не было.

Со своего места Буллард пересчитал заместителей шерифа – присутствовали все двенадцать, это был рекорд. Затем он попытался прикинуть, сколько в зале почтенной темнокожей публики. Он видел перед собой сплоченную массу из сотен лиц. Взгляды всех присутствующих устремлены на двух насильников, на их адвокатов. После выпитой водки Буллард почувствовал некоторое облегчение. Он протянул руку к пластиковому стакану, наполненному на первый взгляд прозрачной холодной водой, и сделал глоток. На губах проступила слабая улыбка. Щеки порозовели. А здорово было бы посмотреть, прикажи он сейчас людям шерифа убираться вон из зала и отдай этих двух мерзавцев черным! И зрелище было бы занимательным, и справедливость бы не пострадала. Буллард почти наяву видел, как подпрыгивают в неистовстве дородные негритянки в то самое время, как их мужья полосуют своими ножами эту мразь. А потом, когда все будет закончено, они придут в себя и спокойно, ровными рядами друг за другом выйдут из дверей зала. Буллард мысленно улыбнулся.

Он сделал знак Пейту, который тут же приблизился.

– В моем кабинете, в ящике стола, найдешь бутылку. В ней полпинты ледяной воды, – прошептал судья на ухо своему помощнику. – Налей мне примерно полстакана.

Пейт кивнул и исчез.

– Это слушание по вопросу об освобождении до суда под залог, – громогласно объявил судья. – Я надеюсь, оно не займет у нас слишком много времени. Защита готова?

– Да, сэр, – отозвался Тиндэйл.

– Да, ваша честь, – ответил мистер Бернард.

– Обвинение?

– Да, сэр. – Чайлдерс не удосужился даже оторвать свой зад от кресла.

– Отлично. Можете вызвать вашего первого свидетеля.

Чайлдерс повернулся к судье:

– Ваша честь, обвинение не собирается вызывать свидетелей – никаких. Вашей чести хорошо известна суть предъявленного этим двум мужчинам обвинения, поскольку вы, ваша честь, лично проводили предварительное слушание в среду. По моим сведениям, жертва преступления сейчас находится дома, поэтому новых обвинений предъявлено не будет. В следующий понедельник жюри присяжных предстоит вынести свое решение по делу Кобба и Уилларда, обвиняемых в изнасиловании, киднепинге и нанесении тяжких телесных повреждений. Принимая во внимание крайнюю жестокость перечисленных преступлений, возраст потерпевшей, а также и то, что мистер Кобб уже был однажды осужден, обвинение вынуждено настаивать на максимально высоком залоге.

Буллард едва не поперхнулся своей ледяной водой. Что он несет? Что это за максимально высокий залог? Такого и понятия даже нет.

– И что же вы предложите, мистер Чайлдерс?

– Полмиллиона за обоих! – гордо заявил на весь зал прокурор и уселся.

Полмиллиона! Ну, это не пройдет, подумал Буллард. Он осушил стакан и бросил взгляд на Рокки Чайлдерса. Полмиллиона! Так дурачить открытое слушание! Он послал Пейта за новой порцией «ледяной воды».

– Слово предоставляется защите.

Новый адвокат Кобба поднялся с совершенно осознанным намерением. Прочистив горло, он снял с переносицы свои академические, в узкой металлической оправе, пижонские очки.

– С позволения суда, ваша честь, мое имя Питер К. Бернард. Я приехал из Мемфиса, поскольку мистер Кобб нанял меня, чтобы я представлял здесь его интересы...

– И у вас есть лицензия на право практиковать в Миссисипи? – перебил его Буллард.

Бернард такого не ожидал.

– М-м-м... Не совсем, ваша честь.

– Понятно. А когда вы говорите «не совсем», то, видимо, считаете, что отрицание «не» может ввести суд в заблуждение?

В ложе присяжных раздалась отдельные смешки. Буллард славился такими вот каверзами. Он терпеть не мог юристов из Мемфиса и требовал, чтобы они получали «добро» в местной ассоциации адвокатов, прежде чем являться к нему в суд. Много лет назад, когда у него еще была своя практика, какой-то мемфисский судья выставил его из зала за то, что у Булларда не было лицензии штата Теннесси. Став, в свою очередь, судьей, он никогда не упускал возможности отомстить за пережитое когда-то унижение.

– Ваша честь, у меня нет лицензии штата Миссисипи, но я могу представить вам таковую от штата Теннесси.

– Хотелось бы на это надеяться, – последовал ответ, вызвавший за столом жюри присяжных новую вспышку приглушенного смеха. – Вы знакомы с нашими местными правилами ведения судопроизводства?

– Э-э-э... да, сэр.

– Располагаете ли вы их экземпляром?

– Да, сэр.

– И вы внимательно прочли их перед тем, как войти сюда ко мне?

– М-м-м... да, сэр, большую их часть.

– Вам был полностью понятен смысл пункта четырнадцать, когда вы его читали?

– Я... не совсем твердо помню его, сэр.

– Сомневаюсь. В соответствии с требованием, изложенным в этом пункте, адвокат из другого штата, намеревающийся принять участие в заседании моего суда, должен согласовать этот вопрос с местной ассоциацией юристов.

– Да, сэр.

Внешний вид и манеры Бернарда говорили о том, что он принадлежал к числу самых модных адвокатов, во всяком случае, он слыл таковым в Мемфисе. И надо же было такому случиться, что в настоящий момент именно его судьба поставила в положение неопытного новичка, вынужденного обороняться от наскоков какого-то деревенского судьи, единственным достоинством которого является острый язык.

– Что «да, сэр»? – рявкнул на него Буллард.

– Да, сэр, мне кажется, я что-то такое слышал.

– Так где же бумага от местной ассоциации?

– У меня ее нет, но я собирался...

– Значит, вы приехали сюда из Мемфиса, внимательнейшим образом изучили мои правила и со спокойной душой решили проигнорировать их. Так?

Опустив голову, Бернард рассматривал разлинованные желтые листы блокнота, лежавшего на столе.

Медленно поднялся Тиндэйл:

– Ваша честь, прошу занести в протокол. Являясь членом ассоциации юристов округа Форд, я готов подтвердить, что мистер Бернард прибыл сюда только с целью участия в слушании, и ни с какой другой.

Буллард улыбнулся: «Ловко ты это, Тиндэйл, ловко».

– Хорошо. Вызывайте вашего первого свидетеля.

Бернард вновь распрямил плечи, по-петушину дернул головой.

– Ваша честь, от имени мистера Кобба я просил бы вызвать в качестве свидетеля его брата, мистера Фреда Кобба.

– Только покорооче, – буркнул Буллард.

Брата Кобба привели к присяге и усадили в свидетельское кресло. Бернард вышел вперед и приступил к детальному и продолжительному опросу. Подготовлен он был хорошо. Ему удалось выяснить, что Билли Рэй Кобб является наемным служащим с неплохой зарплатой, владельцем недвижимости в округе Форд, где он вырос, где живет большая часть членов его семьи, его друзья. У Кобба нет и не было никаких причин стремиться сменить место жительства. Надежный, вполне солидный гражданин с прочными, глубокими корнями в местной жизни, которому есть что терять в случае неожиданных поворотов судьбы, в случае, если он вдруг вздумает скрыться из города. Такому суд может верить. Такому нет смысла назначать столь высокий залог.

Буллард сделал очередной глоток, покрутил в пальцах ручку, окинул взглядом черные лица в зале.

У Чайлдерса никаких вопросов не было. Бернард вызвал мать Кобба, Кору, едва ли не слово в слово повторившую все то, что ее сын Фред сказал о ее сыне Билле Рэе. В нужный момент она выдавила из себя пару слезинок, и Буллард покачал головой.

Следующим был Тиндэйл. Процедура повторилась сначала, только теперь уже с участием родственников Уилларда.

Залог в пятьсот тысяч долларов!

Любая меньшая сумма показалась бы незначительной, черным это могло и не понравиться. Теперь у судьи появился еще один повод ненавидеть Чайлдерса. А вот черных он любил: именно они обеспечили ему победу на последних выборах. Он получил пятьдесят один процент голосов избирателей округа, в этом числе было все негритянское население.

– Еще что-нибудь? – задал он вопрос, когда Тиндэйл закончил.

Трое юристов переглянулись между собой, затем повернули головы к судье. Бернард встал:

– Ваша честь, позвольте мне уточнить позицию моего клиента с тем, чтобы залог...

– Выбрось все это из головы, парень. Я уже наслушался и тебя, и твоего клиента. Сядь. – Чуть поколебавшись, Буллард громкой скороговоркой объявил залу свое решение: – таким образом, сумма залога установлена для Пита Уилларда в сто тысяч долларов и для Билли Рэя Кобба в двести тысяч долларов. До того дня, пока обвиняемые не будут в состоянии выплатить назначенный залог, они останутся под стражей в городской тюрьме. Слушание закончено.

Подтвердив заявление ударом молотка по столу, Буллард поднялся и быстрым шагом скрылся в своем кабинете, где, закрыв за собой дверь, вылил в рот остатки жидкости из одной бутылочки и тут же откупорил другую.

Сумма залога Лестеру понравилась. За убийство Монро Боуи ему самому было назначено пятьдесят тысяч. Боуи был чернокожим, а в таких случаях, естественно, залог обычно снижался.

Толпа медленно выливалась из зала через заднюю дверь, но Лестер продолжал сидеть неподвижно. Он внимательно следил за тем, как обоих обвиняемых в наручниках выводят в соседнюю с залом комнату. После того как они скрылись из виду, Лестер спрятал лицо в ладонях и произнес короткую молитву. Затем он прислушался.

В течение дня Джейк привык раз десять выходить на балкон, чтобы бросить взгляд на центр Клэнтонна. Иногда он пыхтел недорогой сигарой, следя за тем, как ветер уносит дым вдоль

Вашингтон-стрит. Даже летом он оставлял окна большого кабинета распахнутыми настежь: проникавшие через них звуки деловой жизни небольшого городка только помогали ему сосредоточиться на работе. Время от времени он поражался шуму, доносившемуся с улиц, окружавших здание суда. В другие же мгновения ему приходилось даже лишний раз выходить на балкон, чтобы выяснить, отчего это вдруг стало так тихо.

В понедельник, 20 мая, всего за несколько минут до двух часов дня, Джейк вышел на балкон и раскурил сигару. Гнетущая тишина висела над центром города Клэнтон, штат Миссисипи.

С руками, стянутыми за спиной наручниками, первым по ступеням лестницы осторожно спускался Кобб, за ним следовал Уиллард, за Уиллардом – заместитель шерифа Луни. Десять ступенек вниз, площадка, поворот направо, еще десять ступенек до первого этажа. Трое других ближайших помощников Оззи Уоллса ожидали их на улице, у патрульного автомобиля, покуривая сигареты и стараясь попасться на глаза кому-нибудь из репортеров.

Когда Кобб ставил ногу на вторую от пола ступеньку, Уиллард, находившийся тремя ступеньками выше, только сгубил колено, а Луни стоял на предпоследней ступеньке лестницы, маленькая грязная и совершенно неприметная дверь каморки уборщицы распахнулась настежь и оттуда, из темноты, выпрыгнул мистер Карл Ли Хейли с винтовкой «М16» в руках. Стрелял он в упор. Тишину разорвали громкие, следовавшие один за другим, резкие и какие-то чавкающие звуки выстрелов. Здание суда содрогнулось. На мгновение двое преступников превратились в неподвижные статуи, но тут же нечеловеческие крики сотрясли воздух. Пули поразили сначала Кобба – в грудь и живот. Уилларду они попали в лицо, шею, пронзили горло. Со скованными за спиной руками насильники рухнули на ступени, не имея ни малейшей возможности оказать друг другу помощь; кровь из их ран смешивалась на пыльной лестнице.

Луни ранило в ногу, но он умудрился вскарабкаться по лестнице и добраться до комнаты, из которой они только что вышли. Теперь он лежал там, скрючившись на полу, и слушал вопли и стоны Кобба и Уилларда и дикий хохот Хейли. В узком пространстве лестничной клетки пули рикошетили, и, даже лежа на полу, Луни краем глаза видел, как на стены летят во все стороны брызги крови и ошметки человеческой плоти.

Несколько очередей, по семь или восемь выстрелов в каждой, да еще сопровождаемые присущим «М16» оглушительным, выворачивающим наизнанку звуком, долгим эхом отдавались в старинном здании суда. Сквозь этот чудовищный грохот, сквозь сухой стук пуль о стены отчетливо слышался высокий, пронзительный хохот Карла Ли Хейли.

Оборвав смех, он швырнул ставшую ненужной винтовку на неподвижные тела и побежал. В туалете он просунул тонкую металлическую ножку стула в дверную ручку, выбрался через раскрытое окно в кусты, а из них – на тротуар. С непринужденным видом Карл Ли подошел к своему пикапу, сел в него и покатиł домой.

Услышав звуки стрельбы, Лестер окаменел. Акустика зала делала их еще более громкими. Мать Уилларда закричала, за ней закричала и мать Кобба. Заместители шерифа ринулись в здание, но на верхних ступенях лестницы остановились. Лестер продолжал вслушиваться, ожидая новых выстрелов, но их не было. Тогда он поднялся и вышел из зала.

При звуке первого же выстрела Буллард вцепился обеими руками в бутылку с полупинтой водки и полез под свой рабочий стол. Пейт бросился закрывать на замок дверь.

Кобб, вернее, то, что от него осталось, лежал поверх тела Уилларда. Кровь все еще продолжала течь и смешиваться в маленьких лужицах; со ступеньки на ступеньку побежал тоненький, темного цвета, ручеек, и вскоре у подножия лестницы натекло небольшое, тускло поблескивавшее озеро.

Джейк со всех ног несся через улицу к задним дверям здания суда. В проеме двери стоял Празер с пистолетом в руке и на чем свет стоит проклинал репортеров, медленно, но неотступно приближавшихся ко входу. Другие подчиненные шерифа, сжимая в руках оружие, бесстрашно жались к колесам патрульных машин. Джейк побежал в обход – к главному входу в здание, где у дверей была еще одна группа полицейских, помогавших эвакуировать служащих и пришедшую на слушание публику. На крыльце перед зданием толпились люди. С большим трудом Джейк протолкался в вестибюль и увидел Оззи, тот отдавал команды, выкрикивал какие-то приказы. Заметив Джейка, он сделал ему знак рукой, и они направились по коридору к задним дверям, возле которых стояли несколько полицейских, вооруженных короткими автоматами, и смотрели в молчании на ступени лестницы. Джейк почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Стараясь спрятаться от пуль, Уиллард, видимо, хотел броситься вверх по лестнице, ему почти удалось добраться до площадки. Почти весь лоб и верхняя половина черепа у него отсутствовали, и вытекшие мозги размазались по лицу наподобие желе. Кобб непонятным образом умудрился перевернуться с боку на бок, так что все оставшиеся пули вошли ему не в живот или грудь, а в спину. Лицом он уткнулся в живот Уилларду, а вытянутые ноги достигали четвертой от пола ступеньки. Кровь все текла и текла, ею были полностью покрыты шесть нижних ступенек. Лужа на полу медленно увеличивалась, подступая все ближе и ближе к стоявшим вокруг людям. Люди пятились. Орудие убийства лежало меж ног Кобба на пятой ступеньке, от дула до приклада залитое кровью.

Все молчали, оцепенев при виде двух распростертых тел, которые и после смерти продолжали истекать кровью. В воздухе стоял густой и острый запах сгоревшего пороха; сквозняком его несло в вестибюль, где полицейские все еще подталкивали последних посетителей к выходу.

– Джейк, тебе бы лучше уйти. – Оззи неотрывно смотрел на два мертвых тела.

– Почему?

– Просто уходи, и все.

– Но почему?

– Потому что сейчас нам нужно будет делать снимки, собирать и опрашивать свидетелей и все такое, тебе это ни к чему.

– Пожалуй. Но вы не будете допрашивать его в мое отсутствие. Договорились?

Оззи кивнул.

Фотоснимки были сделаны, кровь убрана, свидетельские показания собраны, трупы унесены. Через пару часов Оззи уже выехал из города в сопровождении пяти патрульных автомобилей. За рулем сидел Хастингс, он-то и вел за собой остальных – к озеру, мимо магазинчика Бэйтса, на Крафтрод. У дома Хейли на подъездной дорожке стояла машина Гвен, пикап Карла Ли и красный «кадиллак» с иллинойсским номером.

Оззи не предполагал никаких осложнений, поэтому, выйдя из машины, приказал своим подчиненным просто сидеть и смотреть, чем они в данную минуту и были заняты. Перед входной дверью Оззи остановился.

Очень медленно дверь раскрылась, и на крыльце появилось все семейство. Стоя на верхней ступеньке, Карл Ли обеими руками прижимал к своей груди Тони и спокойно смотрел сверху вниз на своего друга-шерифа, на машины за его спиной, на сидящих в них людей.

Справа от него стояла Гвен, а по левую сторону выстроились сыновья: младший тихонько шмыгал носом, а старшие смотрели гордо и независимо. За спиной Карла Ли шериф видел его брата Лестера.

Так шериф и семья Хейли стояли и молча смотрели друг на друга, предоставляя друг другу право заговорить первым, одинаково страшась и желая избежать того, что должно будет сейчас произойти. Единственными звуками, которые можно было разобрать в этой тишине, были редкие всхлипы девочки, ее матери и самого маленького из сыновей.

Дети изо всех сил старались понять. Папочка только что объяснил им, что он сделал и почему. Это им было ясно. Но они никак не могли взять в толк, за что его должны арестовать и посадить в тюрьму.

Оззи отшвырнул носком ботинка кусочек засохшей грязи с бетонной дорожки и, не отводя добрых глаз от выстроившегося перед ним семейства, просто произнес:

– Пойдем-ка со мной.

Карл Ли слегка наклонил голову, но не двинулся с места. Гвен и сынишка заплакали громче, Лестер, забрал осторожно у него из рук Тони. Тогда Карл Ли опустился перед мальчиками на колени и еще раз шепотом напомнил им, что, хотя он и должен сейчас уйти, вернется он очень скоро. Он обнял их всех разом, и старшие тоже не выдержали и заплакали, цепляясь за отца. Карл Ли поднялся, поцеловал жену и начал спускаться по ступеням к стоявшему внизу шерифу.

– Наденешь мне наручники, Оззи?

– Нет, Карл Ли. Просто садись в машину.

Глава 8

Мосс Джуниор Тэтум, первый заместитель шерифа, и Джейк Брайгенс сидели в кабинете Оззи и спокойно беседовали, в то время как за стеной, в просторной, но загроможденной канцелярской мебелью комнате собрались полицейские чины, служащие тюрьмы и обычная для таких заведений публика: чьи-то опекуны, доверенные лица – они с нетерпением ожидали прибытия в казенный дом нового постояльца. Двое заместителей Оззи сквозь щелочки жалюзи поглядывали на журналистов и фоторепортеров, толпившихся на стоянке, расположенной между стенами тюрьмы и полотном автострады. Тут и там между машинами громоздились фургоны передвижных телестанций, прибывшие из Мемфиса, Джексона и Тьюпело. Моссу это пришлось не по вкусу, он вышел из здания, неторопливым шагом прошелся по дорожке до стоянки и приказал прессе перейти в отведенное для нее место. И чтобы никаких фургонов, добавил он.

- А вы ничего не хотите нам заявить? – выкрикнул кто-то из репортеров.
- Хочу. Уберите фургоны.
- Можете сказать что-нибудь об убийствах?
- Да. Застрелены два человека.
- А какие-нибудь подробности?
- Никаких. Меня при этом не было.

- Есть подозреваемый?
- Да.
- Кто он?
- Скажу, когда уберете фургоны.

Громоздкие будки на колесах были тут же аккуратно поставлены в самый дальний угол стоянки. Ошестившаяся микрофонами, фото- и видекамерами толпа придвинулась к дорожке. По ней расхаживал Мосс, с удовлетворенным видом наблюдающий за тем, как выполняются его указания. Наконец он направился к поджидавшим его представителям прессы. Остановившись перед ними, он принялся жевать зубочистку. Руки легли по обеим сторонам огромного живота, большие пальцы засунуты за широкий кожаный ремень.

- Кто это сделал?
- Его уже арестовали?
- Имеет ли к этому отношение семья пострадавшей девочки?
- Оба насмерть?

Мосс широко улыбнулся и покачал головой:

– Не спешите. По одному. Да, у нас есть подозреваемый. Он арестован, его доставят сюда с минуты на минуту. Поэтому я и приказал убрать с дороги фургоны. Это все, что я могу вам сообщить.

Развернувшись, он пошел к дверям тюрьмы, не обращая ни малейшего внимания на летевшие ему в спину вопросы. С порога заполненной людьми канцелярии громко спросил:

- Как Луни?
- Празер поехал к нему в больницу. В общем, с ним все в порядке: слегка зацепило ногу.
- Ну да. Этакая мелочь плюс еще небольшой инфаркт, – с улыбкой добавил Мосс.

Собравшиеся в комнате рассмеялись.

– Едут! – раздался чей-то возглас, и люди прильнули к окнам, глядя на въезжающие на стоянку полицейские автомобили с включенными синими мигалками.

За рулем первой машины сидел Оззи, рядом с ним Карл Ли – без наручников, а Хастингс, откинувшись на спинку заднего сиденья, слабыми взмахами рук пытался прикрывать глаза от

фотовспышек, пока машина медленно ползла через толпу репортеров, мимо фургонов телевизионщиков. У самых дверей тюрьмы Оззи остановил автомобиль, все трое вышли и спокойным, невозмутимым шагом прошли внутрь. После того как Карл Ли был оставлен на попечение надзирателей, Оззи направился по коридору в свой кабинет, где его ждал Джейк.

– Ты сможешь встретиться с ним через пару минут, Джейк, – пообещал шериф.

– Благодарю. Значит, ты уверен, что это сделал он?

– Да. Я уверен.

– Но он не признался, не так ли?

– Нет. Он вообще был не очень-то разговорчив. Похоже, это выучка Лестера.

Вошел Мосс:

– Оззи, писаки хотят, чтобы ты поговорил с ними. Я сказал, что ты выйдешь к ним.

– Хорошо, Мосс. – Оззи вздохнул.

– Кто-нибудь видел, как все произошло? – спросил Джейк.

Красным носовым платком Оззи утер потный лоб.

– Да. Луни его опознает. Помнишь Мерфи, скрюченного инвалида, который моет полы в здании суда?

– Конечно. Бедняга едва ковыляет.

– Он видел все от начала до конца. Сидел на ступенях такой же лестницы с противоположной стороны вестибюля. Жевал свои бутерброды. Перепугался так, что в течение часа не мог выговорить и слова. – Оззи вдруг остановился, посмотрел на Джейка. – Не пойму, зачем я тебе это рассказываю?

– А какая тебе разница? Все равно рано или поздно я и сам все это узнаю. Где сейчас мой подопечный?

– Где-то дальше по коридору. Нужно сделать фотоснимки, ну и все такое прочее. На это уйдет с полчаса.

Оззи вышел, и Джейк воспользовался его телефоном, чтобы позвонить домой. Когда Карла сняла трубку, он напомнил ей, что она должна следить за всеми выпусками теленовостей и записывать их на видеомэгнитофон.

Шериф бесстрашно стоял перед микрофонами и камерами.

– Где ваши вопросы? Мы арестовали подозреваемого. Имя – Карл Ли Хейли из округа Форд. Задержан по подозрению в двух убийствах.

– Это он отец девочки?

– Да, он.

– Откуда вам известно, что это сделал он?

– Так мы работаем.

– Есть свидетели?

– Нам, во всяком случае, о них ничего не известно.

– Он признался?

– Нет.

– Где вы его нашли?

– В его собственном доме.

– Был ранен ваш заместитель?

– Да.

– Как он сейчас себя чувствует?

– Хорошо. Он в больнице, но с ним все в порядке.

– Его имя?

– Луни. Де Уэйн Луни.

– Когда будет предварительное слушание?

– Я не судья.

– Ну, по вашим соображениям?

– Может, завтра, а может, и в среду. Прошу вас, остановимся на этом. Я не готов предоставить вам какую-либо информацию, во всяком случае, не сейчас.

Тюремщик забрал у Карла Ли бумажник, деньги, часы, ключи, перочинный нож, снял с пальца обручальное кольцо, вписал каждую вещь в специальный формуляр, на котором Карл Ли проставил дату и свою подпись. Затем в соседней небольшой комнатке его сфотографировали – анфас и профиль – и сняли отпечатки пальцев. Пока все шло так, как говорил ему Лестер.

Ожидавший его у дверей Оззи провел Карла Ли по коридору в другое помещение, где алкоголиков заставляли дышать в трубку газоанализатора. За небольшим столом, помещавшимся рядом с агрегатом, сидел Джейк. Оззи извинился и оставил их одних.

Адвокат и его клиент, разделенные прямоугольником стола, спокойно и вдумчиво изучали друг друга взглядами. Улыбались. И молчали. Последний раз они говорили пять дней назад, в среду, на следующий после изнасилования день, сразу по окончании предварительного слушания.

Сейчас Карл Ли выглядел более спокойным. На лице ни следа напряжения, слез нет. Наконец он решил нарушить тишину:

– А ведь ты не думал, что я пойду на это, Джейк.

– В общем-то, нет. Так все-таки это ты?

– Я. Ты же знал об этом.

Джейк улыбнулся, кивнул, сложил руки на груди.

– Как ты сейчас себя чувствуешь?

Карл Ли откинулся на спинку вращающегося кресла.

– Намного лучше. В целом все это мне очень не нравится. Лучше бы ничего такого вообще не было. И с дочкой тоже, ты же понимаешь меня. Я ничего не имел против тех парней, пока они не обидели Тони. Теперь они получили то, что должны были получить. Мне искренне жаль их матерей и отцов, если только у них были отцы, в чем я сильно сомневаюсь.

– Ты боишься?

– Чего?

– Газовой камеры, например.

– Нет, брось, Джейк. Поэтому-то я и выбрал тебя. Ни в какую газовую камеру я идти не собираюсь. Я видел, как ты вытащил оттуда Лестера, теперь ты сделаешь то же для меня. Тебе это по силам, Джейк.

– Не так уж это просто, Карл Ли.

– Ну?

– Не думаешь же ты всерьез, что, хладнокровно пристрелив человека, вернее, двух, и заявив жюри присяжных, что они заслужили свою смерть, ты сможешь с гордым видом выйти из зала суда.

– Но ведь с Лестером у тебя получилось.

– Каждый случай особенный. Разница здесь в том, что ты убил двух белых парней, а Лестер – только черномазого ниггера. Большая разница.

– Боишься, Джейк?

– Мне бояться? Газовка угрожает не мне.

– Не очень-то ты стараешься меня обнадежить.

«Ты набитый идиот», – подумал Джейк. Чем, интересно, можно его сейчас обнадежить? Да на трупах еще кровь не высохла. До того как все это случилось, Джейк и в самом деле испытывал большую уверенность, однако сейчас кое-что изменилось. За преступление, в совершении которого признался его подзащитный, полагалась смерть в газовой камере.

– Где ты раздобыл армейскую винтовку?
– Помог друг в Мемфисе.
– Ясно. Лестер причастен к убийству?
– Нет. Он знал, что я намереваюсь делать, и хотел помочь, но я ему не позволил.
– А как Гвен?
– Сейчас она, конечно, с ума сходит, но рядом с ней Лестер. Она вообще ни о чем не подозревала.

– Что скажешь про детей?
– Ты же знаешь: дети есть дети. И им не хочется, чтобы их папочка сидел в тюрьме. Плачут, но это пройдет. Лестер о них позаботится.

– Он собирается возвращаться в Чикаго?
– Не сразу. Джейк, когда суд?
– Предварительное слушание будет завтра или в среду, это определит Буллард.
– Он будет председательствовать?
– На предварительном слушании. Но не на заседании суда. Дело должно разбираться выездной сессией.

– Кто у них там будет главный?
– Омар Нуз, из округа Ван-Бюрен. Тот же, с кем имел дело Лестер.
– Мне везет. Он неплохой судья, а?
– Да.
– И когда все это закрутится?
– Ближе к концу лета или осенью. Бакли будет настаивать на скорейшем разбирательстве.
– Кто такой Бакли?
– Руфус Бакли, прокурор. Он выступал обвинителем на процессе Лестера. Да ты помнишь его, такой крупный, с громким голосом...

– Да-да, помню. Громила Руфус Бакли. Совсем вылетел у меня из головы. А ведь он довольно опасен, так?

– Он умен, очень умен. Он продажен, и амбиции у него непомерные, в это дело он вцепится ради саморекламы.

– Но ты ведь побивал его, а?

– Было дело. Но и он побивал меня.

Джейк раскрыл свой кейс, достал папку. Еще раз он пробежал глазами условия заключения контрактов по защите интересов своих клиентов. Условия эти Джейк знал наизусть, но удостовериться лишний раз не помешает. Гонорар его определялся платежеспособностью клиента, которая у чернокожего населения была не очень-то высокой, если, конечно, не обнаруживалось где-нибудь в Сент-Луисе или Чикаго близкого родственника с высокооплачиваемой работой и достаточно щедрого. Но такое случалось нечасто. Джейк припомнил дело Лестера: у того в Калифорнии был брат, почтовый служащий, но он то ли не смог, то ли не захотел помочь. Жили в округе и какие-то сестры, однако у них самих забот хватало, поэтому они предлагали главным образом моральную поддержку. У Гвен было множество родственников, и жили они все довольно-таки благополучно, но процветающими их не назовешь. Карл Ли сам являлся собственником нескольких акров земли вокруг своего дома, которую заложил, чтобы помочь Лестеру расплатиться с Джейком.

В качестве гонорара за выигранный процесс Джейк потребовал пять тысяч долларов: половину Лестер заплатил еще до суда, вторую половину обязался выплатить частями на протяжении последующих трех лет.

Джейку претил разговор о деньгах. Более неприятной и трудной проблемы в его практической деятельности не было. Еще с порога, с самого начала клиенту прежде всего было необходимо узнать, на сколько его принудят раскошелиться, и все реагировали на ответы Джейка

по-разному. Некоторых то, что они слышали, поражало, другие только судорожно сглатывали, третьи в гневе хлопали дверью. Кое-кто начинал торговаться, однако большинство платили или обещали заплатить.

Он вчитывался в условия контракта и с чувством полной беспомощности размышлял о приемлемой для обеих сторон сумме гонорара. Кое-кто из коллег Джейка взялся бы за такое дело за чисто символическую плату. Их больше интересовала реклама. Джейк подумал о земельном участке, о работе на бумажной фабрике, о семье и в конце концов произнес:

– Ты заплатишь мне десять тысяч.

Карл Ли даже не пошевелился.

– С Лестера ты взял пять тысяч.

– На тебе висят три жертвы, у Лестера была одна, – с готовностью откликнулся Джейк.

– А сколько раз я, по-твоему, смогу войти в газовую камеру?

– Неплохой вопрос. Сколько ты можешь заплатить?

– Тысячу я могу заплатить прямо сейчас. – В голосе Карла Ли звучала гордость. – Под остаток земли займу столько, сколько мне дадут, и все эти деньги отдам тебе.

Джейк на минуту задумался.

– У меня другое предложение. Прежде всего давай договоримся о сумме. Ты заплатишь тысячу мне прямо сейчас и подпишешь расписку на остальное. Как раздобудешь деньги, выкупишь расписку.

– Сколько же ты хочешь?

– Десять тысяч долларов.

– Я готов заплатить пять.

– Ты можешь заплатить и больше.

– А ты в состоянии сделать ту же работу и за меньшую сумму.

– О'кей, я в состоянии сделать ее за девять тысяч.

– Тогда я заплачу шесть.

– Восемь?

– Семь.

– Может, сойдемся на семи с половиной?

– Ну, пожалуй, столько я еще смогу заплатить. Это будет зависеть от того, сколько мне дадут за землю. Значит, ты хочешь, чтобы я отдал сейчас тебе тысячу, а на оставшиеся шесть с половиной написал расписку?

– Именно так.

– Хорошо. Договорились.

Джейк быстро заполнил строки контракта и официальный бланк расписки, и Карл Ли подписал оба документа.

– Джейк, а сколько бы ты запросил с действительно состоятельного человека?

– Пятьдесят тысяч.

– Пятьдесят? Ты серьезно?

– Да.

– Боже, но это же куча денег! Ты когда-нибудь столько получал?

– Нет. Но пока мне не приходилось видеть людей с большими деньгами в суде по обвинению в совершении убийства.

Затем Карлу Ли захотелось узнать все о возможной сумме залога, о жюри присяжных, о процедуре суда, свидетелях, председателе жюри, о том, когда он сможет выйти из тюрьмы, рассчитывает ли Джейк ускорить начало судебного разбирательства, какова будет его линия защиты и прочее в таком же духе. Джейк ответил, что у них будет достаточно времени, чтобы обговорить все эти проблемы. Он пообещал Карлу Ли позвонить Гвен и уведомить хозяина бумажной фабрики.

После того как Джейк ушел, Карла Ли поместили в камеру, расположенную по соседству с камерой для числящихся за штатом Миссисипи преступников.

Задний бампер красного «сааба» Джейка упирался в фургон с телевизионной аппаратурой. «Куда, интересно, запропастился водитель?» – подумал Джейк. Почти все газетчики ушли, но поблизости еще бродили несколько человек, явно чего-то выжидая. Было уже почти темно.

– Вы работаете у местного шерифа? – спросил кто-то Джейка.

– Нет. Я юрист, – небрежно ответил Джейк, стараясь выглядеть равнодушным.

– А не вы ли адвокат мистера Хейли?

Джейк повернулся к человеку, задавшему вопрос. Стоявшие рядом люди прислушивались к их разговору.

– Собственно говоря, да.

– Не согласитесь ли ответить на несколько вопросов?

– Задавайте, но не обещаю, что полностью удовлетворю ваш интерес.

– Не встанете ли вы вот сюда?

Джейк шагнул навстречу микрофонам и камерам, сделав вид, что несколько раздражен свалившимися на его голову хлопотами. За разворачивающейся сценой из окна своего кабинета следил Оззи, окруженный подчиненными.

– Джейк любит киношников, – заметил Оззи.

– Как и все юристы, – отозвался Мосс.

Репортер начал интервью:

– Как ваше имя, сэр?

– Джейк Брайгенс.

– И вы адвокат мистера Хейли. – Это прозвучало как утверждение.

– Совершенно верно, – холодно подтвердил Джейк.

– А мистер Хейли – это отец маленькой девочки, изнасилованной двумя белыми парнями, которых сегодня убили?

– Да.

– Кто их убил?

– Я не знаю.

– Мистер Хейли?

– Я сказал: не знаю.

– Какое обвинение предъявлено вашему клиенту?

– Он арестован по подозрению в убийстве Билли Рэя Кобба и Пита Уилларда. Пока ему не предъявлено никакого обвинения.

– Вы считаете, что мистеру Хейли суд предъявит обвинение в совершении двух убийств?

– На этот вопрос я не отвечаю.

– Почему?

– Вы уже разговаривали с мистером Хейли? – вступил другой репортер.

– Да, несколько минут назад.

– Ну, и как он?

– Что вы имеете в виду?

– Ну... э-э... как он?

– Вы хотите сказать, как он находит тюрьму? – Джейк позволил себе легкую усмешку.

– М-м-м... да.

– И на этот вопрос я не отвечу.

– Когда он появится в суде?

– Может, завтра, может, в среду.

– Его признают виновным?

Джейк широко улыбнулся:
– Естественно, нет.

Съев свой ужин холодным, они сидели в креслах-качалках на крыльце, следили за струйками воды из газополивалки и обсуждали события дня. Новость об убийстве негром двух белых мужчин прокатилась по всей стране, Карла записала несколько репортажей. По двум телеканалам, имевшим в Мемфисе своих корреспондентов, велась прямая трансляция из зала суда, и зрители, настроившиеся на волну агентств новостей Мемфиса, Джексона и Тьюпело, видели на экранах, как Кобба и Уилларда вводят под охраной в зал суда, а через несколько минут выносят из здания на носилках под белыми простынями. Показали даже, как заместители шерифа топчутся на ступеньках, не решаясь войти внутрь.

В вечерние новости интервью Джейка попасть не успело, поэтому они сидели и ждали с видеомэгнитофоном наготове десятичасового выпуска. И вот он появился на экране, с кейсом в руке, подтянутый, с элегантной прической, симпатичный и уверенный в себе, полный отвращения к прессе и тем неудобствам, которые она ему причиняет. Джейк подумал, что на экране он выглядит великолепно; глядя на себя самого во все глаза, он начал приходить в волнение. До этого ему уже довелось однажды мелькать в кадрах телехроники – после того как присяжные оправдали Лестера, – и завсегда на кафе потом не давали ему прохода своими насмешками.

Настроение у Джейка было превосходное. Он уже сделал себе неплохую рекламу и предвкушал еще более широкую известность. Он копался в памяти, но так и не мог вспомнить другое дело, другое судебное разбирательство, способное привлечь большее внимание, чем случай с Карлом Ли Хейли. А что начнется, когда Карла Ли Хейли, черного, за убийство двух белых парней, которые изнасиловали его дочь, оправдает жюри присяжных, состоящее целиком из белых, да еще в каком-то захолустном городке штата Миссисипи...

– Чему это ты улыбаешься? – нарушила приятное течение его мыслей Карла.
– Ничему.

– Как же! Мечтаешь о суде, о репортерах, об оправдательном вердикте. Ты уже видишь, как выходишь из зала суда, обнимая Карла Ли за плечи, а на пятки вам наступают газетчики, стрекочут фото- и кинокамеры, люди хлопают тебя по спине, выкрикивая поздравления. Уж мне-то прекрасно известно, о чем ты сейчас думаешь.

– Тогда зачем спрашивать?

– Чтобы посмотреть, сознаешься ли ты в этом.

– Хорошо, ты права, признаю. Этот процесс может сделать меня знаменитым и принести нам в перспективе не меньше миллиона.

– При условии, если ты его выиграешь.

– Да, если я его выиграю.

– А если проиграешь?

– Я выиграю.

– А вдруг нет?

– Будь уверена.

Раздался телефонный звонок, и следующие десять минут Джейк провел в беседе с издателем, владельцем и единственным репортером городской газеты «Клэнтон кроникл». Он положил трубку, но телефон зазвонил вновь, и ему пришлось отвечать на вопросы корреспондента ежедневной мемфисской газеты. После разговора с ним Джейк набрал номер Гвен, а затем, как он и обещал Карлу Ли, связался и с руководством бумажной фабрики.

В следующий раз телефон потревожил его в пятнадцать минут двенадцатого. Джейк услышал в трубке мужской голос – ему угрожали смертью; говоривший, естественно, не представился. Джейк успел разобрать только, что его называли «влюбленным в черномазых сукиным сыном», который «распрошачется с жизнью, если ниггер выйдет из зала суда на свободу».

Глава 9

В четверг утром Делл Перкинс, разносившей кофе и овсяные хлопья посетителям кафе, пришлось быть более расторопной, чем обычно. Все места за столиками были заняты завсегдатаями, да зашли еще несколько прохожих с улицы – видимо, люди решили с утра пораньше собраться, чтобы просмотреть газеты и обменяться мнениями по поводу убийства, которое произошло менее чем в трехстах футах от дверей кафе. Заведение Клода и чайная, несмотря на ранний час, тоже были полны. С первой страницы тьюпелской городской газеты на читателя смотрела фотография Джейка Брайгенса, а газеты Мемфиса и Джексона поместили снимки Кобба и Уилларда – до выстрелов из «М16» и после них, когда тела на носилках грузили в фургон «Скорой помощи». Снимков Карла Ли не было. Все три газеты публиковали детальный анализ событий, имевших место в Клэнтоне на протяжении последних шести дней.

В общем-то, общественное мнение склонялось к тому, что убийство совершено Карлом Ли, однако по городу ходили слухи о какой-то перестрелке, а за одним из столиков шел серьезный разговор о целой банде чернокожих выродков, атаковавших здание суда. Люди шерифа, посещавшие кафе, были не очень многословны, но подобные дикие сплетни старались пресекать, держа ситуацию под контролем. Луни был завсегдатаем, и его ранение обсуждалось всеми. Состояние Луни оказалось более серьезным, чем представлялось первоначально. Он пока оставался в больнице. Стрелявшего Луни опознал как брата Лестера Хейли.

Джейк вошел в кафе около шести и сел неподалеку от входа за столик, где уже сидели трое фермеров. Он кивнул Празеру и его коллегам, но те сделали вид, что не заметили приветствия. Ничего, подумал Джейк, вот Луни выйдет, и все вернется на круги своя. Он услышал несколько шуток по поводу первой страницы сегодняшней газеты, однако никто не лез к нему с расспросами об убийстве или о его новом клиенте. По взглядам, которые бросали на него постоянные посетители кафе, Джейк понял, что отношение к нему стало более прохладным. Он быстро покончил с завтраком и вышел.

Ровно в девять к нему по интеркому обратилась Этель.

– Звонит Буллард, – сообщила она.

– Привет, судья. Как дела?

– Отвратительно. Это ты представляешь интересы Карла Ли Хейли?

– Да, сэр.

– Когда бы тебе хотелось устроить предварительное слушание?

– А почему вы решили спросить меня об этом, судья?

– Славный вопрос. Так вот слушай: завтра утром, во сколько-то там, похороны этих двух подонков, и я думаю, стоит подождать, пока их закопают, согласен?

– Да, судья, отличная мысль.

– Тогда как насчет двух часов дня завтра?

– Замечательно.

Буллард замялся.

– Джейк, а может, ты откажешься от предварительного слушания и позволишь мне передать дело сразу на рассмотрение большого жюри?

– Послушайте, судья, я никогда не отказывался от предварительного слушания, и вам это прекрасно известно.

– Да, конечно. Просто я хотел попросить тебя об услуге. Все равно председательствовать на суде буду не я, и у меня нет ни малейшего желания принимать в нем хоть какое-то участие. До завтра.

Где-то через час по интеркому вновь прозвучал пронзительный голос Этель:

– Мистер Брайгенс, вас хотят видеть репортеры.

Джейк ощутил приятное возбуждение.

– Откуда?

– По-моему, из Мемфиса и Джексона.

– Проведите их в зал заседаний. Я спущусь вниз через минуту.

Он поправил галстук, провел щеткой по волосам и выглянул в окно: не подъехали ли телевизионщики? Ему пришло в голову заставить гостей немного подождать. Сделав пару телефонных звонков, он медленно спустился по лестнице, не повернув головы, прошел мимо Этель и встал на пороге просторной комнаты, которую привык называть залом заседаний. Репортеры попросили его сесть в конец длинного стола – из-за освещения, объяснили они. Но Джейк отверг это предложение, решив, что контролировать ситуацию будет сам, и уселся на весьма выигрышном фоне книжных полок, тесно заставленных толстыми и дорогими книгами, в основном юридическими изданиями.

Перед ним установили микрофоны, подсветку для видеокамеры, и в конце концов довольно привлекательная дама из Мемфиса решила, что пора начинать:

– Мистер Брайгенс, вы представляете интересы Карла Ли Хейли?

– Да.

– Ему предъявлено обвинение в убийстве Билли Рэя Кобба и Пита Уилларда?

– Совершенно верно.

– А Кобб и Уиллард обвинялись в изнасиловании дочери мистера Хейли?

– Именно так.

– Мистер Хейли отрицает свою вину?

– По предъявленному ему обвинению он будет признан невиновным.

– А обвинят ли его также в нанесении огнестрельного ранения заместителю шерифа мистеру Луни?

– Да. Мы готовы к обвинению в причинении телесных повреждений.

– Вы будете строить защиту, настаивая на том, что ваш клиент действовал, находясь в невменяемом состоянии?

– Мне бы не хотелось сейчас обсуждать линию защиты, поскольку официально обвинение еще не сформулировано.

– Вы тем самым даете понять, что его вообще, возможно, не предъявят?

Это была самая высокая ставка, на которую Джейк надеялся. Большое жюри либо предаст Хейли суду на основании выдвинутого обвинения, либо нет, а состав жюри пока неизвестен, его определит выездная сессия суда, которая состоится в понедельник, 27 мая. Так что сегодня будущие члены большого жюри еще расхаживают по улицам Клэнтон, делают покупки в магазинах, стоят у станков на фабриках, занимаются уборкой домов, читают газеты, сидят у экранов телевизоров и обсуждают между собой, виновен Хейли или нет.

– Да, я думаю, существует вероятность того, что обвинение не будет предъявлено. Это решит большое жюри после предварительного слушания.

– Когда оно состоится?

– Завтра, в два часа дня.

– Вы полагаете, судья Буллард передаст дело на рассмотрение большого жюри?

– Думаю, это – абсолютно допустимое предположение, – согласился Джейк, зная, что Буллард не пришел бы в восторг от такого ответа.

– А когда ожидается встреча членов большого жюри?

– Новый состав большого жюри будет приведен к присяге в понедельник, утром. Во второй половине дня у членов жюри будет возможность ознакомиться с делом.

– В какое время, по-вашему, может состояться суд?

– Если исходить из того, что Хейли будет официально предъявлено обвинение, то суд, скорее всего, состоится в конце лета или начале осени.

– Какой это будет суд?

– Выездная сессия суда округа Форд.

– Кто будет председательствовать?

– Почтенный Омар Нуз.

– Откуда он?

– Из Честера, штат Миссисипи. Округ Ван-Бюрен.

– Значит, дело будет слушаться здесь, в Клэнтоне?

– Да, если не решат перевести его в другой судебный округ.

– Вы не собираетесь настаивать на таком переводе?

– Хороший вопрос. В настоящее время я не готов на него ответить. Сейчас еще слишком рано говорить о стратегии защиты.

– Для чего вам может понадобиться перевод в другой судебный округ?

Чтобы обеспечить поддержку черного большинства населения, подумал Джейк, а вслух невозмутимо сказал:

– По самым обыденным причинам. Завоевание популярности и прочее.

– Кто принимает решение о переводе?

– Судья Нуз. Это его прерогатива.

– Сумма залога уже определена?

– Нет, и, скорее всего, не будет определена до тех пор, пока моему клиенту не предъявят официального обвинения. В настоящее время Хейли имеет право выйти под залог на свободу, однако судебная практика нашего округа складывалась так, что в случае убийства, за которое полагается смертная казнь, сумма залога устанавливается только после того, как подозреваемому будет предъявлено официальное обвинение. Величину залога, как я уже сказал, определит судья Нуз.

– Что вы можете сказать нам о мистере Хейли?

На мгновение Джейк расслабился. Камеры работали безостановочно. Еще один благоприятный момент, на который он мог только рассчитывать, блестящая возможность бросить семена в почву и ждать всходов.

– Ему тридцать семь лет. Двадцать из них он живет в мире и согласии с женой. Четверо детей: три сына и дочь. Порядочный человек с отличной репутацией. До этого ему никогда не приходилось вступать в конфликт с законом. Имеет боевые награды за Вьетнам. Пятьдесят часов в неделю работает на бумажной фабрике в Колемане. Исправно платит налоги, владеет небольшим участком земли. Каждое воскресенье вместе со всей семьей ходит в церковь. Не лезет в чужие дела и не любит, когда посторонние лезут в его.

– Вы позволите нам поговорить с ним?

– Естественно, нет.

– Не его ли брат предстал несколько лет назад перед судом за убийство?

– Да, и был полностью оправдан.

– Адвокатом у него были вы?

– Да, я.

– В округе Форд вы уже вели несколько дел по обвинению в убийстве, не так ли?

– У меня было три таких дела.

– И сколько ваших подопечных были оправданы?

– Все трое, – медленно произнес Джейк.

– По-моему, у большого жюри существует определенный выбор в вопросе принятия решения? – продолжала дама из Мемфиса.

– Вы совершенно правы. В ходе процесса по делу об убийстве жюри может признать обвиняемого виновным в непредумышленном убийстве, что будет означать двадцать лет тюремного заключения, может признать его виновным в умышленном убийстве, и тогда речь будет идти о смертной казни. Но жюри также может признать обвиняемого невиновным. – Джейк улыбнулся в объектив. – И все это опять-таки в том случае, если будет предъявлено обвинение.

– Как сейчас себя чувствует дочка мистера Хейли?

– Она уже дома. Выписалась из больницы в воскресенье. С ней все должно быть в порядке.

Репортеры переглядывались в поисках новых вопросов. Джейк знал, что это довольно опасный момент: когда заготовленные вопросы кончались, журналисты могли начать «вгонять ему иголки под ногти».

Он встал, застегнул пуговицу пиджака.

– Послушайте, я был бы весьма признателен вам, если бы сегодня мы остановились на этом. Вы без труда найдете меня здесь, только постарайтесь известить заранее. Я буду рад встретиться с вами в любое время.

Они поблагодарили его и вышли.

В среду, в десять утра, в строгом траурном зале погребальной конторы родственники и немногочисленные друзья простались с Билли Рэем Коббом и Питом Уиллардом. Распорядитель церемонии, недавно принявший сан священник из церкви Святой Троицы, прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы ободрить, вселить умиротворение в души людей, небольшой группой стоявших вокруг двух закрытых гробов. Служба была короткой, слез пролилось немного.

За единственным катафалком медленно потянулись грузовички-пикапы и покрытые пылью «шевроле». Похоронная процессия выехала из города и начала приближаться к маленькой, сложенной из красного кирпича церкви. Оба гроба одновременно опустили в могилы, вырытые в противоположных концах почти полностью заполненного кладбища. Последние слова прощания, и вокруг церкви вновь установилась тишина.

Родители Кобба развелись, когда тот был еще совсем ребенком. Отцу пришлось ехать на похороны из Бирмингема, и сразу же после печального обряда он куда-то исчез. Миссис Кобб жила в маленьком аккуратном сборном домике неподалеку от поселка Лейк-Виллидж, милях в семи к югу от Клэнтон. Два других ее сына вместе со своими двоюродными братьями и друзьями сидели во дворе, под ветвями дуба, в то время как женщины сутились вокруг самой миссис Кобб. Мужчины говорили о черномазых, жевали табак, прихлебывая виски, и с сожалением вспоминали доброе старое время, когда каждый ниггер знал свое место. Теперь же правительственные и судейские чиновники им просто задницы целовать готовы. Что остается делать белому человеку? Кто-то из двоюродных братьев вспомнил, что у него есть друг или приятель, который довольно активно сотрудничает с Кланом, – может, стоит позвонить ему? Дед Кобба стал членом Ку-клукс-клана задолго до своей смерти, сказал он, они вместе с Билли Рэем мальчишками еще были, когда дед рассказывал им о том, как ему приходилось вешать черномазых здесь и в соседнем округе Тайлер. Им следует, объяснял родственник Билли, сделать то же, что сделал этот грязный ниггер. Добровольцев пока не находилось. Может, Клан заинтересуется этим делом? Отделение Клана квартировало неподалеку от Джексона, в округе Неттлс. Родственнику было поручено связаться с ним.

Женщины приготовили обед. Наскоро перекусив, мужчины вернулись под дуб, к виски. Кто-то вспомнил, что на два часа дня назначено предварительное слушание. Все тут же расселись по машинам и тронулись в Клэнтон.

* * *

Убийство негром двух белых парней неузнаваемо изменило город. Казалось, было два Клэнтон – прежний город существовал до трагедии, и совершенно другой появился после. Пройдут долгие месяцы, прежде чем второй станет хоть чем-то напоминать первый. Кровавая драма, длившаяся меньше пятнадцати секунд, превратила тихий южный городок с населением около восьми тысяч человек в место паломничества газетчиков, фото- и телерепортеров, часть которых приехала из ближайших городов и штатов, другие же представляли общенациональные корпорации. Журналисты толкали друг друга на улицах, в сотый раз осаждая какого-нибудь прохожего, засыпая его вопросами типа: «Как вы относитесь к делу Хейли?» или «За какое решение вы бы голосовали, будь вы членом жюри присяжных?» Однако на основании мнения человека с улицы даже журналистам не удавалось вынести однозначный вердикт. За огромными фургонами – передвижными телестанциями – по улицам разъезжали легковые автомобили, набитые новейшей аппаратурой. Они высматривали, подслушивали, записывали. На первых порах фаворитом прессы сделался Оззи Уоллс. Его интервьюировали не меньше десятка раз в день. Затем интерес вспыхнул и к Моссу Джуниору, который наслаждался неожиданным вниманием к его персоне. Он мог ответить на двадцать вопросов и не выболтать ни одной новой детали. Он врал с ходу, не задумываясь, и невежественные приезжие долго не могли отличить в его рассказах правду от вымысла.

– Скажите, сэр, есть ли свидетели того, что Хейли действовал не в одиночку?

– Да, есть.

– Неужели! Назовите их имена!

– Мы располагаем свидетельствами, что вся операция была организована и финансировалась одним из подразделений «Черных пантер», – с абсолютно невозмутимым лицом врал Мосс.

При этих словах половина слушавших начинала либо заикаться, либо замирала от удивления, а другая шепотом повторяла услышанное и яростно строчила ручками в блокнотах.

Буллард перестал выходить из своего кабинета и отвечать на телефонные звонки. Он сам еще раз позвонил Джейку, умоляя отказаться от предварительного слушания. Джейк вторично отверг эту просьбу. Репортеры поджидали Булларда в вестибюле, но за запертыми дверями своего кабинета в компании с бутылкой водки он чувствовал себя в безопасности.

У родственников попросили разрешения заснять на пленку похороны. Братья Кобба ответили согласием – за деньги, конечно. Однако миссис Уиллард наложила вето. Репортеры оставались у входа в траурный зал и снимали только то, что могли. Они проследовали и на кладбище, снимая издали, как гробы опускают в землю. Оттуда они ринулись было к дому миссис Кобб, но Фредди, теперь старший в семье мужчина, не затрудняя себя подбором слов, предложил пишущей братии убираться подальше.

В кафе в среду царил тишина. Завсегдатаи, в том числе и Джейк, молча следили за незнакомцами, заполнившими их уютное прибежище. Большинство посторонних были бородатыми, говорили с какими-то экзотическими акцентами и не заказывали овсяных хлопьев.

– А не вы ли адвокат мистера Хейли? – прокричал один из чужаков через весь зал.

Джейк был занят намазыванием масла на кусочек тоста и никак не отреагировал.

– Так вы или нет, сэр?

– Ну допустим. – Джейк не повернул головы.

– Признают его виновным?

– Я завтракаю.

– Признают?

– Мне нечего вам ответить.

– Но почему?

– Я не отвечаю на вопросы во время завтрака. Я ем.

– А могу я поговорить с вами позже?

– Да. Нужно условиться о встрече. Я готов разговаривать за шестьдесят долларов в час.

Среди завсегдатаев раздались одобрительные возгласы, однако пришельцев и это не утрашило.

Джейк согласился на бесплатное интервью с корреспондентом мемфисской газеты, затем забаррикадировался у себя в «блиндаже» и стал готовиться к предварительному слушанию. В полдень он навестил своего уже знаменитого клиента в тюрьме. Карл Ли выглядел даже отдохнувшим, всякое напряжение с него спало. Из окна камеры он мог наблюдать за бесконечным потоком журналистов, движущихся через автостоянку к дверям тюрьмы.

– Как тебе здесь? – спросил Джейк.

– Не так уж и плохо. Еда вполне приличная. Обедаю я вместе с Оззи, в его кабинете.

– Что?!

– Да. А потом мы играем в карты.

– Ты смеешься, Карл Ли.

– Нет. Мы еще и телевизор смотрим. Вчера вечером видел тебя в новостях. Ты здорово выглядел. Я принесу тебе славу, Джейк, разве не так?

Джейк промолчал.

– А когда меня выпустят на экран? То есть я хочу сказать, что весь этот шум, стрельбу устроил я, а рекламу делают только тебе да Оззи. – Клиент улыбался, однако его адвокату было не до смеха.

– Сегодня, примерно через час.

– Да, я слышал, мы отправимся в суд. Зачем?

– На предварительное слушание. Там не будет ничего серьезного, во всяком случае, не должно быть. Единственное отличие от всех предыдущих – присутствие прессы.

– Что мне говорить?

– Ничего! Не вздумай никому и слова сказать. Ни судье, ни прокурору, ни репортерам. Никому! Мы будем сидеть и слушать. Слушать, что будет говорить прокурор, чтобы уяснить себе, как он хочет построить процесс. Предполагаю, что у них есть свидетели, вполне вероятно, их показания примут к сведению. Оззи сообщит судье об оружии, отпечатках пальцев и состоянии Луни...

– Как дела у Луни?

– Не знаю. Хуже, чем предполагалось.

– Мне действительно жаль, что с Луни так получилось. Я ведь его даже не видел.

– Так вот, тебе собираются предъявить обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений. Но в любом случае предварительное слушание – это чистой воды формальность. Его цель – дать судье возможность оценить, достаточно ли в его распоряжении свидетельства, чтобы передать твое дело на рассмотрение большого жюри. Буллард всегда поступает так профформы ради.

– Для чего же тогда все это нужно?

– Мы можем и отказаться, – объяснил Джейк, думая о том, что ускользает прекрасная возможность лишний раз появиться перед камерами. – Но мне бы этого не хотелось. Это хороший случай – посмотреть на дело глазами прокурора, понять, что он имеет против нас.

– Ладно, Джейк. Мне кажется, дело они получили как раз то, что надо, а?

– Пожалуй. Но мы будем только слушать. Это наша главная стратегия. Договорились?

– Я согласен. Ты не говорил сегодня с Гвен или Лестером?

– Нет. Я звонил им в понедельник вечером.

- Они приходили вчера сюда, в кабинет Оззи. Обещали прийти сегодня в суд.
- Думаю, что сегодня в суде будут все.
- Они попрощались.

На автостоянке на Джейка набросились репортеры, поджидавшие, когда Карла Ли будут выводить из тюрьмы. Джейку нечего было сказать как этим журналистам, так и тем, что терпеливо стояли у дверей его кабинета. Он был слишком занят своими мыслями, чтобы отвечать на вопросы, но вот о направленных на него камерах он ни на секунду не забывал. В половине второго Джейк вошел в здание суда и укрылся в библиотеке на третьем этаже.

Из окна кабинета Оззи Мосс и несколько других заместителей шерифа смотрели на журналистов и фоторепортеров и негромко проклинали их. Стрелки часов показывали без четверти два, пора было везти Хейли в суд.

– Напоминают мне стаю стервятников, поджидающих у дороги, пока машина не сойдет какого-нибудь беднягу пса, – заметил Мосс, глядя сквозь шторы жалюзи.

– Самые бесцеремонные типы из тех, кого мне приходилось видеть, – добавил Празер. – Они не представляют, что кто-то может им в чем-то отказать или просто сказать «нет». Уверены, что весь город будет за ними бегать.

– А ведь здесь еще не все – многие ждут у суда.

Оззи был не очень разговорчив. Какая-то газетенка раскритиковала его за то, что он с умыслом не предпринял всех мер безопасности в здании суда и вокруг него. Оззи уже устал от прессы. Сегодня он дважды приказывал вывести журналистов из помещений тюрьмы.

– У меня идея, – вдруг сказал он.

– Ну? – откликнулся Мосс.

– Куртиса Тодда еще не выпустили?

– Пока здесь. Выходит на следующей неделе.

– Он, так сказать, чуток смахивает на Карла Ли, верно?

– Что это значит?

– А то и значит, что он почти такой же черный, как и Карл Ли, что оба они почти одинакового роста и веса, так?

– Да, ну так что? – не выдержал Празер.

Мосс ухмыльнулся и взглянул на Оззи, который не сводил глаз с толпы на стоянке:

– Оззи, ты не пойдешь на это.

– На что? – Празер ничего не понимал.

– Пошли. Выводите из камер Карла Ли и Куртиса Тодда, – приказал Оззи. – Подгоните к дверям мою машину. Приведите Тодда сюда – хочу его проинструктировать.

Минут через десять двери тюрьмы распахнулись, и группа помощников шерифа, окружив арестованного, повела его по дорожке к стоянке. Спереди и сзади человека в темных очках и наручниках, которые, правда, были не застегнуты, шли по два полисмена, справа и слева – по одному. По мере того как идущие приближались к толпившимся на стоянке журналистам, все чаще раздавались щелчки затворов фотоаппаратов, жужжание кино- и видеокамер. Слышались вопросы:

– Вы признаете свою вину, сэр?

– Вы не признаете своей вины, сэр?

– Что вы скажете суду, сэр?

– Мистер Хейли, а может, вы действовали в состоянии помешательства?

Арестованный усмехался и продолжал медленным шагом идти к патрульным полицейским автомобилям. Полицейские мрачно улыбались, не обращая внимания на окружавшую их толпу. Фотографы принимали немислимые позы, стараясь в самом эффектном ракурсе запечатлеть наиболее известного на сегодняшний день преступника в США.

Внезапно на виду у всей страны, прильнувшей к экранам, ничуть не смутившись присутствием охраны и дюжины фоторепортеров, ловивших каждое его движение, арестованный бросился бежать. Он совершал немыслимые скачки, дергался из стороны в сторону, высоко подпрыгивал на бегу, уворачивался от воображаемых пуль. С дикой скоростью он пересек автостоянку, перепрыгнул через кювет, пересек автостраду и скрылся из виду на противоположной стороне дороги, в зарослях высокого кустарника. Толпа газетчиков разразилась криками, кто-то даже попытался броситься вдогонку за беглецом. Ко всеобщему удивлению, помощники шерифа кинулись в обратную сторону, наглухо закрыв за собой двери тюрьмы и оставив стервятников в разочаровании описывать на стоянке все новые и новые круги. Беглец же, очутившись в зарослях, снял наручники и спокойным шагом направился к себе домой. Куртиса Тодда выпустили из тюрьмы на неделю раньше.

Оззи, Мосс и Карл Ли через неприметную боковую дверь быстро покинули здание тюрьмы и тихими улочками подъехали к месту отправления правосудия, где их ждали заместители Оззи, чтобы провести внутрь.

– Сколько там всего ниггеров? – испуганно прокричал Буллард Пейту.

– Целая толпа.

– Великолепно. Целая толпа черномазых! И наверное, такая же толпа всякой деревенщины?

– А вот этих очень мало.

– Зал полон?

– Битком набит.

– О боже! А ведь это только предварительное слушание! – Буллард не мог говорить спокойно. Он прикончил одну бутылку водки, и Пейт тут же подал ему другую.

– Спокойнее, судья.

– Брайгенс! Это все он виноват! Мог отказаться от слушания, если бы захотел. Я же просил его. Дважды просил! Он знает, что я все равно отошлю дело большому жюри. Знает! У нас каждый адвокат об этом знает. А теперь мне придется довести всех ниггеров до белого каления, потому что я, видите ли, не могу тут же освободить Хейли из-под стражи, а вся эта деревенщина тоже начнет сходить с ума, поскольку не в моей власти привести приговор в исполнение тут же, в зале суда. Брайгенс мне за это ответит. Он красуется перед камерами. Мне нужно думать о перевыборах, а ему нет. Или все-таки нужно?

– Ему не нужно, судья.

– Как там с охраной?

– Охраны достаточно. Шериф вызвал резерв. Вы в безопасности.

– Что насчет прессы?

– Она заняла передние ряды.

– Никаких камер! Хейли здесь?

– Да, сэр. Он сидит рядом с Брайгенсом. Все готовы, ждут только вас.

Его честь наполнил пластиковый стаканчик неразбавленной водкой.

– Ну, пошли.

Как и до шестидесятых, в давно минувшие времена, зал был поделен на две половины: белую и черную. Граница проходила по центральному проходу. По нему и вдоль стен зала стояли офицеры охраны. Объектом их повышенного внимания была группа подвыпивших белых мужчин, усевшихся во втором и третьем рядах. В некоторых из них признали двоюродных братьев недавно погибшего Билли Рэя Кобба. Охране было приказано не спускать с них глаз. Первый ряд кресел, как на белой, так и на черной половине зала, был занят не менее чем двумя десятками журналистов, представлявших издания самых разных направлений. Одни писали

что-то в блокнотах, другие набрасывали карандашом портреты обвиняемого, его адвоката и, наконец, судьи⁵.

– Похоже, они собираются сделать из этого ниггера настоящего героя, – заметил какой-то мужчина, по виду фермер, достаточно громко для того, чтобы слова его услышали и в первом ряду.

Когда Буллард занял свое место, охрана закрыла двери зала.

– Можете вызвать вашего первого свидетеля, – обратился судья к Рокки Чайлдерсу.

– Обвинение вызывает шерифа Оззи Уоллса.

Шериф был приведен к присяге, а затем препровожден на свидетельское место. Оззи вздохнул, немного расслабился и начал долгое и детальное повествование, подробно рассказывая о стрельбе, о положении тел, о ранах, об оружии и отпечатках пальцев на нем и их соответствии отпечаткам пальцев арестованного. Чайлдерс предъявил судье аффидевит, подписанный заместителем шерифа Луни и засвидетельствованный самим шерифом и Моссом Джуниором Тэтумом. В своих показаниях Луни утверждал, что стрелявший был не кем иным, как Карлом Ли. Оззи подтвердил подпись Луни и зачитал аффидевит для протокола.

– Шериф, а известны ли вам другие очевидцы происшедшего? – без всякого энтузиазма задал вопрос Чайлдерс.

– Да. Мерфи, уборщик помещений суда.

– Как его имя?

– Это никому не известно. Он просто Мерфи.

– Хорошо. Вы говорили с ним?

– Нет. Это делал мой следователь.

– Кто является вашим следователем?

– Лейтенант Рэди.

Рэди привели к присяге. Он сменил на свидетельском месте шерифа. Пейт тем временем успел сходить в кабинет судьи, чтобы долить в его пластиковый стакан «ледяной воды». Джейк исписывал целые страницы своего блокнота. Он не будет вызывать никаких свидетелей и подвергать шерифа перекрестному допросу тоже не будет. Пусть свидетели обвинения поднапугают в своих показаниях в ходе предварительного слушания. При перекрестном допросе Джейк, протокола ради, коснется этих расхождений и неточностей. А затем во время суда, когда в ход вновь пойдут всякие натяжки со стороны обвинения, он истребует обратиться к сегодняшним показаниям, чтобы пригвоздить лжецов к позорному столбу. Но это будет позже. Не сегодня.

– Скажите, сэр, у вас была возможность побеседовать с Мерфи? – обратился к свидетелю Чайлдерс.

– С каким Мерфи?

– Не знаю – просто с Мерфи, уборщиком.

– А, вот вы о ком. Да, сэр.

– Отлично. Что же он сказал?

– О чем?

Чайлдерс опустил голову. Рэди был новичком, ему нечасто приходилось давать показания. Оззи подумал, что это будет для него неплохой практикой.

– О выстрелах! Расскажите нам, что он говорил вам о выстрелах.

Джейк встал:

⁵ В американском суде закон запрещает производить съемку. Журналистам разрешается только делать карандашные зарисовки участников процесса.

– Ваша честь, я протестую. Мне известно, что на предварительном слушании допускается изложение чужих слов, но ведь этого парня, Мерфи, можно разыскать. Он работает здесь, в этом здании. Почему бы не выслушать его собственные показания?

– Потому что он заикается, – объяснил Буллард.

– Что?!

– Он заикается. А я не желаю слушать, как он в течение получаса будет пытаться сказать одну фразу. Протест не принят. Продолжайте, мистер Чайлдерс.

Джейк сел не веря собственным ушам. Буллард мигнул Пейту, отправившемуся за новой порцией «ледяной воды».

– Итак, мистер Рэди, что же Мерфи сказал вам по поводу стрельбы?

– Ну, его было довольно трудно понять, он волновался, а когда он взволнован, заикается так, что ничего не разберешь. То есть, я хотел сказать, он вообще заикается, но...

– Просто повторите то, что он вам сказал! – прокричал Буллард.

– Хорошо. Он сказал, будто видел, как чернокожий мужчина пристрелил двух белых парней и офицера.

– Благодарю вас, – проговорил Чайлдерс. – А где он в это время находился?

– Кто?

– Мерфи!

– Он сидел на ступенях лестницы, расположенной напротив той, где произошло убийство.

– И он видел все от начала до конца?

– Так он говорит.

– Мерфи опознал стрелявшего?

– Да, мы предъявили ему десять фотографий чернокожих, и он опознал обвиняемого, который сидит вон там.

– Отлично. Благодарю вас. Ваша честь, больше у нас ничего нет.

– У вас, мистер Брайгенс, есть вопросы? – повернулся судья к Джейку.

– Нет, сэр.

– Ваши свидетели?

– Нет, сэр.

– Какие-нибудь поправки, замечания?

– Нет, сэр.

– Благодарю вас, мистер Брайгенс. Суд находит, что в его распоряжении сейчас достаточно свидетельств для того, чтобы передать дело обвиняемого на рассмотрение большого жюри. Мистер Хейли останется под стражей, без права выхода на свободу под залог. Заседание закончено.

Джейк прекрасно знал, что нет никакого смысла требовать освобождения под залог. Во-первых, это не принесет пользы делу: Буллард и не станет определять сумму залога по делу об умышленном убийстве. Во-вторых, заговори он, адвокат, о залоге, это поставит судью в неловкое положение.

На Карла Ли быстро надели наручники и вывели из зала суда. Все помещения по пути к лестнице, ведущей к задним дверям, были опечатаны, а сам путь обвиняемого усиленно охранялся. Репортеры, ожидавшие на улице, успели поймать только его взгляд, брошенный из-за закрывающейся дверцы патрульного автомобиля. Публика еще не вышла из зала суда, а Карл Ли уже сидел в своей камере.

Помощники шерифа направляли потоки покидавших зал людей таким образом, чтобы первыми вышли белые, а только за ними все остальные.

Газетчикам захотелось еще раз поговорить с адвокатом обвиняемого, и Джейк предложил им встретиться в вестибюле через несколько минут. Он заставил их ждать – сначала отправился

в кабинет судьи, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, а затем решил снова заглянуть в библиотеку на третьем этаже: ему показалось, что он не поставил книгу на место. Когда здание уже почти опустело, Джейк решил, что его прождали достаточно долго, и, пройдя через задние двери, вышел в вестибюль прямо навстречу фото- и телекамерам.

Прямо перед своим лицом он увидел микрофон с красной эмблемой.

– Почему вы не потребовали освобождения под залог? – строго спросил его кто-то.

– Это можно будет сделать позже.

– Не станет ли мистер Хейли утверждать, что действовал в состоянии умственного расстройства?

– Я уже заявлял: сейчас слишком рано отвечать на подобные вопросы. Мы ожидаем решения большого жюри – возможно, Хейли не будет предъявлено никакого обвинения. В противном случае мы начнем разрабатывать стратегию защиты.

– Мистер Бакли, прокурор судебного округа, заявил, что обвинение не заставит себя долго ждать. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Боюсь, мистер Бакли слишком часто говорит тогда, когда лучше бы было промолчать. С его стороны просто глупо высказывать свое мнение по делу, которое еще не рассматривалось большим жюри.

– Он добавил также, что будет категорически против любых попыток перевести дело в другой судебный округ.

– А подобных требований пока никто и не предъявлял. Собственно говоря, ему нет никакого дела до того, в каком месте состоится суд. Заседания можно проводить и в пустыне, лишь бы пресса была рядом.

– Можем ли мы предположить, что между вами и окружным прокурором нет особо дружеских отношений?

– Если вам так угодно. Он опытный прокурор и неплохой советник. Просто он говорит, когда нужно молчать.

Ответив еще на несколько вопросов, Джейк извинился и отправился домой.

В среду, поздним вечером, лежащего в больнице Луни отвезли в операционную. Правую ногу ниже колена пришлось ампутировать. После того как операция закончилась, хирург позвонил в тюрьму Оззи. Оззи сообщил об этом Карлу Ли.

Глава 10

В четверг утром Руфус Бакли просматривал газеты, с интересом вчитываясь в отчет о предварительном слушании дела Карла Ли Хейли в суде округа Форд. Он был удовлетворен: его имя неоднократно упоминалось и репортерами, и адвокатом обвиняемого мистером Брайгенсом. Для прокурора мало что значили довольно обидные замечания последнего – главное, что пресса не обошла молчанием его фигуру. К Брайгенсу Бакли не испытывал ни малейшей симпатии, но тем не менее был признателен ему за то, что он несколько раз произнес его имя перед микрофонами и камерами. В течение двух дней все внимание средств массовой информации было сосредоточено на Брайгенсе и его подзащитном – пора бы уже всем вспомнить и об окружном прокуроре. Конечно, Брайгенсу не стоило никого критиковать за естественное человеческое стремление к популярности. Люсьен Уилбэнкс когда-то написал книгу о том, как можно манипулировать прессой до начала судебного процесса и в его ходе, и сразу видно, что Джейк был весьма прилежным учеником Уилбэнкса. И все же Руфус Бакли не имел к Брайгенсу никаких претензий. Он был доволен. Сейчас он предвкушал долгий скандальный судебный процесс – впервые ему предоставляется блестящая возможность выступить во всем своем грозном величии. Бакли с нетерпением ожидал понедельника – дня начала работы майской сессии окружного суда.

Руфусу Бакли был сорок один год, и, когда девять лет назад его впервые избрали на должность, он стал самым молодым окружным прокурором штата Миссисипи. Сейчас, на первом году своего третьего срока, Бакли изнывал от неудовлетворенного честолюбия. Пора было перебираться в новый кабинет – генерального прокурора или – почему бы и нет? – губернатора. А затем – в конгресс. Именно так он планировал свое будущее, мешало лишь одно: слишком мало он был известен за пределами двадцати второго судебного округа (административные округа Форд, Тайлер, Полк, ВанБюрен и Милберн). Необходимо дать людям возможность услышать его, увидеть. Необходима популярность. Но больше всего в данный момент Руфусу нужна яркая, убедительная и беспощадная обвинительная речь по какому-нибудь делу об убийстве.

Территория округа Форд лежала к северу от Смитфилда, административного центра округа Полк, где Руфус жил. А родился он в Тайлере, это еще севернее, на границе двух штатов: Миссисипи и Теннесси. Уравновешенный, благонадежный гражданин, Бакли был знающим и опытным прокурором. В ходе предвыборных кампаний он никогда не забывал упомянуть о том, что в девяноста случаях из ста суды соглашались с его обвинительными заключениями, равно как и о том, что он настаивал на смертной казни обвиняемого чаще любого другого прокурора штата. Его громогласная и неотесанная натура была насквозь пропитана ханжеством. Самим Господом ему суждено защищать интересы проживающих на территории штата Миссисипи людей, и он с честью выполняет эту высокую миссию. Люди ненавидят преступность, он тоже, значит, объединив усилия, они смогут искоренить зло.

Он умел разговаривать с жюри присяжных – о, как он умел это делать! Руфус умел наставлять, умолять, давить, ходатайствовать, требовать. Своей речью он мог так воспламенить присяжных, что те готовы были опрометью броситься в совещательную комнату, со слезами на глазах обсудить там решение, проголосовать и вернуться в зал, чтобы протянуть обвиняемому веревку для повешения. Он умел говорить так, как говорят ниггеры, умел подражать говору деревенщины, а этого было достаточно для того, чтобы ублажить большинство присяжных в двадцати втором округе. И жюри всегда относилось к нему с пониманием. Руфус Бакли любил Клэнтон.

Приближаясь к своему кабинету, расположенному в здании суда округа Полк, прокурор был приятно удивлен при виде заполнивших его приемную журналистов. Посмотрев на часы, Бакли на ходу бросил им, что он очень занят, но, возможно, уделит прессе минутку-другую.

Пригласив их в свой офис, он величественно уселся в стоявшее за столом вращающееся кожаное кресло. Вперед выступил репортер из Джексона:

– Мистер Бакли, испытываете ли вы сочувствие к обвиняемому мистеру Хейли?

Явно погруженный в глубокую задумчивость, прокурор улыбнулся:

– Да, испытываю. Мне всегда жаль родителей, чьи дети подверглись насилию. Конечно, испытываю. Однако я не могу смотреть сквозь пальцы, да и вся наша система не может смириться с попытками самовольно вершить правосудие.

– У вас есть дети?

– Да. Сын, он совсем маленький, и две дочери, одна ровесница дочки Хейли. Я не нахожу себе места при одной мысли о том, что моих девочек может кто-то изнасиловать. Однако я уверен: наша правоохранительная система в состоянии справедливо покарать преступника. Я непоколебимо верю в это.

– Значит, вы рассчитываете на то, что суд согласится с вашим обвинением?

– Безусловно. Присяжные, как правило, соглашаются с моими заключениями, и я намереваюсь убедить их и на этот раз.

– Вы будете требовать смертного приговора?

– Да, похоже, мы имеем дело с классическим случаем преднамеренного убийства. Думаю, что смерть в газовой камере будет заслуженной карой.

– Вы уверены, что вердикт присяжных будет именно таков?

– Полностью. Жюри присяжных округа Форд всегда с пониманием относилось к требованию смертной казни, если оно было достаточно обоснованным и исходило от меня. У меня там очень добросовестные присяжные.

– Мистер Брайгенс, адвокат обвиняемого, утверждает, что жюри вполне может и не предъявить никакого обвинения.

Бакли усмехнулся:

– Ну, видимо, мистеру Брайгенсу не стоило торопиться с выводами. Дело будет представлено большому жюри в понедельник, и во второй половине дня обвинение уже огласят. Обещаю вам это. Но ему, конечно же, виднее.

– Как по-вашему, дело будет слушаться в округе Форд?

– Мне все равно, где оно будет слушаться. Обвинение за мной.

– Вы ожидаете, что защита попытается сыграть на невменяемости Хейли?

– Я ожидаю чего угодно. Мистер Брайгенс – весьма талантливый адвокат по уголовным процессам. Не представляю, к каким хитростям он прибегнет, но штат Миссисипи в моем лице готов ко всему.

– А как насчет возможной попытки отвести состав суда?

– Я не очень-то верю в такие словопрения. Как, кстати, и Брайгенс. Нет, подобного я не предвижу.

– Он сказал, что еще ни разу не проиграл вам дела, по которому вы требовали смертной казни.

Улыбка тут же исчезла с лица прокурора. Навалившись грудью на стол, Бакли с неприятно посмотрел на журналиста.

– Это так, но я готов держать пари, он и словом не обмолвился о делах по грабежам и кражам, а? Я тоже своего не упустил. Девяносто процентов в них мои, если уж говорить честно.

Журналисты начали собираться, парень из Джексона поблагодарил Бакли за интервью.

– Без проблем, – ответил ему Руфус, – в любое время рад буду видеть вас.

С трудом передвигая ноги, Этель поднялась по лестнице и, войдя в кабинет Джейка, подошла к его огромному столу.

– Мистер Брайгенс, вчера вечером нам с мужем наговорили по телефону кучу мерзостей, и только что был еще один такой же звонок уже сюда, в офис. Мне это не нравится.

Джейк указал ей на стул:

– Садитесь, Этель. И что же эти люди говорят?

– Грубостью это, в общем-то, не назовешь. Скорее, запугиванием. Они угрожают мне, потому что я работаю на вас. Говорят, я еще пожалею, что служу у такого любителя черномазых. А когда позвонили сюда, то раздались угрозы вам и вашей семье. Я просто боюсь.

Джейк тоже испытывал тревогу, но старался не показывать это Этель. Еще в среду он связался с Оззи и рассказал ему о звонках.

– Смените номер, Этель. Я заплачу за это.

– Я не хочу менять свой номер. Он у меня уже семнадцать лет.

– Хорошо, не меняйте. А я свой заменил, не такая уж это сложная штука.

– Я этого делать не буду.

– Отлично. Что-нибудь еще?

– Н-ну, я думаю, вам не стоило браться за это дело. Я...

– Меня абсолютно не интересует ваше мнение на этот счет. Я плачу вам вовсе не за то, чтобы вы размышляли о моих клиентах и их делах. Если мне захочется узнать, что вы думаете, я спрошу вас сам. Но пока я этого не делаю, держите язык за зубами.

Обиженно надувшись, Этель вышла. Джейк начал набирать номер Оззи.

Примерно через час он услышал по интеркому голос Этель:

– Сегодня утром звонил Люсьен. Он попросил меня сделать копии нескольких последних дел и добавил, что ему было бы приятно, если бы вы подъехали с ними к нему сегодня, после обеда. Сказал, что после вашей предыдущей встречи прошло уже пять недель.

– Четыре. Займитесь копиями, я отвезу их ему сегодня.

Раз в месяц Люсьен обязательно заглядывал в офис или, по крайней мере, звонил. Он любил почитать отчеты о делах, старался быть в курсе последних новостей в законодательстве. Других занятий у него почти не было, разве что коротать время в компании «Джека Дэниэлса» или играть на рынке ценных бумаг. От двух этих развлечений Люсьен никогда не уставал. Большую часть времени он привык проводить в кресле на крыльце просторного, выкрашенного белой краской дома, стоявшего на вершине холма, в восьми кварталах от центральной площади, прихлебывая из стакана виски и вчитываясь в детали какого-нибудь дела.

После того как адвокатское сословие отторгло его, Люсьен здорово сдал. Он пригласил в дом прислугу, которую к тому же сделал и сиделкой, чтобы та подавала ему на крыльцо выпивку с полудня и до полуночи. На еду и сон он почти не тратил времени, предпочитая часами раскачиваться в кресле.

Предполагалось, что Джейк должен навещать его не реже раза в месяц. Так оно и было на самом деле, только эти визиты Джейка заставляло наносить какое-то странное чувство долга. Люсьен превратился в желчного больного старика, проклинавшего на чем свет стоит юристов, судей и особенно ассоциацию адвокатов штата. Джейк был его единственным другом, единственным слушателем, которого он мог найти и заставить в течение довольно-таки изрядного промежутка времени слушать свои излияния. Помимо чтения обличительных проповедей, Люсьен считал себя вправе давать Джейку юридические советы, которых тот и не думал просить. Эта его привычка была особенно раздражающей. Ему было известно все о тех делах, которые вел Джейк, хотя для самого Джейка оставалось загадкой то, откуда Люсьен черпает информацию. В Клэнтоне его видели на улицах весьма нечасто, да и то главным образом у магазина в квартале, где торговали спиртным навынос.

«Сааб» остановился позади грязного, выдавшего виды «порше». Поднявшись по ступенькам крыльца, Джейк подал Люсьену копии дел. Не было произнесено ни слова приветствия, просто он протянул Люсьену пачку листов, и тот, не проронив ни звука, принял ее. Они сидели в креслах-качалках бок о бок на просторном крыльце и смотрели на город. Вдалеке над крышами домов и верхушками деревьев виднелся верхний этаж здания городского суда.

Наконец Люсьен раскрыл рот, для того чтобы предложить Джейку сначала виски, затем – вина, а после него – пива. Джейк на все отвечал отказом. Карла была против спиртного, и Люсьен это знал.

– Поздравляю.

– С чем? – удивленно спросил Джейк.

– С делом Хейли.

– И с чем же тут поздравлять?

– У меня никогда не было такого большого дела, а уж я-то знаю, что говорю.

– В каком смысле большого?

– Известность, популярность – вот название игры для настоящего юриста, Джейк. Если о тебе не знают, ты умрешь от голода. Когда люди попадают в переplet, они идут к юристу, но выбирают того, о котором хоть что-то слышали. Ты должен уметь подать себя публике, если уж ты называешь себя уличным юристом. Конечно, если ты работаешь на солидную корпорацию или страховую компанию, это – совсем другое дело: отсиживая задницу, сдирать с клиента по сотне долларов в час, и так десять часов в день, доить какого-нибудь беднягу и...

– Люсьен, – негромко перебил его Джейк, – мы уже столько раз об этом говорили. Не лучше ли вспомнить о деле Хейли?

– Согласен-согласен. Готов поспорить, что Нуз откажется сменить место проведения процесса.

– А кто сказал, что я потребую этого?

– Ты будешь последним дураком, если поступишь иначе.

– Почему?

– Примитивнейшая статистика! Наш округ на двадцать шесть процентов черный. А любой другой будет черным по крайней мере на тридцать. Ван-Бюрен – на сорок процентов. Это значит: больше черных присяжных, потенциальных присяжных. Так что если тебе удастся перевод дела, ты обеспечишь себе более благоприятную атмосферу в совещательной комнате. Если же дело будет слушаться здесь, ты рискуешь тем, что все жюри окажется белым. Поверь, таких случаев было здесь немало. У нас достаточно присутствия в жюри одного ниггера, чтобы присяжные не пришли к единогласному решению.

– Но тогда назначат новое заседание.

– И все повторится сначала. А после третьего раза они сдадутся. Если жюри не сможет прийти к единому мнению, это будет лишним щелчком по самолюбию Бакли. Но после третьей попытки успокоится и он.

– В таком случае не проще ли прямо сказать Нузу, что я хочу перенести суд в другой округ, чтобы дело рассматривалось иным жюри, более черным?

– Можешь так и сделать, если хочешь, но я бы не стал. Я запел бы старую песню о необходимости привлечь к суду внимание широких кругов общественности, о предвзятом отношении к обвиняемому в родном городе и так далее.

– Но ты же сам говоришь, что Нуз не согласится.

– Конечно, не согласится. Дело слишком уж громкое, а станет еще громче. После вмешательства прессы суд фактически начался. О нем узнали все, и не только в округе Форд. В целом штате ты не найдешь человека, у которого бы на сегодняшний день не сложилось еще убеждения в виновности либо невиновности Хейли. А раз так, то какой смысл переносить суд в другое место?

– Тогда с какой стати мне требовать этого?

– Чтобы, когда этого беднягу признают виновным, иметь возможность подать обоснованную апелляцию. Ты сможешь утверждать, что суд был несправедливым потому, что не сменили место его проведения.

– Спасибо, что не дал совсем упасть духом. Каковы, интересно, шансы на то, что слушание все же перенесут в другой район, ну, скажем, куда-нибудь в дельту?

– Выбрось это из головы. Ты можешь потребовать переноса в другое место, но настаивать на каком-то конкретном месте у тебя права нет.

Этого Джейк не знал. Во время своих визитов к Люсьену он всегда узнавал нечто новое. Понимающе кивая, он не отрываясь смотрел на сидящего рядом пожилого мужчину с длинной седой бородой. Ни разу еще ему не удалось поставить Люсьена в тупик каким-нибудь вопросом из области уголовного права.

– Салли! – заорал вдруг Люсьен, резким движением руки посылая кубики льда из стакана в кусты.

– Кто такая Салли?

– Моя прислуга, – ответил он как раз в тот момент, когда на пороге появилась высокая и привлекательная негритянка и улыбнулась Джейку.

– Да, Люсьен?

– Мой стакан пуст.

Скользящей походкой она подошла, чтобы взять у него стакан. Ей не было еще и тридцати. Безукоризненная фигура, приятное лицо и очень темная кожа. Джейк попросил себе чаю со льдом.

– Где ты ее нашел? – спросил он, когда негритянка ушла.

Люсьен не отрывал взгляда от крыши здания суда.

– Где ты ее нашел?

– Не знаю.

– Сколько ей лет?

Люсьен не раскрыл рта.

– Она и живет здесь?

Никакого ответа.

– Сколько ты ей платишь?

– Неужели и это тебя касается? Уж побольше, чем ты платишь Этель. К тому же она еще и сиделка, чтоб ты знал.

«Ну еще бы», – ухмыльнувшись, подумал Джейк.

– Держу пари, забот ей хватает.

– Это не твои проблемы.

– Как я понимаю, ты не в восторге от моих шансов на оправдательный приговор.

На мгновение Люсьен задумался. Грациозная прислуга (или сиделка) вернулась с виски и чаем.

– В общем-то, нет. Это будет весьма непросто.

– Почему?

– Все выглядит как умышленное, хорошо спланированное убийство. У меня, во всяком случае, такая информация. Я не прав?

– Прав.

– Уверен, ты будешь настаивать на том, что он действовал в состоянии помешательства.

– Не знаю.

– Ты должен будешь это сделать, – строго поучал его Люсьен. – Я не вижу другого выхода. Не можешь же ты заявить, будто все это вышло случайно. Не скажешь же ты, что он пристрелил двух этих парней, закованных в наручники и безоружных, в целях самозащиты. Или скажешь?

– Нет.

– И не станешь организовывать ему алиби, чтобы объявить на суде: твой подзащитный в это время находился у себя дома, был с семьей?

– Конечно, нет.

– Что же тогда тебе остается? Ты должен будешь сказать, что он рехнулся!

– Но, Люсьен, на самом-то деле он нормален, и я не представляю, как можно найти какого-нибудь заумного психиатра, который признал бы, что в момент совершения преступления Хейли был не в себе. Ведь он предусмотрел абсолютно все, каждую деталь.

Люсьен улыбнулся, сделал большой глоток.

– Вот поэтому ты и попал в беду, мой мальчик.

Джейк поставил свой стакан с ледяным чаем на стол, качнулся в кресле. Люсьен наслаждался моментом.

– Вот поэтому ты и попал в беду, – повторил он.

– Что ты можешь сказать о присяжных? Ты и сам знаешь, что они будут сочувствовать.

– Именно поэтому тебе и следует настаивать на его невменяемости. Ты должен дать жюри возможность выхода. Ты должен показать им, каким образом обвиняемого можно признать невиновным, если им этого вдруг захочется. Если они и на самом деле окажутся преисполненными сочувствия, если вознамерятся оправдать Хейли, тебе совершенно необходимо избрать такую линию защиты, которую смогли бы использовать и они. И абсолютно не важно, верят они в его помешательство или нет. В совещательной комнате это не имеет никакого значения. Зато необходимо, чтобы у жюри был законный повод для оправдательного приговора, если опять же они захотят оправдать Хейли.

– А они захотят?

– Кое-кто – безусловно, однако Бакли выстроит очень мощное обвинение в предумышленном убийстве. Как прокурор он очень силен. Все сочувствие присяжных улетучится. Когда Бакли закончит свою речь, Хейли превратится в еще одного ниггера, преданного суду за убийство белого человека. – Люсьен покачал стакан, кубики льда зазвенели. Глядя на коричневую жидкость, он продолжил: – А ведь еще есть заместитель шерифа. Нападение на офицера с попыткой убийства влечет за собой пожизненное заключение без права на амнистию. Попробуй-ка справиться хотя бы с этим.

– Здесь не было никакого намерения.

– Замечательно! Это прозвучит чертовски убедительно, когда бедняга проковыляет на свидетельское место, чтобы показать присяжным свою культу.

– Культу?

– Да. Культу. Вчера вечером ему ампутировали ногу.

– Луни!

– Да, тому самому, в которого стрелял мистер Хейли.

– А я думал, с ним все в порядке.

– Он в полном порядке. Только без ноги.

– Как ты узнал об этом?

– У меня свои источники.

Поднявшись из кресла, Джейк подошел к краю крыльца, оперся на столбик. Его охватила слабость. Уверенность в себе куда-то исчезла, опять ее отнял у него Люсьен. У Люсьена была дьявольская способность отыскивать слабые места и ошибки в каждом деле Джейка. Для него это было чем-то вроде спорта, и, как правило, он не ошибался.

– Послушай, Джейк, я вовсе не хотел, чтобы мои слова прозвучали так безнадежно. Дело можно выиграть – это будет трудное и рискованное предприятие, но это возможно. Ты в состоянии вывести подопечного из зала суда, и ты должен верить в это. Только не слишком задирайся. На сегодняшний день ты сказал газетчикам достаточно. Остынь и принимайся за работу.

Люсьен выбрался из кресла, чтобы, подойдя к ступенькам, смачно плюнуть в кусты.

– Никогда не забывай о том, что мистер Хейли виновен, виновен с ног до головы. Подавляющая часть обвиняемых в уголовных преступлениях виновны, но Хейли виновен особенно. Он принялся вершить правосудие собственными руками и убил двух человек, обдумав их убийство самым тщательным образом. Но такого правосудия наши законы не признают. Это дело ты можешь выиграть, и если ты его выиграешь, то справедливость восторжествует. Однако если ты проиграешь, справедливость все равно восторжествует. Немного оно странное, это твое дело, а? Жаль, что веду его не я.

– Ты серьезно?

– Конечно, серьезно. Такое дело – мечта адвоката. Выиграй его – и слава тебе обеспечена. Ты станешь здесь первым среди юристов. Ты станешь богатым.

– Мне понадобится твоя помощь.

– Можешь рассчитывать на нее. Нужно же и мне что-то делать.

После ужина, уложив Ханну спать, Джейк рассказал Карле о звонках в его офис. Как-то во время одного из судебных заседаний, где Джейк выступал адвокатом по делу об убийстве, в доме тоже раздался странный звонок. Но не было никаких угроз, только чьи-то стоны и прерывистое дыхание. На этот раз все было по-другому. Незвестный называл их имена и обещал отомстить, если Карла Ли оправдают.

– Ты волнуешься? – спросила его Карла.

– Не очень. Скорее всего, это какие-нибудь мальчишки или кто-то из дружков Кобба. А ты напугана?

– Было бы лучше, если бы они нам не звонили.

– Такие звонки раздаются у каждого. Оззи получает их сотнями. Буллард, Чайлдерс – да кто угодно. Меня они не волнуют.

– А если все это вдруг станет более серьезным?

– Карла, я ни за что на свете не соглашусь подвергнуть свою семью опасности. Никакое дело не стоит этого. Как только мне покажется, что угрозы серьезны, я выйду из игры. Обещаю тебе.

На Карлу слова мужа особого впечатления не произвели.

Лестер отсчитал девять стодолларовых банкнот и артистическим жестом выложил их на стол перед Джейком.

– Здесь только девятьсот, – заметил Джейк. – Мы договаривались о тысяче.

– Гвен должна на что-то покупать продукты.

– А может, тебе просто захотелось выпить чуть-чуть виски?

– Брось, Джейк, ты же знаешь, я не стану воровать у родного брата.

– Ладно-ладно. Когда же Гвен отправится в банк за остальной суммой?

– Прямо от тебя я иду к ее банкиру. Эткавэйдж, если не ошибаюсь.

– Да, Стэн Эткавэйдж из «Секьюрити бэнк», это по соседству. Мой старый приятель. Он же предоставлял ссуду Карлу Ли под залог земли и в твоём деле. Доверенность у тебя с собой?

– В кармане. Сколько, интересно, он может нам дать?

– Представления не имею. Пойдешь и узнаешь.

Лестер вышел, а через десять минут Джейку позвонил Стэн.

– Слушай, Джейк, я не могу предоставить ссуду этим людям. Что, если его признают виновным, – не обижайся, я знаю, что ты отличный адвокат, – помнишь мой развод? Но как он будет расплачиваться, сидя в камере в ожидании исполнения приговора?

– Спасибо за комплимент, Стэн. Если он не расплачивается с тобой, его десять акров земли переходят к тебе, ведь так?

– Так, плюс еще его хибара. Десять акров кривых деревьев, кустарника и старая развалюха. Как раз то, о чем мечтает моя жена. Брось, Джейк!

– У него славный домик, почти полностью оплаченный.

– Это хибара, настоящая хибара. Она ничего не стоит, Джейк. Она не нужна банку.

– Но ведь раньше ты ссужал под нее деньги.

– Раньше Хейли не сидел в тюрьме, там был его брат, ты и сам это помнишь. Раньше он работал на фабрике, и работа у него была не такая уж плохая. Теперь же его ждет Парчмэн.

– Стэн, спасибо тебе за моральную поддержку.

– Джейк, я как никто другой верю в твои адвокатские способности, но только не могу ссужать под эту веру деньги. Если кто-то его может спасти, то только ты. И я надеюсь, ты сделаешь это. Но дать ему ссуду – нет. Бухгалтеры-аудиторы разорвут меня на части.

Лестер попробовал обратиться в «Пиплз бэнк» и в «Форд нэшнл» – результат везде был один. Все надеялись, что его брат будет оправдан, но вдруг выйдет иначе?

Великолепно, думал Джейк. Девятьсот долларов в качестве гонорара по делу об умышленном убийстве.

Глава 11

Клод не видел для своего заведения никакой нужды в отпечатанном меню. Много лет назад, когда он только открыл кафе, заказать в типографии меню было ему не по средствам, а теперь он не испытывал в нем ни малейшей необходимости, поскольку подавляющее большинство посетителей и так знали, что тут подают. К завтраку не готовилось ничего, кроме риса и тостов, хотя цены каждый день были не теми, что вчера. По пятницам на обед подавали жареное плечо поросенка и ребрышки – и это было известно каждому. В течение недели среди посетителей редко встречался белый, а вот каждую пятницу в полдень половина мест за столиками была занята именно белыми. Теперь-то Клод знал, что они любят жаренное на углях мясо не меньше негров, вот только готовить его не умеют.

Джейк и Стэн Эткавэйдж отыскивали небольшой столик поблизости от кухни. Клод лично принес им тарелки с ребрышками и нашинкованную капусту. Чуть склонившись к плечу Джейка, он негромко проговорил:

– Желаю удачи. Надеюсь, ты вытацишь его.

– Спасибо, Клод. Рассчитываю увидеть тебя в составе жюри.

Клод засмеялся.

– А могу я напроситься в него?

Джейк приступил к еде, лишний раз упрекнув Эткавэйджа в нежелании предоставить Хейли ссуду. Банкир был непоколебим, но все-таки предложил ссудить Хейли пять тысяч долларов, если Джейк согласится быть его поручителем. Джейк объяснил, что это выглядело бы неэтично.

На тротуаре у входа начала образовываться очередь, нетерпеливые и проголодавшиеся люди заглядывали внутрь сквозь стекла окон, на которых краской было написано название заведения. Клод умудрялся находиться в нескольких местах сразу, принимая заказы, отдавая приказание персоналу, стоя у плиты, подсчитывая деньги, крича что-то, ругаясь, приветствуя новых посетителей и вежливо прося побыстрее освободить места тех, кто уже закончил свою трапезу. По пятницам, после того как заказанное ставилось перед клиентом, ему отпускаясь на его поглощение ровно двадцать минут, по истечении которых Клод просил, а иногда и требовал оплаты счета и освобождения столика для того, чтобы обслужить как можно больше народу и, соответственно, как можно больше заработать.

– Прекратите болтать и ешьте! – орал он в таких случаях.

– Но у меня еще десять минут, Клод!

– Семь!

По средам он подавал на обед рыбу, жареную зубатку, и давал посетителю целых тридцать минут – из-за костей. По средам белое население обходило ресторанчик Клода стороной, и он знал почему. Из-за соуса, приготавливаемого по старинному рецепту, секрет которого передала Клоду его бабка. Соус был густым и жирным и, попав в нежный желудок белого человека, начинал вытворять там такое... Негров же он не отпугивал нисколько, наоборот, каждую среду казалось, что сюда их привозят целыми грузовиками.

Возле кассы сидели двое приезжих, они с благоговейным ужасом следили за тем, как Клод дирижирует рестораном. Скорее всего, репортеры, подумал Джейк. Всякий раз, когда Клод приближался к ним или хотя бы бросал на них взгляд, оба тотчас же с озабоченным видом принимались рассматривать стол. Каждому было ясно, что они с севера, что ни тому, ни другому не приходилось еще пробовать свиных ребрышек. Они попытались было заказать какие-то салаты и холодные закуски, но Клод быстро поставил обоих на место, предложив либо удовлетвориться тем, что есть, либо освободить столик. Повернувшись к ним спиной, он во всеуслышание объявил, что два пришлых простака захотели, видите ли, салатов.

– Вот вам ваш обед. Поторопитесь управиться с ним, – сурово сказал он им, ставя тарелки на стол.

– И никаких ножей для мяса? – кисло спросил один.

Клод только поднял к потолку глаза и направился прочь, покачивая головой и бормоча что-то себе под нос.

Но тут один из них заметил Джейка и после нескольких минут разглядывания все же решился подойти к его столику.

– Это вы Джейк Брайгенс, адвокат мистера Хейли?

– Ну я. А вы кто такой?

– Роджер Маккитрик, корреспондент «Нью-Йорк таймс».

– Рад познакомиться. – Джейк улыбнулся, голос его сразу потеплел.

– Я освещаю дело Хейли, и мне хотелось бы как-нибудь поговорить с вами. Собственно, чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Я не очень-то занят после обеда. Сегодня у нас пятница.

– Если можно, чуть позже.

– Скажем, в четыре?

– Отлично. – Маккитрик заметил, что из кухни в зал вышел Клод. – Встретимся в четыре.

– Так, парень! – заорал на него Клод. – Время твое вышло. Плати и можешь быть свободен.

Джейк и Эткавэйдж покончили с едой через пятнадцать минут и сидели, дожидаясь потока брани со стороны Клода. Они облизывали пальцы, вытирали губы и щеки и обменивались замечаниями относительно нежности свиных ребрышек.

– Этот процесс сделает тебя знаменитостью, не так ли? – поинтересовался Эткавэйдж.

– Надеюсь. Заработаю я на нем, во всяком случае, немного.

– В самом деле, Джейк, ведь он поможет в твоей практике?

– Если я выиграю дело, то клиентов у меня будет больше, чем я смогу обслужить. Конечно, поможет. Тогда я смогу выбирать дела сам, смогу выбирать себе клиентов.

– А что это будет значить в финансовом плане?

– Не имею представления. Сейчас нельзя еще сказать, кого или что именно сможет привлечь моя возможная известность. Просто у меня будет больше дел, из которых что-то можно выбрать, значит, и денег должно быть больше. Я смогу не думать о том, что перерабатываю.

– Само собой, об этом тебе не придется беспокоиться.

– Видишь ли, Стэн, не такие уж мы, юристы, и богачи. Теперь этот диплом уже не то, что раньше, – уж слишком много нас стало. Четырнадцать человек в таком маленьком городке, как наш. Даже здесь, в Клэнтоне, конкуренция достаточно сильна – хороших дел мало, а юристов много. В больших же городах еще хуже, и все большее число выпускников юридических колледжей не могут найти себе работу. Ко мне в год приходит человек десять в поисках места. Крупная фирма в Мемфисе несколько месяцев назад уволила группу юристов – ты когда-нибудь о таком слышал? Как на какой-то фабричке. Их просто выставили за дверь. Думаю, им не осталось ничего иного, как только идти на биржу вместе с безработными и стоять там в очереди за каким-нибудь бульдозеристом. Теперь дошла очередь до юристов – не секретарши, не водители грузовиков, а юристы!

– Прости меня за неудачный вопрос.

– Как я могу не думать о том, что слишком перерабатываю? Это дает мне четыре тысячи в месяц, а ведь я практикую один. В общей сложности это пятьдесят тысяч в год, и мне редко удается что-либо отложить. Несколько месяцев все идет более или менее ровно, потом поток клиентов редет. Каждый месяц все по-разному. Я даже не решаюсь прикинуть, сколько заработаю в следующем месяце. Поэтому дело Хейли так для меня важно. Другого такого никогда не будет. Это вершина. Я могу до конца жизни работать, и никогда больше репортер из «Нью-

Йорк таймс» не оторвет меня от обеда, чтобы договориться об интервью. Если я выиграю это дело, я стану самым известным юристом в штате. Вот тогда-то я смогу забыть о переработках.

– А если ты проиграешь?

На мгновение Джейк замолчал, оглядывая зал в поисках Клода.

– Известность появится вне зависимости от исхода дела. Выиграю я или проиграю, процесс пойдет на пользу моей практике. Но проиграть будет очень обидно. Каждый юрист округа втайне надеется, что у меня ничего не выгорит. Всем хочется, чтобы Хейли осудили. Они слишком ревнивы, они боятся, что в случае удачи я уведу у них их клиентуру. Все юристы ужасно ревнивы.

– И ты тоже?

– Конечно. Возьми, к примеру, фирму Салливана. Я презираю в ней каждого, но в какой-то мере я и к ним испытываю ту же ревность. Мне бы хотелось иметь кое-кого из их клиентов, вести некоторые их дела, чувствовать себя так же уверенно, как и они. Они хорошо знают, что в конце каждого месяца их ждет чек на приличную сумму, это им почти гарантировано, а к Рождеству каждому вручают еще и конверт с премией. Они представляют интересы старых, надежных клиентов. Я не отказался бы для разнообразия получать какое-то время такое же удовольствие. Что же касается меня, то я защищаю всяких алкоголиков, убийц, супругов, калечащих друг друга, каких-то страдальцев, у которых нет или почти нет денег. И я никогда не знаю, сколько таких клиентов войдут в мой кабинет через месяц.

– Постой-ка, Джейк, – перебил его Эткавэйдж – Я бы с удовольствием продолжил разговор, но Клод только что посмотрел на часы, а затем перевел свой взгляд на нас. Боюсь, наши двадцать минут уже истекли.

В счете Джейка сумма, подлежащая оплате, была на семьдесят один цент больше, чем у Эткавэйджа, а поскольку их заказы были совершенно одинаковы, у Клода потребовали объяснений.

– Ничего странного, – ответил тот, – ведь у Джейка в тарелке было на одно ребрышко больше.

Маккитрик, выглядевший весьма представительно, оказался к тому же и пунктуальным, дотошным и напористым. В Клэнтоне он появился в среду, чтобы изучить и описать случай, который в настоящее время представлялся каждому как самое громкое убийство в стране. Он уже говорил с Оззи и Моссом, и оба посоветовали ему побеседовать с Джейком. Он общался с Буллардом – сквозь закрытую дверь его кабинета, – и судья рекомендовал ему то же. Он взял интервью у Гвен и Лестера, однако ему не разрешили увидеться с девочкой. Он толковал с постоянными посетителями кафе и чайной, с завсегдатаями расположенных у озера баров Хью и Энн. Имел место и разговор с бывшей женой Уилларда, а вот миссис Кобб отказалась принять репортера: она устала от журналистов. Кто-то из братьев Билли Рэя вызвался дать интервью за вознаграждение, но тут уж отказался Маккитрик. Он съездил на фабрику, чтобы встретиться с коллегами Хейли, он побывал в Смитфилде, чтобы задать несколько вопросов окружному прокурору. Роджер планировал провести в городе еще несколько дней, а потом подъехать на суд.

Родом Маккитрик был из Техаса и сохранил за собой привычку, когда ситуация позволяла, медленно растягивать слова – это производило впечатление на местных, развязывало им языки. Напевность речи выделяла его из абсолютного большинства других представителей средств массовой информации, которые придерживались четкого, выверенного произношения современного американского языка.

– Что это такое? – спросил Маккитрик, указывая на середину стола, за которым сидел Джейк.

– Магнитофон, – последовал ответ Джейка.

Маккитрик поставил свой собственный репортерский магнитофон на стол и посмотрел на Джейка:

– Могу я узнать: для чего он вам?

– Конечно, можете. Это мой кабинет, мое интервью, и если я хочу записать его на пленку, то сделаю это.

– Вы ожидаете каких-либо неприятностей?

– Я стараюсь предупредить их. Очень неприятно, когда твои слова перевирают.

– Это не мое амплуа.

– Тем лучше. Значит, вы не станете возражать против того, чтобы каждый из нас воспользовался своим магнитофоном.

– Вы не доверяете мне, мистер Брайгенс?

– Не доверяю, черт побери. Кстати, меня зовут Джейк.

– Почему вы мне не доверяете?

– Потому что вы репортер, вы из нью-йоркской газеты, вы приехали сюда в поисках сенсации, и, если вы и на самом деле тот, за кого себя выдаете, из-под вашего пера выйдет напичканная фактами статейка, пронизанная морализаторским духом, а все мы будем выглядеть невежественными чурбанами-расистами.

– Вы ошибаетесь. Прежде всего я из Техаса.

– А газета ваша нью-йоркская.

– Сам я считаю себя южанином.

– Давно вы уехали с Юга?

– Около двадцати лет.

Джейк улыбнулся и покачал головой, как бы говоря: это – слишком долгое время.

– И моя газета вовсе не гонится за сенсацией.

– Посмотрим. До суда еще несколько месяцев. У нас будет время ознакомиться с вашими статьями.

– Ну что ж, это справедливо.

Джейк нажал кнопку записи своего магнитофона, то же самое сделал и Маккитрик.

– Может ли Карл Ли рассчитывать на то, что суд округа Форд отнесется к рассмотрению его дела совершенно беспристрастно?

– А почему нет? – спросил Джейк.

– Но ведь он негр. Он убил двух белых мужчин, и судить его будет жюри, состоящее из присяжных-белых.

– То есть вы хотите сказать, что его будет судить горстка расистов?

– Нет, я сказал совершенно иное, а этого у меня и в мыслях не было. Почему вы решили, что я считаю всех вас расистами?

– Потому что вы на самом деле так считаете. Это стало стереотипом, и вы о нем знаете.

Маккитрик пожал плечами и быстро записал что-то в блокноте.

– Так вы ответите на мой вопрос?

– Да. Он может рассчитывать на беспристрастное рассмотрение своего дела в суде округа Форд, если слушание состоится здесь.

– Вы хотите, чтобы оно состоялось здесь?

– Мы попытаемся перенести слушание в другое место.

– Куда именно?

– Выбор не за нами. Его сделает судья.

– Где Хейли раздобыл «M16»?

Джейк усмехнулся и покосился на магнитофон.

– Не знаю.

– Обвинили бы его в совершении преступления, если бы он был белым?

- Он негр, и обвинение ему еще не предъявлено.
- Но если бы он был белым, его обвинили бы?
- Я думаю, да.
- И жюри присяжных согласилось бы с обвинением?
- Не хотите ли сигару? – Из ящика стола Джейк достал «Руа-тан»⁶, снял целлофановую обертку, не спеша прикурил от газовой зажигалки.
- Нет, благодарю вас.
- Нет, будь он белым, присяжные оправдали бы его. Таково мое мнение. Во всяком случае, здесь, в Миссисипи, или в Техасе, или в Вайоминге. Не уверен насчет Нью-Йорка.
- Почему же?
- У вас есть дочь?
- Нет.
- Тогда вам не понять.
- Все же я не теряю надежды. Значит, мистер Хейли судом присяжных будет осужден?
- Скорее всего.
- Выходит, по отношению к черному населению система не так уж и справедлива?
- А вам приходилось говорить с Раймондом Хьюджесом?
- Нет. Кто это?
- На последних выборах он выдвинул себя на должность шерифа, но допустил одну ошибку – не учел того, что его соперником был Оззи Уоллс. Хьюджес – белый, Оззи, само собой, нет. И если я не ошибаюсь, Оззи получил тридцать один процент голосов. Так почему бы вам не обратиться к мистеру Хьюджесу с вопросом о справедливости системы в отношении черных?
- Я имел в виду правоохранительную систему.
- Система везде одна и та же. Кто, по-вашему, сидит за столом присяжных? Те же самые избиратели, которые сделали Оззи Уоллса шерифом.
- Ну хорошо, но если белый может быть оправдан за то же, за что негра, скорее всего, осудят, то не объяснили бы вы, на чем основана ваша уверенность в том, что система одинаково справедлива к обоим?
- А она и не справедлива.
- Боюсь, не совсем понимаю вас.
- Система отражает в себе состояние общества. Она не всегда справедлива, но она и не менее справедлива, чем в Нью-Йорке, Массачусетсе или Калифорнии. Она настолько справедлива, насколько предвзятой и подверженной воздействию эмоций ее делает сам человек.
- И вы думаете, местный суд отнесется к мистеру Хейли также, как и нью-йоркский?
- Я хочу сказать, что в Нью-Йорке расизма столько же, сколько и в Миссисипи. Посмотрите на наши государственные школы: они десегрегированы точно так же, как и любые другие в стране.
- По решению суда.
- Да, но что вы скажете о ваших нью-йоркских судах? В течение многих лет вы, благочестивые лицемеры, показывали на нас пальцем, требуя осуществления десегрегации на деле. Что же, это было сделано, и мир не рухнул. Но в своем благочестии вы без всяких душевных мук забыли о своих собственных школах, о своих соседях, о ляпсухах в избирательном праве, о своих жюри присяжных – поголовно белых, о советах городского управления. Да, мы заблуждались, но мы заплатили за свои ошибки дорогую цену. Зато мы кое-чему научились, и, хотя перемены идут слишком медленно и болезненно, мы все же стараемся. А вы – вы продолжаете тыкать в нас пальцем.

⁶ Сорт дорогих сигар.

– У меня и в мыслях не было развязывать новую битву за Геттисберг⁷.

– Прошу меня извинить. К какой защите мы прибегнем? В настоящее время я и сам не знаю. Честно говоря, сейчас еще просто слишком рано. Ведь пока даже не предъявлено обвинение.

– Но оно, вне всякого сомнения, будет предъявлено?

– Вне всякого сомнения, нам это пока еще неизвестно. Похоже, что да. Когда вы хотите это опубликовать?

– Наверное, в воскресенье.

– Хотя какая разница. Здесь вашу газету никто не читает. Да, ему будет предъявлено обвинение.

Маккитрик посмотрел на часы, и Джейк выключил свой магнитофон.

– Послушайте, я вовсе не так уж плох, – обратился к нему репортер. – Давайте выпьем как-нибудь пива и покончим со всем этим.

– Не для прессы: я не пью. Но принимаю ваше предложение.

Первая пресвитерианская церковь Клэнтоня располагалась через дорогу от Первой объединенной методистской церкви, и обе они находились на расстоянии прямой видимости от гораздо большей Первой баптистской церкви. У баптистов было больше прихожан и денег, зато пресвитерианцы и методисты заканчивали свои воскресные службы раньше. И поэтому, когда баптисты в половине первого подходили к дверям ресторанов, чтобы всей семьей пообедать, им приходилось стоять в очереди и смотреть, как другие медленно наслаждаются едой и приветливо помахивают им руками.

Джейк был абсолютно уверен в том, что баптиста из него никогда бы не вышло. На его взгляд, они были чуточку ограничены и излишне строги, а потом, они вечно пеклись о воскресной вечерней службе. Джейк же не выносил этой церемонии. Карлу воспитывали в баптистской вере, его самого – как методиста, однако во время их бракосочетания был достигнут компромисс, и оба супруга стали пресвитерианцами. Церковью своей они были довольны, службами ее тоже и пропускали их редко.

В воскресенье они сидели в том же ряду, что и всегда, неподалеку от уснувшей Ханны и ее родителей, и не обращали никакого внимания на проповедь. Джейк представлял, как он стоит в суде лицом к лицу с Бакли, перед двенадцатью порядочными и законопослушными гражданами – присяжными, и за каждым его словом и жестом следит вся страна. При этом он глаз не сводил со священника. Карла мысленно обновляла обстановку столовой, тоже не упуская при этом ни на секунду из виду исполненную достоинства фигуру священника. Время от времени Джейк чувствовал на себе чей-то трепетный взор; к концу службы ему стало ясно, что некоторые из прихожан при виде такой знаменитости, которой он уже стал, едва не впадали в священный ужас. Он также обратил внимание на заметные даже в общей массе молящихся странные лица: они выражали то ли глубокое раскаяние, то ли нетерпение – в полумраке было трудно разобрать. Джейк терялся в догадках до тех пор, пока один человек не обернулся в его сторону. Тогда ему окончательно стало ясно: это репортеры.

– Я получил настоящее удовольствие от проповеди, ваше преподобие, – не задумываясь солгал Джейк, пожимая на ступенях храма руку священнику.

– Рад тебя видеть, Джейк, – отозвался его преподобие. – Всю неделю мы следили за тобой по телевизору. Мои детишки кричали от восторга всякий раз, как ты показывался на экране.

– Благодарю вас. Помолитесь за нас Господу.

⁷ Город в штате Пенсильвания, где армия северян в 1863 г. остановила наступление южан, добившись таким образом перелома в ходе Гражданской войны.

Затем они отправились на машине в Кэрауэй на воскресный обед к родителям Джейка. Жене и Ева Брайгенс жили в старом семейном гнезде – медленно разрушающемся сельском доме, стоявшем на пяти акрах поросшей деревьями земли в самом центре Кэрауэя, в трех кварталах от Мэйнстрит и двух кварталах от школы, где Джейк и его сестра проучились по двенадцать лет. Оба, отец и мать, вышли на пенсию, но чувствовали себя еще достаточно молодыми для того, чтобы на лето отправляться куда-нибудь по стране в летнем домике на колесах. В понедельник они намереваются поехать в Канаду, а назад планируют вернуться только после Дня труда⁸. У Джейка не было брата, а старшая сестра жила в Новом Орлеане.

Воскресный обед, приготовленный матерью Джейка, являл собой типичное южное пиршество, с избытком всевозможного жареного мяса, свежих – прямо с грядки – овощей, сваренных, обжаренных в масле, печеных и сырых, а также домашних булочек и печенья. На столе, помимо перечисленного, помещались два полных соусника, арбуз, дыня, персиковый мусс, лимонный пирог и клубничные пирожные. Съедена, конечно, будет только малая часть этих яств, остальное Ева вместе с Карлой аккуратно упакует. В Клэнтоне семья сына целую неделю сможет не думать о покупке продуктов.

– А как твои родители, Карла? – поинтересовался мистер Брайгенс, передавая супруге булочку.

– С ними все в порядке. Я только вчера говорила по телефону с мамой.

– Они все еще в Ноксвилле?

– Нет, сэр. Они уже перебрались в Уилмингтон на все лето.

⁸ Отмечается в США в первый понедельник сентября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.